

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Андрей Сухарев

БЕЛАРУСЬ СЕВЕРНАЯ

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2016*

УДК 94(476.5):271.2:908(476.5):929.52(476.5)
ББК 63.3(4Бей-4Вит)-28+86.372+26.89(4Бей-4Вит)
С91

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 24.12.2015 г.

Автор: доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук **А.А. Сухарев**

Р е ц е н з е н т :

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса
ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук
В.Г. Стаценко

Сухарев, А.А.

С91 Беларусь Северная / Андрей Сухарев. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – 204 с.
ISBN 978-985-517-526-2.

Данное издание посвящено северной части Беларуси, называемой Белорусским Поозерьем. Автором рассмотрены особенности поселения и адаптации староверов на витебских землях начиная с середины XVII века. Дано описание старинного старообрядческого рода Красиковых. Приводятся этнографические описания знаковых мест Витебской области и г. Витебска XX века.

Для преподавателей, учителей, студентов, краеведов, всех тех, кто интересуется историей своего края.

УДК 94(476.5):271.2:908(476.5):929.52(476.5)
ББК 63.3(4Бей-4Вит)-28+86.372+26.89(4Бей-4Вит)

ISBN 978-985-517-526-2

© Сухарев А.А., 2016
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ИСТОКИ	7
1.1. Староверы на витебских землях	7
1.2. История рода Красиковых по линии дедушки Красикова Василия Сисоевича	28
1.3. Красиков Василий Сисоевич – наставник Витебской старообрядческой поморской общины	44
1.4. Мать	51
ГЛАВА 2. ВИТЕБСК – СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА	57
2.1. Война и Витебск (некоторые страницы истории)	57
2.2. Витебск в детстве (50–60-е годы)	77
2.3. Юность	109
2.4. Армия	118
2.5. Учитель и друг. Москва	123
2.6. Кирюшкины рассказы	138
ГЛАВА 3. ДОРОГАМИ ЯНА БАРЩЕВСКОГО, ИЛИ 200 ЛЕТ СПУСТЯ	146
3.1. А что за тем поворотом?	146
3.2. Нещердо	164
3.3. Лебединый Мох	183
3.4. Глухарь. Болото	197

ВВЕДЕНИЕ

С укреплением независимости и суверенитета белорусского государства наблюдается активный рост национального самосознания населения. В этой связи повышается интерес граждан к истории и краеведению своей Родины, её национальным традициям, обычаям, прошлому.

Значительный вклад в общую культуру Беларуси внесло переселение сюда с середины XVII века большого количества староверов, бежавших из-за раскола и гонений со стороны властей. Представляют научный и краеведческий интерес особенности расселения староверов в северной части Беларуси, а именно на витебских землях. На Витебщину в основном бежали старообрядцы с Новгородской земли и Поморья. Заслуживают также внимания вопросы их адаптации и трансформации в белорусское общество.

Первые поселения староверов на витебских землях зафиксированы в 1655 году вокруг Браслава и Видз, на территории нынешних Витебского, Полоцкого и Лепельского районов, Динабургском уезде и в 1694 году – в Невельском уезде. На Витебщине первыми духовными наставниками староверов были Феодосий Васильев, Филимон Петрович, Степан Афанасьевич.

В последнее время в научных кругах возникают дискуссии о значении понятий «старовер» и «старообрядец». В нашем обществе на обыденном уровне давно закрепилось понятие «старовер», например, говорят «староверы Лыковы» и т.п. В то же время лингвистический смысл слов вера и обряд разный. Обряд – это религиозный ритуал, традиционные действия, но это не дух, не воля и т.д. Большая российская энциклопедия (Москва, 2006) даёт следующее определение веры: «Вера – в некоторых религиозных системах центральная мировоззренческая позиция, и одновременно психологическая установка, включающая: во-первых, принятие определённых утверждений (догматов) и решимость придерживаться этих догматов вопреки всем сомнениям; во-вторых, личное доверие к Богу..., в-третьих – личную верность Богу, на “служение” которому верующий отдает себя» [1, с. 148]. По большому счёту термин «старообрядчество» не отражает в полной мере духа, сути людей, сподвигнувшихся на самоотверженное неподчинение сильнейшему давлению со стороны царской власти и официальной церкви и добровольно принявших на себя неслыханное самопожертвование во имя старой веры. С середины XVII века староверы явились воплощением духа свободы, истинного братства и, в большей степени, чем казачество, стали олицетворением истинной Руси.

Наряду с этим не следует запутывать очевидное и уводить в сторону читателя излишними усложнениями и деталями. Для большей объективности обратимся к двум авторитетным источникам: «Большая энциклопедия в шестидесяти двух томах», изданная в Москве в 2006 году и «Беларуская энцыклапедыя», изданная в Минске в 2002 году.

«Большая энциклопедия в шестидесяти двух томах» даёт следующие определения:

«Староверы – общее наименование последователей ортодоксального православия до церковной реформы патриарха Никона, так называемых старообрядцев» [2, с. 583].

«Старообрядчество – раскольниковство, староверие, совокупность различного рода религиозных течений и организаций, возникших в результате раскола Русской православной церкви в середине XVII века» [2, с. 583].

«Белорусская энциклопедия» даёт следующие толкования:

«Стараверства – рэлігійная плынь, якая ўзнікла ў 2-й пал. XVII стагоддзя ў выніку расколу ў Рускай праваслаўнай царкве і адмовы часткі насельніцтва прызнаць царкоўныя рэформы патрыярха Нікана» [3, с. 154].

«Стараабрадства – тое, што стараверства» [3, с. 153].

Как видим, академические энциклопедические издания практически отождествляют понятия «старовер» и «старообрядец». Исходя из этого они используются в книге одновременно как равнозначные и, таким образом, как бы уравнивают друг друга.

В принципе, сегодня с позиции современного взгляда на исторические события, связанные с расколом, можно утверждать, что старообрядчество в те времена являлось носителем инакомыслия. Оно также помогало сохранять принципы гуманизма, человеколюбия, помощи и укрывательства гонимых людей в достаточно неблагоприятных условиях жёсткого царского режима и подавления всякого стремления к свободе. Соблюдение вышеназванных общечеловеческих принципов у староверов характерно и для гораздо более позднего времени. В октябре 2015 года в очереди в ГАИ один мужчина под шестьдесят рассказал мне историю своего деда. В 30-х годах его дед был раскулачен и сослан в Сибирь вместе с женой и двумя несовершеннолетними детьми. Закон тогда был гуманен, и их несовершеннолетних детей оставили на попечение родственников, у которых и своих детей было много.

Они плыли на барже по большой сибирской реке. В какое-то время дед выбрал момент и подошёл к конвоиру, достал из распоротой подкладки старой телогрейки несколько золотых монет и попросил у него помощи в спасении. Конвойный всё понял и сказал, что вскоре будет излучина реки, глубина там небольшая, и им надо прыгнуть за борт. Пока охрана разберётся, что к чему, они уже достигнут берега. Всё так и вышло. Когда они были уже далеко от баржи, то слышали несколько запоздалых выстрелов. Они стали вновь вольными. Им повезло: недалеко в тайге они вышли на небольшое поселение староверов. Те с пониманием приняли беглецов, хотя по тем временам это было очень опасно. Дед с семейством осел возле староверов. С их помощью они раскорчевали участок тайги и постепенно стали с большими трудами обживать. Через несколько лет они были раскулачены повторно.

Спустя много лет А.И. Солженицын, рассуждая о появившемся новом принципе советской эпохи «важен результат» (имеется в виду любой це-

ной), пишет: «Откуда это к нам пришло? Отступя лет 300 назад, – разве с Руси старообрядческой могло такое быть? Это пришло к нам с Петра, от славы наших знамён и так называемой «чести нашей родины». Мы придавливали наших соседей, расширялись, – и в отечестве утверждалось: важен результат» [4, с. 563].

Особенно много старообрядцев выбрало себе место проживания в Полоцком уезде и, в частности, в д. Жарцы. Это Родина моих предков Красиковых. Даже некоторые официальные лица Русской православной церкви (РПЦ), например, архиепископ Полоцкий и Витебский Василий в 1835 году отмечал, что особенно раскольники деревни Жарцы отличаются своей храбростью, стойкостью и готовностью всегда дать приют преследуемым.

Многим нынешним белорусам стало присуще восстанавливать свои генеалогические древа, делать родословные росписи. Известно, что на Кавказе можно наблюдать типичную картину, когда аксакалы в ауле, сидя в тенёчке, смотрят, как играют и резвятся местные ребятишки. Иногда они могут подозвать кого-либо из них и попросить назвать своих предков, и если тот не вспомнит их до седьмого колена, то старцы объявят позор его родителям. Действительно, история страны не может существовать в отдельности от судеб конкретных людей. Родословные наполняют конкретным содержанием и помогают устранять пробелы в информации, передаваемой последующим поколениям. Важно зафиксировать имеющиеся сведения и факты, так как многое уже утрачено.

Северная Беларусь, часто называемая Белорусским Поозерьем, имеет свои уникальные природные и этнографические особенности. В XIX веке этот край исследовали и описывали такие известные историки и этнографы, как А.К. Киркор, А.М. Сементовский, К.С. Стецевич, писатель Ян Барщевский и др. В частности, они отмечали, что народный этнос, мифы, легенды особенно развиты в Витебской и Могилёвской губерниях, но больше всего в окрестностях Полоцка. Сравнительное краеведение позволяет отчётливо выявить основные тенденции в социально-культурных преобразованиях, происходящих во времени на территории правобережья Западной Двины. Нынешнему поколению в условиях вездесущей глобализации особенно важно сберечь природу Поозерья, традиции и обычаи людей, его населяющих.

Литература

1. Большая российская энциклопедия. – М.: Научное издательство «Большая научная энциклопедия», 2006. – Т. 5. – С. 148.
2. Большая энциклопедия в шестидесяти двух томах. – М.: Терра, 2006. – Т. 47. – С. 583.
3. Беларуская энцыклапедыя. – Мінск, 2002. – Т. 15. – С. 154.
4. Солженицын, А.И. Архипелаг Гулаг / А.И. Солженицын. – М., 1989. – Т. 2. – С. 563.

ГЛАВА 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ. ИСТОКИ

1.1. Староверы на витебских землях

Как длинна наша жизнь,
так длинен и список
наших согрешений.

Из наследия староверов

Распространение христианства на восточнославянских землях началось с Крымского полуострова. Когда святые апостолы (посланники) разошлись из Иерусалима по всей земле с евангельским благовестием, святой апостол Андрей Первозванный получил в жребий себе Скифию. Поэтому своё благовестие святой апостол начал осуществлять с названного полуострова, где тогда находились многочисленные греческие колонии. Затем, дойдя до устья Днепра, он пошёл вверх по великому водному пути «из варяг в греки». Много столетий украшало Русскую землю древнее христианское благочестие. В мире и любви Церковь Христова учила и просвещала русский народ, духовно питая русскую культуру. Так продолжалось до середины XVII века, пока не грянул раскол. В этой связи некоторые историки и исследователи богословия считают, что проблемы в России начались не с 1917 года, а с XVII века. Также часть теоретиков религии сравнивает старообрядцев в инструментальном плане с протестантами.

В 1652 году в Москве, после смерти патриарха Иосифа, Стефан Вонифатьев отказался принять предложенный ему престол и выдвинул кандидатуру митрополита новгородского Никона. Царь Алексей Михайлович с радостью согласился, так как он уже был с ним знаком. Никон сразу поставил условие, чтобы царь и Церковь его во всём слушались. Никоном обуревала мечта о православной империи. На этот путь Никона сподвигнули беседы с Иерусалимским патриархом Паисием. Паисий указывал Никону, что русский обряд отличается от греческого, что в русский устав вкрались погрешности. Ради справедливости следует отметить, что Византийская церковь на протяжении своей истории сама неоднократно испытывала потрясения и выдвигала противоречивые толкования, в том числе, и в русле сближения с римской католической церковью.

Отправной точкой раскола считается событие, когда патриарх Никон перед великим постом 1653 года разослал по московским церквам,

епархиям и монастырям указ «Память», в котором указывалось уменьшить число земных поклонов на службе Ефрема Сирина и креститься тремя перстами. Окончательно раскол в Русской православной церкви закрепился в результате греческих нововведений, принятых на Соборах 1654–1657 годов. Тем не менее, многие верующие не захотели менять прежние обычаи, освященные памятью предков, и отказались подчиняться указаниям патриарха-реформатора Никона и царя Алексея Михайловича. За это они попали в жестокую опалу. Больше всего староверов бежало на северо-восточные земли Великого княжества Литовского (витебские земли) из Новгородской земли и Поморья. Причиной этого явилось наличие давних связей с нашими краями и географическая близость.

В 1657 году братия Соловецкого монастыря, руководимая архимандритом Ильёй, отказалась принять новопечатные богослужебные книги. Соловецкий монастырь в то время обладал огромным духовным авторитетом и влиянием среди христиан. 27 декабря 1667 года царский указ поспособствовал прекращению переговоров Москвы с Соловецким монастырём. В царском указе говорилось: «За непослушание к нам, великому государю, и ко святейшим вселенским патриархам, того Соловецкого монастыря вотчинные сёла и деревни и соляные, и всякие промыслы, и на Москве и в городах, со всякими запасы и соль отписать на нас, государя». Также крестьянам и всем «трудникам» было объявлено, чтобы никто «ни для какого дела в Соловецкий монастырь не ездил и съестных припасов не привозил. А если кто провезёт, бить смертной казнью безо всякой пощады». Затем из Москвы под Соловецкий монастырь был отправлен ратный отряд во главе со стряпчим Игнатием Волоховым с целью осады монастыря.

В то же время население Поморья сочувствовало соловецким отцам духовным и инокам и оказывало им постоянную поддержку людьми и продовольствием. Ладьи с хлебом, рыбой и солью, направлявшиеся из Сумского острога в Архангельск, систематически «сбивались с курса» и приставали к Соловецким островам. Поддержка местного населения позволила монастырю выдержать восьмилетнюю осаду.

В 1674 году на Соловки прибыли новый воевода И. Мещеринов и с ним 1300 ратников. Они начали жёстко штурмовать мощные стены монастыря с помощью пушек. Но монастырь выстоял. Нападавшие несли потери. И только измена монаха Феоктиста помогла войскам взять монастырь. Феоктис указал тайный «пролаз сквозе градовую стену» и ночью иностранец майор Келин с отрядом проник в монастырь и открыл ворота. Все монахи были жестоко уничтожены.

В 1682 году была предпринята еще одна попытка восстановить староверие. Московские стрельцы и горожане подали челобитную царю и потребовали диспута с патриархом. В диспуте с патриархом Иоакимом

приняли участие не профессиональные книжники, а выходцы из московских посадов, староверия. Это были: Никита Добрынин, Павел Данилов, Павел Захаров, Алексей Юдин. В принципе они победили в прениях о вере, доказали естественное право древлеправославия на существование. Но правительство ответило страшным террором и потопило выступление староверов в крови.

14 апреля 1682 года в Пустозерске был сожжён духовный лидер старообрядцев протопоп Аввакум вместе со своими сподвижниками иноком и талантливым писателем Епифанием, священником Лазарем и диаконом Феодором. Аввакум высоко поднял сложенную в двуперстии руку и взошёл на костёр, громко провозгласив: «Тако креститься будете, вовеки не погибнете...». В Пустозерск они были сосланы в жесточайшую ссылку вблизи устья реки Печора «на месте тундряном, студенном, безлесном». Пустозерский острог был основан ещё в 1499 году по повелению великого князя московского Иоанна III. В настоящее время Пустозерска не существует. Он исчез с лица земли. В 26 километрах от этого места находится новый город Нарьян-Мар.

Исследователи раскола отмечают такой интересный факт, что по воле Господа в нижегородских землях недалеко друг от друга располагались: село Григорово, из которого был родом протопоп Аввакум, село Колычево, из которого вышел последний древлеправославный епископ Павел Коломенский, также замученный за веру, и село Вельдеманово, где родился будущий патриарх Никон [1, с. 3].

4 марта 1939 года докторскую диссертацию «Житие Аввакума» защитил в Сорбоннском университете профессор Парижской школы восточных языков Пьер Паскаль, который долгое время жил в России. На основе данного научного труда он в 1939 и 1960 годах издал книгу «Житие Аввакума», которая быстро разошлась.

В старообрядчестве сложилось два основных направления: поповское и беспоповское. В первой половине XVIII века поповство окончательно отделилось от беспоповства. Позже из-за определённых разногласий в поповстве возникло три новых согласия: ветковское, диаконовское и епифаниевское.

У беспоповцев Беларуси определилось три основных согласия: поморское, федосеевское и филипповское. Менее значительными у беспоповцев были согласия нетовское и пастуховское (адомантовское). Поморцы осуждали такие направления беспоповцев, как нетовцы, рябиновцы, дырники. Беспоповство образовали наиболее угнетённые и принципиальные старообрядцы, которые не допускали компромиссов с государством и официальной православной церковью. Известный защитник старой веры И. Неронов ещё в 1654 году указывал на то, что новая никонианская церковь утратила набожность. Позже у части радикально настроенных староверов стало культивироваться суждение о

том, что в мире появился антихрист, который уничтожает настоящую веру. Они также утверждали, что новое священство попало в никонскую ересь, новые проповедники поклоняются четырёхконечному кресту вместо восьмиконечного, двуперстие заменили на чуждое троеперстие, осквернили таинства, крестный ход стал идти не по солнцу, а в противоположном направлении, вместо «Исус» стали писать «Иисус». Таким образом, беспоповство сформировалось в XVII веке. С самого начала существования это направление решительно отказалось от института священства и, соответственно, сократило количество таинств, в которых необходимо было присутствие священника. Это было связано с тем, что после раскола не стало епископов и других высших иерархов древлеправославной церкви, которые раньше и являлись носителями священства.

Также существует направление единоверцев. Единоверие – это условное единение старообрядцев с православной церковью. При этом староверы принимали от православной церкви священство, а церковь разрешала им иметь старые обряды и книги.

Староверы-беспоповцы преимущественно селились на витебских землях, а поповцы больше переселялись на юго-восточные земли Беларуси, в частности, в Ветку. Распространению и укреплению староверов на витебских землях поспособствовало прибытие сюда основателя мощного направления в староверии федосеевского толка Феодосия Васильева, бывшего дьякона новгородской церкви в Крестецком Яму. Он происходил из рода бояр Урусовых, в своё время переселившихся из Москвы в Новгород. Позже Феодосий стал в Новгороде возглавлять новгородскую старообрядческую общину и был руководителем новгородских Соборов 1692–1694 годов. В 1694 году он со своими соратниками бежал от преследований в Речь Посполитую в невельские земли и основал там Невельское общежительство. До 1924 года эти земли входили в Невельский уезд Витебской губернии. Здесь, на землях пана Куницкого, в селе Русанове и были основаны обители, в которых спаслось около 600 мужчин и 700 женщин. При этом обе стороны обязались соблюдать строгое целомудрие. Причиной являлось полное неприятие федосеевцами бессвященных браков в связи с утратой священства в лице архиереев. И только с начала XIX века они постепенно стали признавать бессвященнословные браки, то есть браки по благословлению духовных наставников и родителей. В целом Невельское общежительство просуществовало недолго. В период Северной войны оно было разрушено и разграблено польскими солдатами.

В настоящее время эти земли входят в Окнийскую волость Новоскольнического района Псковской области. Конкретно территориально Невельское общежительство располагалось к востоку от озера Асцо у д. Отрадное. В 2007 году участниками летнего молодёжного лагеря

Древлеправославной поморской церкви на месте Невельского общежития в селе Обитель был установлен памятный поклонный Крест высотой четыре метра.

Жизнь основателя федосеевского толка закончилась трагично. В 1711 году Феодосий отправился в Новгород, где был схвачен ищейками новгородского митрополита Иова. В тюрьме он принял мученическую смерть «за старую веру».

Из-за разорения Невельского общежития федосеевцы сначала перебрались к Великим Лукам, а затем в Эстонию в Ряпину мызу (хутор). После гибели Феодосия Васильева часть общины в начале XVIII века переселилась на Браславщину и образовала Кириллинскую старообрядческую общину. Кириллино представляло собой группу хуторов по берегам реки Плесовицы. Знаменательным фактом в деятельности Кириллинской общины является то, что в ней в течение 250 лет преданно служили староверию представители рода Мастюлиных. Предком Мастюлиных считается Фома Лукич, который был по происхождению из дворянского рода и из той же местности, что и Феодосий Васильев. В общине Феодосия Васильева было много выходцев из известных родовитых боярских и дворянских фамилий: Елагины, Урусовы, Негановские, Нееловы. В последнее время наставником в общине служил Тимофей Артемьевич Болтунов. Федосеевский толк просуществовал вплоть до конца XVIII века. Его представителей отличали принципиальность и бескомпромиссность. Они отказывались возносить молитвы за царя и считали его воплощением Антихриста. Беспоповцы-федосеевцы отказались от сословных и классовых различий, не стали подчиняться патриаршей церкви и русскому государству. Позже оставшиеся староверы-беспоповцы перешли на сторону поморского согласия, основателями которого были старцы Выгорецкого общежития.

Спустя 16 лет после смерти Феодосия Васильева один из его ближайших единомышленников Игнатий Трофимов по поручению федосеевского сообщества в 1727 году посетил Выговскую обитель. Здесь в этом же году на Соборе был подписан вечный мир между поморцами и федосеевцами. При этом было записано: «И аще некия и различныя чины обрящутся, в том друг с другом разгласия не имети, но кому к ним прилучится приходить, имети соглашение и распри не чинити, да мир Божий будет между христианы» [2, с. 25].

Филипповцы пришли на земли Витебщины в 70-х годах XVIII века. Филипповцы выделились из поморцев. Их духовным руководителем являлся стрелец Фотий Васильев, в монашестве Филипп. Филипповцы отличались от поморцев более радикальными религиозными и политическими взглядами. Они категорически отказывались молиться за царя, строже соблюдали аскетические правила. Всё началось 14 октября 1737 года, когда старец Филипп перед собором духовного правления Выго-

рецкого общежития выступил с заявлением по поводу своих разногласий с уставом и порядком богослужений. После этого старец Филипп «не вникая отеческим увещаниям отбеже от монастыря за три года до приезда Самарина, сиречь в лето 1737, и скит созда, отъединися сам и ученицы его» (Отеческие заветы, гл. 59). В 1743 году отряд правительственных войск хотел арестовать Филиппа, но «тот, собрався со своими последователями, числом 70 человек, запершись, згоре совсем» [3, с. 468]. В XIX веке филипповцы устраивали свои соборы в Угличе. Помимо Беларуси их небольшие общины сохранились в Архангельской и Тверской областях, а также в Москве.

В настоящее время ведущим согласием у беспоповцев являются древлеправославные христиане-поморцы. Поморье – историческое название в XV–XVII веках побережья Белого и Баренцева морей, от Карелии до Северного Урала. Поморье включало в себя Карелию, Двинскую, Важскую, Сысольскую, Вятскую, Пермскую земли, Посухонье, Белозерский и Печорский края.

Поморской старообрядческой церковью называется по признаку прежнего размещения её наиболее влиятельного центра – Выгорецкой киновии (монастырь, окружённый многочисленными скитами) в Олонецком крае, а также благодаря органичному принятию староверами-поморцами духовных традиций Соловецкого монастыря. Первым на берегу холодной реки Выг поселился старец Корнилий. В 1694 году пришёл дьякон Данила Викулин, а также два брата из рода князей Мышецких – Андрей и Симеон Денисовы. Симеон Денисов писал: «Кто бы мне построил безмолвную пустынь, чтоб мне не видеть прелестного света, чтоб мне не слышать человеческого гласа. Гряди, гряди я, млад, в пустыню, дальнюю пустыню. Пустыня мне подаст отраду, бежавшему из мира младу». Поморье – это возможность безмолвия и созерцания, покоя и уединённой молитвы.

В 1694 году на реке Выг при впадении в неё речки Сосновки в 70 километрах от Повенца был построен монастырь. Он носил светский характер, то есть представлял собой киновию или общежитие. В нём не было священников и монахов по определению, а было равноправное братство. В Выговской пустыни под руководством Андрея Дионисевича Денисова (Мышецкого) были написаны знаменитые «Поморские ответы». Следует отметить, что в Поморье ещё задолго до церковного раскола существовал свой Поморский церковный Устав. Это было обусловлено тем, что на малозаселённой территории священникам приходилось обслуживать одновременно несколько приходов. Также Устав допускал возглавлять богослужение при отсутствии священника инокам или простецам. В 1764 году в Выговском мужском монастыре уже было 279 душ, в женском – 757. В прилегающих скитах (21) – 665 душ мужского пола и 975 женского.

Выговцы занимались не только земледелием и скотоводством, но и морским промыслом – даже на Новой Земле, рыболовством. Здесь были построены кирпичный, кожевенный, лесопильный заводы, пристани, куплены или построены суда. В Выговской киновии велась качественная подготовка наставников, начётчиков, уставщиков и опытных головщиков, которые рассылались в разные общины староверов, в том числе и на земли нынешней Беларуси. Здесь выработался особый поморский стиль орнамента, украшающего книги Русского Севера. Здесь же возникла прекрасная школа медного литья, которая изготавливала удивительной красоты металлические иконы и складни, церковную утварь. В Выговской пустыни сложилась особая иконописная школа – поморская, перенявшая лучшие традиции новгородской школы.

Царю Николаю I, который царствовал с 1825 по 1855 год, стало известно, что старообрядцы-беспоповцы не молятся за царя. Он поставил задачу – искоренить старообрядчество в России. В 1836 году началось разорение старообрядческих монастырей, в том числе Выговского. По этому поводу наставник Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины Иоанн Миролубов в 1895 году писал: «Почти 150 лет обитель существовала довольно спокойно, достигнув необыкновенного духовного расцвета. Но в стране, где инакомыслие допускалось в какой угодно среде, но только не в русском народе, где уважалась любая древняя традиция, но только не собственно русская, рано или поздно должен был грянуть гром» [4, с. 6]. В 1855 году монастырь был сожжён дотла. Сгорело около 50 моленных и часовен. При этом безвозвратно погибли в огне шедевры рукописных и старопечатных книг, иконы.

Особенно большое число старообрядцев бежало из России на территорию нынешней Беларуси при царе Алексее Михайловиче (Тишайший). Они обычно селились на свободных помещичьих и церковных землях, предпочитая лесистые и болотистые места, самые уединённые пущи. Исследователь А.А. Горбацкий в своей монографии «Старообрядчество на белорусских землях» (Брест, 2004) утверждает, что федосеевцы поселились на землях нынешних Витебского, Полоцкого и Лепельского районов в 1655–1710 гг. Авторитетные рукописные источники «Дегутский летописец» и «Положение старообрядцев в Ковенской губернии» указывают, что самые первые поселения на витебских землях появились в Динабургском уезде (сейчас Даугавпилсский район Латвии), а также вокруг Браслава и Видз не позднее 1655 года.

Новую волну переселения вызвали два царских указа. Указ 1716 года ввёл двойной оброк, составление списков старообрядцев и исповедание в православной церкви. Согласно указу 1718 года старообрядцы были обязаны в праздничные дни посещать православную церковь и исповедоваться. В то же время в XVIII веке староверы имели возможность свободно осуществлять свои религиозные обряды на литовских и

белорусских землях, которые тогда входили в Речь Посполитую, чего не скажешь о Российской империи. Польский король Ян Собеский даже издал специальную грамоту (указ) «О свободном жительстве раскольников в польских пределах».

В ранний период переселения старообрядцы пользовались определёнными льготами, но постепенно попадали во все большую зависимость от помещиков. Так, вначале аренда земли ограничивалась платой ягодами, грибами, орехами, мёдом. По мере улучшения обустройства пришельцев и обработки диких земель помещики и паны стали повышать цены на землю, заключать контракты, забирать вольных и беспаспортных людей в свои руки и даже записывать в крепостные. Этнографы А.М. Сементовский и В.М. Долгоруков также отмечали, что периодические «выгонки» и облавы русских войск вынуждали старообрядцев селиться не только в труднодоступных лесных местах, но и на королевских землях. В 1735 и 1764 годах из-за двух «выгонок» из Ветки (согласно царским указам) поповцы ветковского согласия поселяются в Витебске, Полоцке и Лепеле. Но не всем им удалось добраться до этих мест, многие попали в коварные «ловушки» царских войск.

С середины XVIII века беглые староверы-крестьяне стали чаще селиться не в глуши, а ближе к городам и местечкам, где развивалось промышленное производство. В данном случае старообрядческие общины имели возможность вкладывать часть свободных денег в производство. Это было характерно для городов Витебска, Полоцка, Браслава, Сенно, Глубокого, Городка, Невеля. В этот период в Витебске уже присутствовало несколько старообрядческих общин: община старопоморского беспоповского согласия, община беспоповского поморского согласия, Витебская Покровская община поповского согласия, признавшая священство Белокриницкой иерархии. По мнению исследователей, XVIII век считается самым благоприятным периодом в жизни старообрядцев на белорусских землях.

В начале XIX века центрами старообрядчества на Витебщине были Браслав, Видзы, Динабург, Полоцк, Дисна, Лепель, Невель, Велиж, Сураж. Согласно Императорскому указу от 27 мая 1835 года, старообрядцы, которые отказывались молиться за царя, были отнесены к «особенно вредным ересям». Позже все старообрядцы по степени вредности были разделены на три категории:

- «самые вредные», которые не признавали брак и не молились за царя;
- «вредные» — к ним относились все остальные беспоповцы;
- «менее вредные» — поповцы.

А.А. Горбацкий на основе архивных данных приводит следующие сведения. В 1838 году в г. Полоцке к «самым вредным» и «вредным» причислили 265 старообрядцев, а к «менее вредным» — 1; в Городокском

уезде к «самым вредным» и «вредным» – 262 человека; в Полоцком уезде к «самым вредным» и «вредным» – 3031; в Дрысенском уезде к «самым вредным» – 50 человек, а к «менее вредным» – 113; в Витебском уезде 1077 человек отнесли к «менее вредным» [5, с. 103].

Императорский указ от 14 июля 1835 года устанавливал считать преступлением браки между православными и старообрядцами. Также старообрядцы лишались права сами учить детей. Право начального обучения делегировалось приходскому духовенству официальной православной церкви. В 1837 году старообрядцы были лишены прав на почётные звания и все знаки отличия. В 1842 году император утвердил «Правила о переселении раскольников вредных ересей в Закавказский край». В 1845 году было запрещено принимать в иконописные мастерские старообрядцев. В этом же году полиция раскрыла подпольный иконописный цех в Витебске на Богословской улице. Цех располагался в беспоповской молельне, а писанием и обновлением икон занимался Михаил Иванович Синяков.

Императорский указ от 5 мая 1839 года положил начало официальному ежегодному подсчёту старообрядцев. Так, в 1840 году в Витебской губернии по подсчётам полиции проживало 38425 старообрядцев, из них поповцев – 9747 человек и беспоповцев – 28678.

В Полоцком уезде в это время в ста деревнях проживало 3182 старообрядца, в частности, в д. Жарцы – 207.

В Городокском уезде, например, в д. Федосовка проживало 13 мещан-старообрядцев и 5 купцов 3-й гильдии. В 1846 году в г. Друя Дрысенского уезда Виленской губернии проживало 542 старообрядца.

Для сравнения в 1837 году в Витебской губернии по официальной статистике проживало 22433 старообрядца.

Царское правительство стремилось «не замечать» старообрядчества и хотело, чтобы общество также их не видело. Старообрядцы были лишены права ходить крестным ходом вокруг своих храмов даже на Пасху, их духовные лица не могли носить служебную одежду вне храма. Они могли иметь моленную, но такую, чтобы по виду здания и по ограниченному колокольному звону нельзя было предположить, что это храм. Николай I значительно усилил реакционное давление на старообрядчество. С 1834 года староверам запрещалось вести метрические книги. Ранее выписки из них заменяли паспорт и являлись юридическим документом. Стали не признаваться старообрядческие браки, а их дети считались незаконнорожденными. Они не имели прав на наследство и фамилию отца. В 1840 году императорский указ запретил перезвон на колокольнях старообрядческих часовен. При нарушении запрета колокола снимались и передавались православным или единоверческим церквям. 9 апреля 1844 года Министерство внутренних дел направило в Витебскую, Минскую и Могилёвскую губернии циркуляр с грифом

«секретно» «О воспрещении именовать раскольников старообрядцами, а их молитвенные здания – церквями». Таким образом, царские власти хотели упразднить термин «церковь» из официальной терминологии в отношении старообрядцев, оставить понятия «молельня» и «часовня». Несмотря на эти гонения, обусловленные прежде всего страхом власти перед движением старообрядчества, слово церковь в обиходе староверов сохранилось. Следует заметить, что впервые термин «старообрядцы» был использован царскими чиновниками в официальном документе в 1785 году.

В целом, в первой половине XIX века условия для выживания староверов были наиболее тяжёлыми за всю историю старообрядчества. В Витебской губернии в 1841 году насчитывалось всего 19 старообрядческих культовых строений. Из них 16 были молельнями, 3 – часовнями. В г. Витебске располагалось 2 молельни, в г. Полоцке – 1, в Полоцком уезде – 3, в Себежском уезде – 2. В середине XIX века большинство староверов на витебских землях проживало в Витебском, Полоцком, Сенненском, Дисненском поветах. Около 28% старообрядцев проживало в городах.

В таких неблагоприятных условиях окружающей политической и религиозной среды старообрядцы вынуждены были самостоятельно осуществлять процессы саморегуляции своей жизни, искать ответы на новые вызовы. В этом смысле значительную направляющую и координирующую роль играли Соборы. Следует обратить внимание, что один из Соборов был проведён на витебских землях. Это знаменитый Варковский Собор брачных поморцев. Он состоялся в октябре 1832 года на Варковской мызе (хутор) Динабургского уезда в доме Савелия Злотникова. Всего в работе Собора участвовало 32 наставника из Витебской, Виленской, Курляндской губерний, а также из Санкт-Петербурга, Новгорода, Себежа и др. На Соборе обсуждались вопросы о допустимости бессвященных браков и порядке избрания и отрешения наставников.

Проведение Собора во многом было связано с тем, что в начале XIX века федосеевцы наконец стали постепенно принимать бессвященнословные браки. Поэтому в первой статье уложения Варковского Собора «О супружестве» было записано: «Вестъ приим настоятель о хотящих браку сочетатися и дав вестъ кто и каковы суть. И аще несть между ими препятствия коего правильного, подробно обыскаться об них. Зри настоятелю и блюдися опасно да неприрадением твоим или неразумением не последовало бы каковое кровосмешение». Таким образом, Собор повлиял на то, чтобы в части федосеевских общин вводились в правило и благословлялись их наставниками бессвященнословные браки.

Из ранних Соборов, оказавших заметное влияние на жизнь староверия, можно выделить Новгородский (1694), Польский (1752), Выгорецкий (1777), Петербургский (1809), Московский (1810), Варковский

(1832), Саратовский (1878), Виленский (1901). Надо сказать, что отличительной чертой вышеназванных соборов являлась их полная самостоятельность и независимость от царской власти. Они проводились по внутреннему убеждению самих старообрядцев.

Наряду с этим, историк русской церкви Н.М. Никольский подчёркивает: «Все церковные соборы XVI и XVII веков созывались царскими указами, члены их приглашались лично царскими грамотами, порядок дня определялся царём, и самые проекты докладов и постановлений составлялись заранее предсоборными комиссиями, состоявшими обычно из бояр и думных дворян. На заседаниях соборов всегда присутствовал или царь, или его уполномоченный боярин, который зорко следил за точным выполнением предначертанной программы» [6, с. 117]. По этому поводу сам Никон с досадою писал константинопольскому патриарху Дионисию: «Ныне бывает вся царским хотением: егда повелит царь быти собору, тогда бывает, и кого велит избирати и поставити архиереем, избирают и поставляют, и кого велит судити и обсуждати, и они судят и обсуждают и отлучают» [6, с. 117]. Во второй половине XIX века изучением времени патриарха Никона тщательно занимался профессор Московской духовной академии Н.Ф. Каптерев. В принципе с научных позиций он отстаивал старообрядчество. Но и он признал, что «церковные соборы XVI и XVII столетий не были какими-либо самостоятельными, автономными церковными учреждениями ... которые имели бы право свободно и самостоятельно постановлять свои решения ... (они) были только простыми совещательными учреждениями при особе государя, они были только органами царского законодательства по делам церковным» [6, с. 118]. Таким образом, раскол способствовал отделению старообрядческой церкви от государственной власти.

В 1887 году Н.Ф. Каптерев в журнале «Православное обозрение» опубликовал статью «Патриарх Никон как церковный реформатор». Публикация вызвала сильную негативную реакцию и обвинения автора в ереси. Такая реакция объясняется объективным научным подходом к всесторонней оценке произошедшего раскола. Главным оппонентом Каптерева являлся профессор академии, редактор и издатель журнала «Братское слово» Н.И. Субботин. Он и ему подобные деятели стремились сложить у православных людей ложное представление о том, что якобы в печатные книги были внесены искажения «неграмотными» книжными справщиками – Аввакумом, Нероновым, Лазарем и другими видными представителями староверия. Каптерев убедительно доказал, что эти обвиняемые люди не имели никакого отношения к книжной справе и что они ранее вообще не жили в Москве. Н.И. Субботин хотел добиться изгнания Н.Ф. Каптерева из академии, но это ему не удалось. Зато впредь цензура не пропускала его статьи для публикации в журнале «Православное обозрение».

Вместе с тем, несмотря на все трудности и сложности адаптации староверов на витебских землях, препятствия и гонения со стороны царских властей, они были приняты белорусами и справедливо стали считать Беларусь своей второй Родиной. Известный белорусский историк и этнограф XIX века А.К. Киркор в книге «Литовское и Белорусское Полесье» (Минск, «Беларуская энцыклапедыя», 1994) подчёркивает, что староверов всегда отличали от местных белорусов верность своему языку, борода, длинные кафтаны и высокие сапоги. Их также выделяли трезвость, чистоплотность и достаток. В бане они мылись один-два раза в неделю. Современники отмечали у старообрядцев гордость, недоверчивость, но в то же время умение держать честное слово, которое в торговых сделках приравнивалось к векселю. Старообрядцы не могли получать кредитные деньги в банках. Поэтому они создали свою систему кредитования, которая основывалась только на доверии и была достаточно эффективной. Современники также выделяли у староверов такие качества, как изобретательность, предприимчивость, изворотливость. Крупный чиновник Российской империи, друг А.С. Пушкина И.П. Липранди в книге «Краткое обозрение русских расколов, ересей и сект» (1870) пишет: «Православный завидует довольствию, в котором живёт сосед его раскольник. Он не рассуждает, что раскольник не отнесёт и гроша в кабак, куда этот последний заглядывает часто. Раскольник всегда трезв и всякий день на работе, а у православных есть, независимо от пьяных, ещё похмельные дни. У раскольника жена не требует украшений, когда едет в город и в гости к соседям, на свадьбу, на крестины, в церковь, — жене раскольника этого ничего не нужно».

Староверы часто выступали в качестве скупщиков мёда и воска, белых грибов, полотен и ниток, основателями кафельных и кирпичных заводов, лесопромышленниками, арендаторами садов, торговцами скотом и лошадьми, подрядчиками, в городах и местечках — огородниками. На Витебщине они из зерновых больше сеяли рожь, овёс и ячмень. Большая часть ячменя сдавалась на винокуренные заводы и в Прибалтийский край для производства пива. Также выращивали товарный лён, в частности в Браславском и Сенненском уездах. В среднем старообрядцы свои поля удобряли хорошо и получали более высокий урожай, чем крестьяне-белорусы.

Хороший доход витебским старообрядцам приносила торговля гусями крупной длинношеей породы. Такие гуси успешно продавались в Германии по 5–6 марок за штуку. На Браславщине старообрядцы активно занимались рыболовным промыслом. Особенно много рыбы ловили на озёрах Дрисвятском и Дривятском. Много ловилось судака и щуки: в один заход вытягивали до 500 пудов рыбы. Рыбу реализовывали в Варшаве, Вильне, Двинске. Также за границу отправляли огромные партии раков.

На Витебщине дома старообрядцев выделялись большими размерами, просторностью, надёжностью. Дома, как правило, были оборудованы дымоходами. Крыши отличались стропильной системой.

Одежда староверов Витебской губернии отличалась от других старообрядцев и белорусов большей нарядностью и изысканностью. Мужчины носили длинные суконные кафтаны, зачастую из тонкого сукна, высокие сапоги, меховые головные уборы. Для женской одежды использовался полубархат, шёлковый штоф, парча. В будние дни носили одежду из ситца и коленкора.

Староверы в среднем были более грамотными, чем православное крестьянство. Это, в частности, обусловлено необходимостью самим вести религиозную службу, так как специальных учебных заведений не было. Также всегда насущным вопросом была переписка книг. Старообрядческая культура мирно уживалась с белорусской культурой, но не смешивалась. Известный витебский историк и этнограф XIX века А.М. Сементовский писал, что «...деятельность великоруса обширнее, разнообразнее и выгоднее, чем деятельность белоруса, который всегда с завистью смотрит на первого. Евреи видят в великорусах опасных соперников в делах торговых и не решаются так бесцеремонно эксплуатировать их как белорусов» [7, с. 21]. Историки замечают, что шляхтич, как правило, бреет бороду и отпускает усы. В корчме или шинке он задорен и хвастлив, громко говорит, требует себе почёта. Если он его не получает, то готов идти в драку, перед которой белорус обычно отступает, но старовер в данном случае не уступает и даёт должный отпор.

Вместе с тем, часть этнографов отмечают, что старообрядцы в уголовных преступлениях чаще обвиняются, чем белорусы: разбои, грабежи, воровство, конокрадство и др. Неофициально поговаривали, что среди старообрядцев были люди, которые, если надо, могли неплохо подделывать купюры или паспорта. Известно, например, что лесной массив, расположенный напротив местечка Лужесно под Витебском на противоположной стороне Двины, называют «тёплым лесом». Одна из версий этого названия заключается в том, что в этом месте местные староверы частенько поджидали купцов и других людей с товаром, возвращающихся с ярмарок в Витебске. Зная об этом, купцы старались преодолеть это место как можно быстрее, и им даже зимой было жарко.

В целом, следует признать, что белорусы проявляли к староверам понимание и доброжелательность и не видели в них недобросовестных конкурентов. Более того, местному населению очень импонировало то, что староверы всегда были готовы спрятать беглых и на первых порах оказать им помощь. Проявлением большого доверия к староверам был переход части белорусских крестьян в старообрядчество, особенно в начале XIX века, хотя это жёстко преследовалось и пресекалось русскими властями.

Староверы испытывают особое почтение и любовь к святым иконам и оказывают им величайшее благоговение. Особенно ценились и оберегались древние иконы, так как считалось, что они были освящены древними иерархами и священнослужителями ещё до патриарха Никона. Также считалось, что древние иконы были списаны с верных подлинников. Также признавались иконы, написанные позже, но по древним подлинникам. При этом к иконописцам предъявлялись особые строгие требования. Так, на Соборе отцов духовных в 1883 году было принято соответствующее постановление: «Иконникам, пишущим и отливающим святые иконы, власы стрижи неотменно по-христиански, одежды немецкой не носить, с миром не сообщаться, мастеров отлучённых не держати, и работати иконы на чистом клею; никонианского или отлучённых письма иконы не сбывати, и вообще быть соблюдетелями 43 главы Стоглавого собора, престоупающим же сия воспрещати работать, аще ли же не послушают, то иконы у таковых не брати». Иконы в домах ставились на деревянные полки на восток.

Особым почитанием у старообрядцев-поморцев Беларуси пользовалась икона Пресвятой Богородицы Тихвинской. Эта икона имеет интересную реальную историю. Летописец в конце XIV века (1383 г.) запечатлел данное неповторимое явление в Новгородской летописи и в «Сказании об иконе Тихвинской Пресвятой Богородицы»: «...явися Пречестная икона Пресвятой Богородицы». Рыбаки, ловившие рыбу на Ладожском озере, увидели, как «икона Пречистая Богородицы, солнцезобразно сияющая, идяще по воздуху над водами и бысть невидима». Затем икона обнаружилась на реке Ояте в 600 саженьях (сажень – 2,1 метра) от реки Тихвины у деревни Смолково. Икона простояла в воздухе недолго и унеслась вдаль. В этом месте поставили часовню. Вскоре икона появилась у деревни Моченицы, у той же реки, и снова унеслась дальше. Позже чудотворная икона явилась на горе Кукове, «за двадцать поприщ от Тихфины». Здесь отслужили молебен и стали строить храм на горе. «Абие начаша сеци дресвеса. Срубили три венца до ночи». Однако на утро обнаружилось исчезновение иконы и заготовленного основания храма. Начались поиски. «В двух стадиях (около 90 сажень) увидели свет неизречённый и обретоша икону Пресвятой Богородицы, купно с основанием. И избравше мужи честных, послаша в Великий Новгород к архиепископу Алексию возвестить о преславном явлении чудотворной иконы. Архиепископ послал в Тихвин пресвитеры и антиминс, и благословение на создание и освящение церкви во имя честного и славного Ея Успения». Храм был построен на левом берегу реки Тихвины. «И совершахуся от чудотворныя иконы Пречистой Богородицы чудеса премногия и подавахуся различные исцеления». Было описано множество исцелений, особенно от глазных болезней.

В 1515 году по повелению государя и великого князя Василия Ивановича на этом месте поставили каменную церковь. В 1526 году Успенский храм, в котором находилась чудотворная икона Богородицы, посетил Василий III, а в 1547 году – его сын Иоанн IV (Грозный). В 1560 году «царь и великий князь Иван Васильевич велел богомольцу своему Пимину да Феодору Дмитриеву сыну Сыркову устроить монастырь общежительный... игумена избрати и братию собрати». В 1610 году игумен монастыря Иосиф писал боярину И.М. Салтыкову: «А около монастыря острог поставлен и ров копано собою. А не пособлял никто».

В 1613 году шведские войска захватили Карелию и Новгород. Тихвинский монастырь стал готовиться к обороне. Когда передовой отряд шведов подошёл к монастырю, стрельцы «побиша множество варягов и знамёна поимали». Вскоре подошли основные силы шведов и монастырь стали обстреливать «огненными приметами» и зажигательными ядрами. «Шведы ставили туры, копали рвы, подкопы делали». Однако, монастырские активно практиковали смелые вылазки и успешно разрушали все неприятельские мероприятия. В то же время осаждённые несли большие потери. Заканчивались продовольственные запасы. Поступило предложение сдаться, на что осаждённые ответили решительным отказом. Шведы пообещали уничтожить всех живых вместе с монастырём. Положение монастыря крайне осложнилось. «И уже близ мняшеся быти погибель во оседний сущим, изнемогающим от непрестанна брани». Шансов получить помощь из Москвы почти не было.

Все свободные от сражения люди в течение нескольких недель непрестанно молились перед чудотворным образом Богородицы. «Начаша с горькими рыданиями и слезами к чудотворному Пречистыя Девы притекати образу и умильно вопити: Не остави обитель Твою, Богородительнице! Видеши на ны стремление супостатов. Не остави нас, рабов Твоих!».

И вот 14 сентября с раннего утра шведы предприняли решающий штурм: «Начаша огненные испущения зелне (сильно) творити». В защите монастыря участвовали не только стрельцы, но и «не ратницы, и невежды в воинском деле, и отроцы». Неожиданно в разгар сражения шведы стали отступать, побросали оружие и в панике стали разбегаться. Взятые в плен рассказывали, что во время наступления они увидели идущих на помощь монастырю «множество воинов со златыми знамёнами». В рядах шведов произошла паника, «напал на них страх велик и они побежали, друг друга биюще». С этого исторического момента икона Тихвинской Богородицы приобрела значение общенациональной российской святыни.

В XIX веке в Витебске на Юрьевой Горке в часовне над святым источником разместили икону Божией Матери Тихвинской. Эта икона в своё время была освящена в Тихвинском монастыре. Источник помог огромному числу людей избавиться от различных глазных болезней.

Староверам присуща любовь к свечам из натурального воска. Такие свечи всегда вжигают на богослужениях в старообрядческих храмах. Для них восковая свеча является чистой жертвой Господу. На богослужении старовер видит, как воск свечи тает от огня, и его иногда жёсткое сердце тоже растопляется от истовых молитв. В особо набожных семьях староверы стремились иметь своих надёжных поставщиков воска. Его привозили в больших кругах, напоминающих сырные головки. Свечи делали (сукали (катали)) «сукальщики». Свечи были толстые и длиной до 60 см. Их хранили в длинных узких деревянных ящичках.

В 70-х годах XIX века царское правительство делает неожиданный крен в сторону старообрядцев. Это объясняется формированием у власти понимания того, что они представляют в Ковенской и Витебской губерниях самый крепкий русский элемент. Также в умах правительства укоренилось мнение, что старообрядцы в экономической области эффективно нейтрализуют вредное влияние еврейского населения. В этой связи предпринимаются шаги по уравниванию в правах старообрядцев с католическим сельским населением и даётся право на выкуп земли. По Закону (1883), принятому по инициативе Александра III, старообрядцам разрешалось вести торговлю и заниматься промыслами. Им выдавали паспорта общего образца. Не запрещалось занимать общественные должности и работать в иконописных цехах. Не стали подвергаться гонениям духовные наставники и уставщики, которые исполняли духовные требы, но их духовный сан не подтверждался. Стали открываться ранее закрытые молельни. В 1888 году в Витебской губернии насчитывалось 43 старообрядческих культовых здания. В Полоцком уезде на 5308 старообрядцев приходилось пять молелен и одна церковь. Для сравнения в Витебском уезде находилась всего одна молельня. В 1912 году в Полоцке была одна старообрядческая церковь и при ней монастырь на десять человек.

К концу XIX века наметился значительный рост числа старообрядцев. Так, если в 1887 году в Витебской губернии их проживало 74000, то уже в 1912 году – 92374. В 1907 году старообрядцы Витебской губернии объединились в 50 общин. В частности, в г. Полоцке было 4 общины, в Полоцком уезде – 6, в г. Витебске – 4, в Витебском уезде – 4. В данный период в губернии проживали поповцы и беспоповцы. Поповцы были двух согласий: белокриницкие и беглопоповские. Беглопоповцы принимали беглых попов от православной церкви.

В 1905 году правительство распространило указ «Об укреплении начал веротерпимости». Согласно ему позволялось без всякого разрешения строить молельни и открывать приходы. В 1906 году вышел закон «О порядке устройства последователями старообрядческих согласий и отделившимися от православия сектантами общин, а также о правах и обязанностях сих лиц». Данный закон разрешил открывать храмы и школы и приравнивал наставников к священнослужителям других

«терпимых» религий. Наставники стали избираться публично. В частности, в Витебске в 1905 году духовным наставником беспоповцев-федосеевцев был избран мещанин Гусаков Осип Тимофеевич, а наставником общины белокриницкого согласия – мещанин Рыжков Ефим Ананьевич. В г. Полоцке духовным наставником был избран мещанин Гусаков Илларион Григорьевич. В Витебском уезде духовными наставниками были: в Подлазниковской общине – Рыжков Леон Александрович, в Гришановской – Давыдов Григорий Фадеевич.

Старообрядческих священников и духовных наставников отличали строгие и настойчивые требования к прихожанам по постоянному выполнению устава древлеправославной церкви, каждодневным молитвам во имя спасения души. Служителям и прихожанам было необходимо носить скромную незаметную одежду чёрного и чёрно-серого цвета. Служители культа обычно надевали длинный до пят так называемый «озям». У староверов в храме мужчины всегда строго занимали правую половину, а женщины – левую. На скамейках обычно лежали подручники (подрушники) для земных поклонов. Они представляли собой квадрат толстой материи типа ватина в среднем 30х30 см, снаружи обшитый красивой тканью. Также служители культа использовали лестовки (чётки), помогающие вести учёт поклонов и службы.

Молельни беспоповцев отличались от церквей поповцев тем, что они строились по типу жилого дома. Например, в первой части Витебска молельня имела несколько комнат: «Первая, небольшая комната представляла собой притвор. В углу, в киоте, находилась икона без оклада. Над входной дверью висела складная небольшая икона. Во второй комнате было две печи, которые грели весь дом. Здесь в углу на полке стояли две деревянные иконы без оклада и девять медных маленьких икон. Рядом было несколько восковых свечей. Третья, задняя комната была местом проведения основных богослужений. Здесь было два аналоя, один из них складной, и большой стол. По периметру комнаты были полки, на которых размещались семь деревянных икон без окладов. Ещё одна икона была обложена кипарисовым деревом, другая имела серебряный оклад. Рядом с иконами лежали крест и медная складная икона. На другой полке было восемь богослужебных книг: два Евангелия, одно из которых в окладе, цветной требник, псалтырь, часослов, три певчих «писания». В этой же комнате были две корзины со свечками и поминальницами; медная ручная кадильница; два больших подсвечника со свечками; покрывало, которым во время похорон накрывали гроб; маленькое покрывало с двумя нашитыми крестами. С левой стороны моленной была пристройка, где хранились «нары» для переноса покойников, и небольшой шкаф» [5, с. 184].

Большой вклад в дело сохранения и приумножения духовного и культурного наследия старообрядцев-беспоповцев внёс витебский ку-

пец Иван Иванович Соболящиков (1763–1836). Он активно собирал рукописные и печатные книги, древние иконы. Сам лично переписал много богословских книг и несколько Евангелий. Несмотря на то, что И.И. Соболящиков был весьма богатым человеком (имел в Витебске три кирпичных дома, в одном из которых находилась молельня), он отличался большой скромностью и воздержанностью.

Постепенно основными духовными центрами старообрядцев на Витебщине стали Витебск, Полоцк и Видзы. Благодаря исследованиям В.И. Волкова в XIX веке, опубликованным в книге «Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии», можно проследить хронологию избрания духовных наставников на Витебщине [8, с. 62]. Первым духовным наставником беспоповцев в Витебске был странник из Великороссии Ульянович. После его смерти в конце XVIII – начале XIX века духовным наставником стал Викула Григорич с Рязанщины. Позже духовным вдохновителем являлся Иван Борисович (умер 25 сентября 1810 года). Последующими духовными наставниками были Лука Антонович Сухарев, родом из Москвы (умер в 1825 году); мещанин Егор Иванович Поляков (умер в 30-е годы); Мойсей Петров (умер в 40-е годы); Никита Минич Минин (умер в 1835 году); Василий Барунов; Иван Давидович Уточка; подберезинский крестьянин Блоха Ефим Частобаев; крестьянин из Невельского уезда из Мелина Михей Макиевич Барковский; Иван Львович Карелин.

У поповцев Витебска первым священником был Ефрем, родом из Калужской губернии, затем Иоанн, Адам, Федот, Андрей, Матфей, Стефан, Тимофей, Феодор, Афанасий.

В 1936 году власти закрыли в Витебске старообрядческую церковь, а духовного наставника отца Иосифа арестовали и увезли в кузове полуторки. Больше его не видели.

В Полоцке в середине XIX века духовными наставниками служили Наум Рогозин, Семён Кащов, Данила Парфенёнок, Метелий Кузьмёнок, Гавриила Попов. Так как молельни в Полоцке до середины XIX века были закрыты, то беспоповцы были вынуждены собираться в деревнях, расположенных недалеко от города. Так, постоянным местом их общих молитв стали дома купцов Красиковых и Гуковых в д. Жарцы, Семёна Кононова в д. Смоляны, Гавриила Попова в д. Бецк, Ермагена Дубровина в д. Дубовое.

Особо следует выделить старообрядческую общину в д. Жарцы Полоцкого уезда. Староверы этой общины отличались особой стойкостью и сплочённостью. Вот что о них написал архиепископ Полоцкий и Витебский официальной православной церкви Василий в 1835 году: «Все они придерживаются своей веры очень настойчиво, особенно в д. Жарцы. Эти раскольники достаточно зажиточные, в высшей степени храбрые, своим влиянием поддерживают раскол, давая всем приют»

[9, л. 13]. Застройка деревни Жарцы ещё в первой половине XIX века имела прогрессивный линейный или уличный тип в отличие от распространённого тогда гнездового типа.

В XIX веке влиятельными духовными наставниками в Жарецкой общине были: мещанин Зуев Василий Петрович (1905 г.), полоцкий мещанин Андрей Карашов и Семён Чикунев из д. Давыдово Себежского уезда. Старостой общины являлся купец Клим Сильвестрович Гуков. В его доме хранились иконы и книги. Большую помощь в организации богослужений, приёме и размещении прибывавших старообрядцев оказывали купцы Евстрафий Красилов и Фёдор Карпович Красилов, а также вольный крестьянин в д. Зимники Прокофий Кондратьев.

В 1836 году молельня в Жарцах была временно закрыта по решению властей. В то время она располагалась в доме купца 3-й гильдии Карпа Афанасьевича Красилова (Красюкова).

В 2015 году исполнилось 250 лет Видзовскому старообрядческому храму. В 1764 году во время царствования императрицы Екатерины II храм освятил игумен Дегутского старообрядческого монастыря Стефан Афонасьев. Храм был освящён во имя Успения Пресвятой Богородицы. Также в «Дегутском летописце» отмечается, что молельня была благословлена духовным отцом Филимоном Петровичем в том же году. С 1900 года известным головщиком в храме служил Иосиф Симеонович Мажуто (1879). В 1905 году было построено новое здание храма вместо старого молитвенного дома. В 1916 году во время Первой мировой войны храм вместе с древнейшими иконами и церковными книгами был разрушен германскими снарядами. С 1927 по 1934 год на собранные пожертвования и при материальной поддержке старообрядческого деятеля Арсения Моисеевича Пимонова и благодаря деятельности председателя исполнительного органа общины Е. Бирюлина был отстроен красивый кирпичный храм.

На 1949 год настоятелями Видзовского храма являлись духовные наставники У.М. Севастьянов и М.Е. Бирюлин. Михаил Евстратьевич Бирюлин – наставник Видзовской старообрядческой общины, родился в 1906 году в г. Видзы Витебской губернии в семье потомственных староверов. Состоял председателем старообрядческой общины в Видзах с 1935 по 1962 год. На 3-м Всепольском старообрядческом соборе в 1936 году был избран членом Высшего старообрядческого совета Польши. Позже он избирался членом Духовной комиссии Высшего старообрядческого совета в Литовской ССР.

После Великой Отечественной войны на территории СССР действовал единственный руководящий орган Старообрядческой поморской церкви – Высший старообрядческий совет Литовской ССР, который впервые возник в 1925 году в Польше. Большему объединению староверов-поморцев способствовало проведение в г. Вильнюсе ряда Соборов:

1944, 1966, 1974. Данный факт указывает на то, что старообрядцы-поморцы продолжают свято хранить основы соборного управления Церковью. Например, в работе Собора 1966 года в Вильнюсе в честь 300-летия староверия конструктивное участие от Белорусской ССР приняли наставник Витебской старообрядческой общины Красиков Василий Сисоевич; член Духовного суда, наставник Видзовской общины Бирюлин Михаил Евстратьевич и член Духовного суда, наставник Мосищанской общины Кудряшов Евфимий Осипович. Они были избраны в состав Президиума заседания.

В Вильнюсском соборе 1974 года участвовало 116 наставников и около 400 представителей от старообрядческих общин союзных республик. На данном Соборе Красиков Василий Сисоевич был избран членом Духовной комиссии Старообрядческой поморской церкви. Также в прениях на заседании Собора по вопросам современного положения Древлеправославной поморской церкви выступили от Белорусской ССР настоятели В.С. Красиков и М.Е. Бирюлин.

После войны в 1945 году в Витебске старообрядческой общине было выделено помещение для общественных богослужений, но оно оказалось непригодным. Это было связано с тем, что Витебск почти на 90% был разрушен. С учётом сложившегося положения прихожане собрали деньги и приобрели дом в Велиже, который разобрали и перевезли в Витебск. Прихожанами под руководством духовного наставника Василия Сисоевича Красикова был построен новый старообрядческий храм. В.С. Красиков внёс большой личный вклад в развитие и укрепление староверия. Он служил духовным наставником в Витебской старообрядческой общине 33 года с 1948 по 1981 г. За свою скромность и душевную доброту, любовь к ближнему отец духовный Василий снискал к себе всеобщее уважение и любовь прихожан Витебска и других старообрядческих общин.

В 1983 году Почётной грамотой Советского фонда мира за активную патриотическую и миротворческую деятельность и организацию сбора средств и отчислений в Советский фонд мира была награждена казначей Витебской общины старообрядцев-поморцев Лопухова Анастасия Изотовна.

Позже духовными наставниками Витебской общины были Александр Артемьевич Соколов, Иустин Иванович Юпатов, Андрей Ефимович Кравцов (1991–1996), выпускник духовного училища при Центральном совете Древлеправославной поморской церкви в Риге. Каждый из них своим беззаветным служением Святой Древлеправославной церкви Христовой, душевной заботой о своих прихожанах способствовал ещё большему укреплению староверия, повышению его значимости и авторитета.

С 1996 года по настоящее время духовным наставником является Григорий Андреевич Бучкин. В общине он пользуется уважением среди прихожан, отдаёт много сил продолжению начатого нашими духовными отцами богоугодного дела.

В витебском храме ежегодно исповедуется около тысячи человек.

Сегодня в Беларуси существует старообрядческое Древлеправославное религиозное объединение, в которое входят около 30 общин поморского толка и 10 старообрядческих общин разных толков, действующих автономно. В Витебской области насчитывается более 15 общин поморского согласия, в Минской – 4, Могилёвской – 6, Гомельской – 3, Гродненской – 1. Теперь федосеевцы полностью перешли в поморское согласие. Филиповцы в основном проживают в Минске. Председателем Центрального совета Древлеправославной поморской церкви Беларуси является настоятель Полоцкой поморской старообрядческой общины Успения Пресвятой Богородицы отец Пётр Александрович Орлов. Благодаря его инициативе улица в Полоцке, на которой находится Церковь общины, была переименована с улицы Карла Маркса на улицу Успенскую.

По некоторым данным, Древлеправославная поморская церковь насчитывает в своём лоно в мире около одного миллиона христиан.

Литература

1. Старообрядческий церковный календарь на 2006 год. – Рига, 2005. – С. 3.
2. Мальцев, А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX века / А.И. Мальцев. – Новосибирск, 2006. – С. 25.
3. Зеньковский, С. Русское старообрядчество / С. Зеньковский. – М., 1970. – С. 468.
4. Миролубов, И. К 300-летию основания Выговского общежития / И. Миролубов // Старообрядческий поморский церковный календарь на 1995 год. – Рига, 1995. – С. 6.
5. Горбацкий, А.А. Старообрядчество на белорусских землях / А.А. Горбацкий. – Брест, 2004. – С. 103, 184.
6. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М., 1985. – С. 117–118.
7. Сементовский, А.М. Этнографический обзор Витебской губернии / А.М. Сементовский. – СПб., 1872. – С. 21.
8. Волков, В.И. Сведения о начале, распространении и разделении раскола в Витебской губернии / В.И. Волков. – Витебск, 1866. – С. 62.
9. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге. – Фонд 796. – Оп. 134. – Д. 1934. – Л. 13 об.

1.2. История рода Красиковых по линии дедушки Красикова Василия Сисоевича

Красиковы проживали в деревне Жарцы Полоцкого уезда Витебской губернии. По вероисповеданию все они были старообрядцами Древлеправославной поморской церкви. Здесь Красиковы поселились после того как покинули Новгородскую землю и Поморье из-за гонений и преследований во время раскола. И в дальнейшем, вплоть до 30–40-х годов XX века, они компактно проживали в этой лесной местности на краю огромного болота – урочище Лонно, в том числе, в деревнях Смоляги и Городище, которые находились в 2,5 километра от Жарцев. Сами Жарцы расположены на старой дороге Полоцк–Невель – в 15 километрах от Полоцка. В настоящее время деревень Смоляги и Городище не существует. По дороге от Полоцка, не доезжая до Жарцев, по правой стороне в лесу находится большое старообрядческое кладбище. На нём похоронены многие Красиковы и их родственники.

Да, это те самые Жарцы, которые оставили заметный след в белорусской истории. В документальных источниках XIX века неоднократно упоминаются жители Жарцев как наиболее сплочённые и храбрые старообрядцы, много сделавшие для укрепления старой веры.

Также крестьяне Жарцев прославили себя во время войны 1812 года. Об этом напоминает скромный обелиск у дороги. В сентябре 1812 года жители деревни оказались между французским корпусом Н. Удзино и русским корпусом П. Витгенштейна. Они объединились в партизанский отряд. 21 сентября 1812 года русский генерал-майор Властов написал рапорт генералу П.Х. Витгенштейну об отваге крестьян д. Жарцы. В рапорте, в частности, отмечалось, что французский генерал Легран производил рекогносцировку местности от реки Полоты до Двины через свои аванпосты с одним батальоном пехоты и эскадроном кавалерии. Французы 8 сентября хотели пройти через деревню Жарцы, но не смогли. Местные мужики, взяв ружья, косы и вилы, организовали засаду и смело бросились на врагов, которые стали отступать. Тогда храбрые крестьяне пустились преследовать их, убив и ранив нескольких французов. Командовал ими отставной солдат, житель Жарцев Максим Марков. В октябре жители деревни дважды принимали участие в битвах за Полоцк. После войны 22 крестьянина были награждены крестами на шапки и серебряными медалями на голубых лентах. В 1819 году царское правительство вновь вспомнило о заслугах жителей Жарцев и приняло решение выкупить за 20 тысяч рублей у местного помещика крестьян вместе с землями в вольные люди. Это был редкий и почётнейший прецедент. Жители Жарцев стали свободными на 42 года раньше, чем произошла официальная отмена крепостного права в 1861 году.

В 1905–1907 годах в Полоцке действовала социал-демократическая организация. В феврале 1905 года она распространила воззвание «К крестьянам». Это воззвание было выявлено полицией 4 апреля и в д. Жарцы.

В 1886 году в Жарцах насчитывалось 19 дворов, 58 мужчин и 65 женщин.

Трагические события Второй мировой войны докатились и до этих мест. В октябре 1941 года фашисты сожгли деревни Смоляги и Городище из-за оказанного сопротивления местными староверами. В марте и мае 1943 года во время карательных операций Жарцы были полностью уничтожены в количестве 55 дворов. Из 226 жителей убиты 198. В их числе гитлеровцы расстреляли и затем сожгли слепого 80-летнего староверского священника Кириллова Астафия Семёновича. Сожгли каратели и староверскую церковь.

Рядом с Жарцами расположена д. Сухой Бор. Там также проживало много старообрядцев. Жительница этой деревни Татьяна Савельевна Мариненко в годы войны была разведчицей и связной партизанской бригады «Неуловимые». В августе 1942 года гитлеровцы её арестовали и затем расстреляли вместе с 14-летним братом Лавреном. В 1965 году ей было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). Похоронена на лесном кладбище возле Жарцев.

Первым зафиксированным лицом в родословной является прадед дедушки Пахомий Красиков (1809–1889), данные о его жене не известны.

У Пахома было пять детей:

- Сисой Пахомович Красиков (1849–1932) – отец дедушки;
- Иван Пахомович Красиков (1850–1935) – приёмный отец дедушки;
- Иван Пахомович Красиков;
- Матвей Пахомович Красиков;
- Ксенефонт Пахомович Красиков.

Матвей Пахомович и Ксенефонт Пахомович были богаче и жили в д. Юрово нынешнего Шумилинского района Витебской области. По воспоминаниям моей матери, от их домов остались одни фундаменты. В 30-е годы XX века Матвей и Ксенефонт переехали в Москву и тем самым избежали раскулачивания и репрессий. Их потомки живут в Москве. Одна из их ветвей носит фамилию Селезнёвы.

При жизни Пахомия два его сына Сисой и Иван жили в Жарцах. Когда в деревне построили новую церковь братья Сисой и Иван выкупили старую большую деревянную молельню староверов и перевезли её в д. Смоляги. Молельню перестроили под большой дом, в котором проживало две или три семьи. Таким образом, Сисой Пахомович и Иван Пахомович переехали жить в Смоляги. Новая церковь в Жарцах простояла до 1943 года.

Сисой Пахомович Красиков женился на Екатерине Григорьевне (1851–1917) и они тоже стали жить в Смолягах. Их могилы, в том числе и Пахомия, находятся на лесном кладбище возле д. Жарцы **(фото 1, 2)**.

У Сисоя Пахомовича и Екатерины Григорьевны родилось шесть детей: два сына и четыре дочери:

- Парфений Сисоевич Красиков (1886–1943);
- Василий Сисоевич Красиков (1890–1981) – дедушка А.А. Сухарева;
- Минодора Сисоевна Красикова;
- Марина Сисоевна Красикова (1871–1976);
- Фотиния Сисоевна Красикова;
- Евдокия Сисоевна Красикова (1892–1967).

Позже Василия Сисоевича усыновил родной дядя Иван Пахомович Красиков. Он был одиноким, а у Василия было мало земли. По тем временам, чтобы передать свою землю племяннику, он должен был его усыновить. Поэтому в биографии Василия Сисоевича встречаются разночтения в отчестве: Сисоевич и Иванович.

Все дочери вышли замуж и жили довольно состоятельно.

Братья Василий и Парфений были очень дружны и поддерживали самые тесные отношения **(фото 3)**.

Дедушка Красиков Василий Сисоевич был женат на Гусаковой Анне Купреевне (1893–1964). У них было три дочери: Анна (1922–1997), Евдокия (1923–2008) – моя мать, Надежда (1925–2003) **(фото 4)**.

Все они похоронены на старообрядческом кладбище в Витебске в районе Юрьевой Горки **(фото 5)**.

Моя бабушка Красикова (Гусакова) Анна Купреевна (Куприяновна) имеет происхождение из зажиточной старообрядческой семьи. Разночтения в отчестве бабушки объясняются тем, что в официальных документах её отец записан как Куприян, а в жизни его звали Купрей. Это одно и то же лицо. Её прадедом был Иван Гусаков, а прабабкой его жена Ирина. Прадед был весьма богат: имел много земли, деревни, леса, озёра, магазины, в том числе ювелирные, в г. Полоцке. Позже, по рассказам матери, один из наследников многое прогулял – цыгане, шампанское и т.д.

Родители бабушки Купрей (Куприян) Иванович Гусаков (1861–1923) и Пелагея Гусакова (1864–1923) проживали в имении Фёдоровка, которое располагалось на стыке трёх нынешних районов: Полоцкого, Городокского и Шумилинского. Рядом протекала живописная река Свина. Географически это место можно описать как переходное от обширных обольских болот к песчаным хвойным лесам в сторону Псковской области России.

Выписка из книги под редакцией А.П. Сапунова «Список населённых мест Витебской губернии. Витебск, 1906».

Мещане Гусаковы.

Владимирская волость Городокского уезда.

			Количество земли (лес)			Жителей		
			Удобн.	Неудобн.	Леса	Дворов	Мужчин	Женщин
Имение Фёдор- ровка	р. Свина		87	183	180	3	15	16
Пос. Фёдоровка	р. Свина		—	—	—	1	3	7
Пос. Свино	р. Свина		—	—	—	1	4	6
Фольварк Заре- чье	оз. Ло- сосно		2	2	10	1	4	3
Фольварк Ляды	р. Свина		80	5	15	1	7	8

Данную выписку сделал известный витебский краевед, учёный-биолог, профессор, первый проректор ВГУ имени П.М. Машерова Дорофеев Анатолий Максимович.

Общий список землевладельцев по Городокскому уезду Витебской губернии за 1889 год, где указано:

№ 80 д. Фёдоровка, владелец: мещане Дмитрий и Куприян Гусаковы и Ксенефонт Красилов; садов 4 десятины, оценка 160 руб.; земли пахотной супеси: 60 десятин, оценка 1500 руб.; земли сенокосной заливной: 4 десятины, оценка 120 руб.; земли сенокосной по суходолу: 5 десятин, оценка 150 руб.; земли сенокосной мокрой: 3 десятины, оценка 60 руб.; земли пастбищной по лесной заросли: 6 десятин, оценка 18 руб.

Всего по новым сведениям: 82 десятины, оценка 2008 руб.

Всего по своду 1888 года: 81 дес. – 600 руб.

Леса дровяного: 100 дес., оценка 1000 руб.; леса смешанного – 50 дес., оценка 50 руб.; лес кустарник – 30 дес., оценка 90 руб.

Всего по новым сведениям – 180 дес., оценка 1590 руб.

Всего по смете 1888 года – 180 дес.; рыбных вод 4/1200; 180 руб. по сведениям податных инспекторов.

Всего подлежит обложению 266/1200; 3598/180/3778.

По окладу в 5/16 коп. с рубля оценки сумма сбора 11/81 – 3598 руб.

Оклад налога 1888 год: 13/93.

Неудобных мест по новым сведениям – 182/1200.

Неудобных мест по сводам 1888 года: 192.

Всей земли в имении по новым сведениям – 449.

Всей земли в имении по сводам 1888 года: 453/600.

(Десятина – 1,45 га).

У родителей бабушки было три сына – Иван, Василий, Василий (1891) и две дочери – Мария, Анна Купреевна (наша бабушка).

Оба Василия жили в Фёдоровке в хорошем доме на две половины. Один Василий был женат на Ксении Соколовой, и у них было двое детей: Фома и Матрёна.

Другой Василий также был женат, и у него было трое детей.

По воспоминаниям матери Красиковой Евдокии Васильевны, у них было много скота, большой сад, кузня, водяная мельница. Дом стоял над речкой Свина. В реке было много рыбы, которую ребятишки даже могли поймать руками.

По официальным сведениям, один из Василиев – Гусаков Василий Куприянович, который родился в 1891 году в д. Фёдоровка, арестован 21 июля 1932 года и выслан вместе с семьёй в Казахстан. Реабилитирован в 1989 году.

Родители бабушки Купрей Иванович и Пелагея умерли в один день в конце 1923 года и были похоронены на старообрядческом кладбище в д. Глушица Шумилинского района. Это кладбище занимает одно из самых высоких мест в округе и хорошо видно с шоссе Шумилино–Суровни. По расположению кладбища и останкам каменно-бетонной ограды вокруг кладбища можно утверждать, что оно носило некий элитный характер. На кладбище сохранилось немало памятников из камня. Но многие надписи прочитать трудно. Могил Гусаковых здесь я не обнаружил. На западной части кладбища разместилась большая братская могила советских воинов, погибших при освобождении этих мест во время операции «Багратион» (1944). В настоящее время захоронения на кладбище не ведутся. За два посещения Глушицы мне не удалось найти старожилов, которые могли бы рассказать о кладбище.

За Глушицей находится д. Горелая Гряда. За её околицей в лесу расположено большое ухоженное кладбище. Здесь проводятся захоронения из всех окрестных мест. Это кладбище состоит из двух частей – старого и нового. Беглое исследование старого кладбища могил Гусаковых не выявило.

О самой Глушице известно, что в 1906 году было зарегистрировано имение Глушица Городокского повета Козьянской волости. Хозяином являлся некто Шнип. Рядом с фольварком, в котором жил Шнип, сохранился колодец, которому более ста лет. Перед войной в фольварке жил Шнипов Иван Иванович, видимо, наследник того первого Шнипа. Вполне возможно, что Шнип – это прозвище, а реальная его фамилия – Шнипов. В нашей родне были Шниповы, в частности, Шнипова Татьяна Афанасьевна, которая до войны проживала в д. Шилы недалеко от посёлка Должа, а затем переехала в пригород Вильнюса – Повильнюс. В Глушице также до начала XXI века проживала Гусакова Устинья Ермолаевна, староверка. Возможно, она родственница наших Гусаковых.

Примерно в 2000 году я впервые с А.М. Дорофеевым побывал в д. Фёдоровка. Дома, где жили Василии, конечно, уже не было. На его

месте заброшенное поле. В расположенной недалеко деревне Владимировка от местной жительницы мы узнали, что о Гусаковых сохранились хорошие воспоминания. В сезон уборки урожая они приглашали на помощь работников, но никогда их не спаивали, хорошо платили, кормили и угощали фруктами из своего сада.

Также нам рассказали, что в д. Фёдоровка в одном из домов есть печь, которая облицована красивыми изразцами из дома Гусаковых. Мы подъехали в Фёдоровку, но посмотреть изразцы нас не пустили.

Позже я дважды привозил мать на эти места. Фотографировал. На одном фото она по пояс в бурьяне стоит на месте бывшего дома, на другом – на мосту над красивой речкой Свина. Она вспомнила, что рядом располагались деревни: Коты, Дюдьки, Векши, Стадолище (сохранилась). На обратном пути мать пыталась купить у местных жителей в деревнях Владимировка и Стадолище домашних куриных яиц, сала. Но никто не продал. Изменилось время. В деревнях остались только старики и продукты от небольших хозяйств они держали для внуков.

Третий брат бабушки Иван жил в д. Шмано. Его жена Екатерина Ипатьевна была родом из Полоцка, и у них было трое детей. В д. Шмано жил богатый мещанин Максим, который был женат на Ирине – родной тёте Екатерины Ипатьевны. Видимо, они способствовали женитьбе Ивана Гусакова и помогли им построить дом.

Сестра бабушки Мария Купреевна по характеру была доброй и грамотной (окончила 4 класса). Мария Купреевна удачно вышла замуж за Ивана Хохлова. Они поселились в д. Ситенец, недалеко от д. Юровичи Полоцкого района. В 2004 году я побывал там вместе с матерью. В Ситенце мы случайно обратились к женщине, которая сидела на лавочке около своего дома. Она оказалась для матери прекрасным собеседником. Воистину не знаешь, где ждёт тебя удача. Мать проговорила с этой замечательной женщиной очень долго. Тогда я ещё не понимал, что в той поездке эта случайная встреча была для матери самой лучшей. Женщина к этому времени стала уже абсолютно слепой. Но у нее была очень хорошая память. Она прекрасно помнила семью Марии Купреевны. Вместе с мужем она построила хороший дом, возвела хозяйственные постройки. В их семье родилось двое детей. Их дом стоял в стороне от деревни. Чтобы попасть к нему, надо при подъезде к Ситенцу повернуть вправо и около километра идти или ехать по узкой дорожке по обе стороны густо заросшей кустарником. Поэтому на путника сразу набрасывались сотни комаров и оводов. Дом стоял под высокой горой с соснами, которая надёжно защищала его от суровых северных ветров. Поэтому возле жилища рос прекрасный сад и хорошо вызревали различные овощные культуры. Через некоторое время муж умер. Позже Мария Купреевна взяла в примаки мужчину из соседней деревни Максименко Алексан-

дра и у них родилось трое детей. Но этот брак был менее удачным.

По воспоминаниям матери, бабушка Анна Купреевна была красавицей: голубоглазая, с хорошей фигурой и ростом не менее 165 см. По характеру она была очень доброй, отзывчивой и гостеприимной. Анну Купреевну очень любила её бабушка Ирина (жена богача Ивана Гусакова). В частности, в приданое для своей внучки Анны она дала золотые часы с крышкой на длинной золотой цепи, золотой браслет с драгоценными камнями, 8 золотых колец, много шерстяных отрезков. Потом Анна Купреевна сама шила себе платья.

Я предполагаю, что дедушка Красииков Василий Сисоевич мог познакомиться с бабушкой Анной Купреевной Гусаковой на одном из кирмашей в д. Юровичи. Они поженились и стали жить в д. Смоляги Полоцкого района.

Старшая дочь Василия Сисоевича Красиикова и Анны Купреевны Красииковой Анна Васильевна вышла замуж за подполковника Мартынова Николая Артемьевича (1918–1997) из кубанских казаков. В процессе военной службы они жили в разных регионах: в Германии, г. Ленинанкане (Армения), на Курильских островах (о. Кунашир). После выхода в отставку они построили дом в Витебске по улице 5-й Полоцкой и здесь постоянно проживали. Во время Великой Отечественной Николай Артемьевич успешно воевал офицером-артиллеристом. Он имеет несколько боевых наград, среди которых орден Красного Знамени (боевой) и орден Красной Звезды, боевые медали **(фото 6)**.

Н.А. Мартынов обладал прекрасными практическими навыками и в отставке любил мастерить. В частности, он своими руками изготовил (в ночное время) прекрасную полированную мебель, которая по качеству превосходила фабричную. В отличие от многих военных Николай Артемьевич был очень начитанным человеком. У него дома была прекрасная библиотека. Он поставил перед собой цель прочитать всю основную мировую классическую литературу. И он достиг этой цели.

У Н.А. Мартынова и А.В. Мартыновой родилось два сына: Юрий Николаевич Мартынов (1946–2010) и Сергей Николаевич Мартынов (1953) **(фото 7)**.

Юрий Николаевич Мартынов окончил Витебский станкоинструментальный техникум и работал на оборонных предприятиях Витебска, затем Новополоцка на ответственных должностях по контролю качества выпускаемой продукции. По характеру Юрий Николаевич отличался обострённым чувством справедливости и сострадания по отношению к людям, стремлением оказать им посильную помощь и поддержку. Он женился на Ольге Константиновне родом из г.п. Чашники Витебской области. Она закончила Витебский медицинский институт и по её распределению они переехали на постоянное место жительства в г. Ново-

полоцк. У них родилось два сына: Сергей и Николай. Оба получили высшее образование и успешно работают в бизнесе в г. Вильнюсе (Литва). Юрий Николаевич похоронен на кладбище возле д. Глинище Полоцкого района.

Сергей Николаевич Мартынов с золотой медалью закончил элитную по тем временам СШ № 9 в г. Витебске с углубленным изучением иностранных языков и поступил в МГИМО, который окончил с отличием. По распределению он всю свою трудовую деятельность проработал на дипломатической службе сначала в Белорусской ССР, затем в Республике Беларусь. В частности, он был первым чрезвычайным и полномочным послом от Республики Беларусь в США, первым заместителем Министра иностранных дел и последние 10 лет службы – Министром иностранных дел. У Сергея Николаевича Мартынова и его жены Маргариты Менандровны (по специальности врач) родилось два сына: Иван и Никита. Иван закончил в Минске Европейский гуманитарный университет. Все они проживают в г. Минске.

Младшая дочь Василия Сисоевича Красикова – Надежда Васильевна вышла замуж за старовера Кириллова Савелия Илларионовича (1926–1998), который был родом из д. Шиверливка. Они построили дом в Витебске по улице 12-й Городокской (ныне Псковская). Надежда Васильевна вплоть до выхода на пенсию работала на обувной фабрике «Красный Октябрь» в должности кладовщика.

Савелий Илларионович трудился на станкостроительном заводе имени Коминтерна (токарь-затыловщик). Эта профессия требовала высокой точности в работе и профессиональной компетентности. Он обладал хорошими мастерскими навыками и мог смастерить многое. Всю жизнь Савелий Илларионович был активным охотником и рыбаком (фото 8).

Надежда Васильевна и Савелий Илларионович Кирилловы отличались большой душевной теплотой и гостеприимством. У них родился сын Владимир (1951). Владимир Савельевич закончил Витебский индустриально-технологический техникум по специальности «Промышленное и гражданское строительство». Работал мастером в строительной организации. Позже закончил курсы по подготовке помощников машинистов, затем Гомельскую дортехшколу и стал работать полновесным машинистом тепловозов. Он женился на Кривёнок Людмиле Павловне (1952), уроженке г. Глубокое, которая многие годы работала бухгалтером в Управлении здравоохранения Витебского облисполкома. У них родилось два сына: Дмитрий (1976) и Александр (1984). Дмитрий окончил Витебский государственный университет по специальности «Математика» и затем работал в правоохранительных органах (майор). Александр закончил Витебский политехнический колледж по специальности

«Электрооборудование» и затем Полоцкий государственный университет по специальности «Проектирование и дизайн компьютерных программ». Работает в строительной сфере в Петербурге.

В настоящее время Владимир Савельевич и Людмила Павловна Кирилловы вышли на пенсию и проживают в родительском доме по улице Псковской.

Средняя дочь Евдокия Васильевна Красикова вышла замуж за уроженца г. Витебска старовера Сухарева Александра Максимовича (1927–2015), у которых родился я, то есть Сухарев Андрей Александрович (1952). Когда мне исполнилось шесть лет, родители развелись и мать снова взяла свою девичью фамилию – Красикова **(фото 9, 10)**.

Сухарев Александр Максимович является участником Великой Отечественной войны. Он всю жизнь проработал шофёром, в том числе около 15 лет на Колыме. У него была другая семья.

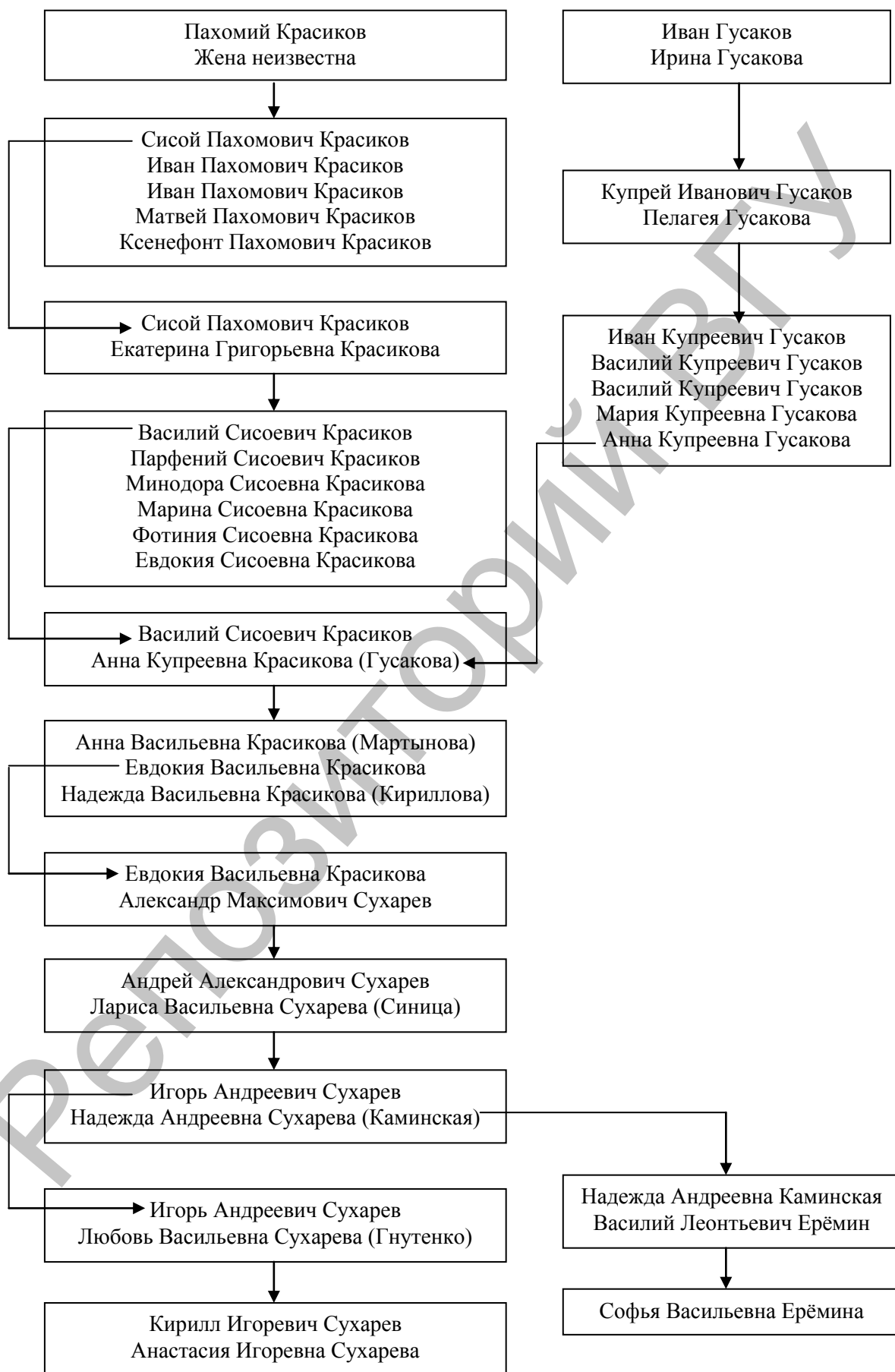
В 1977 году я женился на Синице Ларисе Васильевне (1955), которая родилась в д. Дворище Россонского района в семье учителей. Она с золотой медалью окончила среднюю школу и с отличием Витебский медицинский институт. По распределению она пришла работать врачом-лаборантом во 2-ю городскую поликлинику г. Витебска на Марковщине. Здесь она работает до настоящего времени в должности заведующей лабораторией, врач высшей категории.

У нас родилось двое детей: Надежда (1980) и Игорь (1983). Надежда с отличием окончила Витебский государственный медицинский университет по специализации врач УЗИ. В настоящее время дочь Каминская (Сухарева) Надежда Андреевна и её муж Ерёмин Василий Леонтьевич (1977) проживают в г. Минске, и оба работают в больнице скорой медицинской помощи. Василий Леонтьевич по специальности хирург. Он родом из г. Кобрин. У них родилась дочь Софья (2010), моя внучка.

Сын Игорь закончил юридический факультет Витебского государственного университета и Командно-инженерный институт МЧС в г. Минске. В настоящее время майор, служит. Он женился на Гнутенко Любови Васильевне (1982), уроженке г. Витебска. Любовь имеет три высших образования по следующим профилям: инженер по сертификации, юрист и инженер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. У них двое детей: Кирилл (2008) и Анастасия (2014), мои внуки. Проживают в г. Витебске.

Кирилл Сухарев окончил первый математический класс гимназии № 5 г. Витебска. Его основные увлечения: путешествия и краеведение, математика и астрономия, плавание. В 2015 году являлся трёхкратным призёром областных конкурсов по спортивным бальным танцам. В 2015 году была издана его книга «Кирюшкины рассказы».

Генеалогическое древо Сухарева Андрея Александровича

Родственники по линии родной сестры Красикова Василия Сисоевича Красиковой (Гуковой) Марины Сисоевны.

Дочь Сисоя Пахомовича Красикова Марина Сисоевна Красикова вышла замуж за Гукова Мину Евлампиевича (1876–1941), который был родом из Жарцев. Они стали проживать в д. Городище. У них родилось два сына (Дмитрий Минаевич, Григорий Минаевич) и дочь Екатерина Минаевна **(фото 11)**.

Мина Евлампиевич Гуков до революции являлся середняком. В Первую мировую войну получил на северо-западном фронте Георгиевский крест. Позже работал старшим конюхом в д. Козьи Горки (район деревни Жарцы). В 1936 году получил медаль «Заслуженный колхозник СССР». По отзывам односельчан, Мина всегда был доброжелательным, приветливым человеком.

Его сын Дмитрий Минаевич Гуков (1908–1991) женился на Христине Тимофеевне, которая была родом из д. Заречье, расположенной в той же местности. У них родилось шесть детей: Лука (1930–1941), Георгий (1935), Фотий (1937), Анна (1939), Яков (1942), Полина (1949).

С семьёй Дмитрия Минаевича наши Красиковы поддерживали самые тесные отношения **(фото 12)**.

В октябре 1941 года некоторые жители деревень Городище и Смоляги оказали неповиновение немцам и убили нескольких из них. В перестрелке погиб Красиков Лавр – муж Екатерины Минаевны. Фашисты немедленно организовали карательную операцию. Семья Дмитрия Минаевича, в буквальном смысле, в последний момент убегала из Городища из кровавых рук оккупантов. Они бежали через лес в д. Гомерня под Полоцком. Вместе с собой они гнали корову. В один момент корова вдруг побежала в другую сторону, за ней направился сын Лука (11 лет). Тут же он был застрелен наседавшими фрицами.

В Городище остались отец Мина Евлампиевич и его дочь Екатерина Минаевна с маленьким четырёхлетним сыном Николаем. Они надеялись, что их не тронут, но фашисты их расстреляли, а деревню сожгли. На следующий день Дмитрий Минаевич вернулся из Гомерни в Городище, чтобы похоронить близких. Так, в одночасье погибла вся семья Екатерины Минаевны вместе с отцом.

Марина Сисоевна осталась живой благодаря тому, что она своевременно покинула Городище и ушла в д. Гендики к своему сыну Григорию Минаевичу, который был женат и там проживал. После освобождения Беларуси от оккупантов он уехал на юг Узбекистана. Там он работал в горах шахтёром по добыче цветных металлов. Сын Григория Минаевича Гукова Роман живёт недалеко от Пинска.

Дмитрий Минаевич предпринимал попытки попасть с семьёй в партизанский отряд, но их не взяли, так как много детей. Тогда он на-

шёл в Полоцке свободный еврейский дом, где и стали временно проживать. Позже он поймал в д. Козьи Горки ничейную кобылку, которую в дальнейшем использовал для выживания. В Полоцке они прожили с осени 1941 по ноябрь 1942 года. Дети видели, как по Полоцку шли колонны военнопленных. Пленные давали им на ходу самодельные игрушки, а дети подавали хлеб. Также много гнали колонн евреев.

Уже с лета 1942 года авиация Калининского фронта стала активно бомбить Полоцк.

В ноябре 1942 года немцы провели облавы в домах частного сектора, прилегающего к железной дороге. Жителей, в том числе и Гуковых, посадили в товарные вагоны и повезли в литовский город Алитус. По дороге на маленьких станциях одни местные жители предлагали, а другие просили отдать им детей на воспитание. В Алитусе их определили в трудовой лагерь и поселили в бараки. Родителей утром вызывали на работы, а дети оставались в бараках.

Весной их семью в числе нескольких других выкупил литовский пан и отвёз в своё поместье Симанишки возле Швенчёниса. Отношение пана было неплохим. Дети пасли гусей, свиней и выполняли курьерские поручения. Пан был средних лет, ездил верхом, в конфедератке, с нагайкой. У него также была мельница. Позже пан вместе с работниками переехал в другое имение – Августово.

Здесь они дождались своего освобождения советскими войсками. Дмитрий Минаевич стал работать в подсобном для фронта хозяйстве. Тем не менее, время оставалось беспокойным. В лесах и на хуторах стали действовать «лесные братья». Здесь Дмитрий Минаевич проявил природную мудрость и не стал дожидаться испытания судьбы. Он благоразумно съездил на разведку в Латвию в г. Даугавпилс. Там он нашёл свободный дом в местечке Старый Форштадт. Вскоре вся семья переехала на новое место. Дмитрий Минаевич стал работать на горпромкомбинате, позже на железной дороге. Он был мастером на все руки. Особенно искусно он валял валенки, что давало ему стабильный дополнительный доход.

Дмитрий Минаевич часто приезжал в Витебск в гости к своему дяде Красикову Василию Сисоевичу в дом на улице Виноградовой, 45. Обычно он появлялся утром с небольшим чемоданчиком в руках. Целовался с домашними. Тут же оперативно накрывался стол с картошкой, салом, яичницей, маринованными огурцами, предлагалось немного водки. После краткой молитвы садились за стол.

В 1955 году сын Дмитрия Минаевича Фотий Гуков поступил в Витебский ветеринарный институт и тоже стал часто бывать в нашем доме. Позже он закончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и долгое время работал доцентом кафедры патанатомии и гистологии, а также председателем профкома профессорско-преподавательского

состава и сотрудников института. Фотий Дмитриевич – учёный с мировым именем. Он избран членом международной ассоциации иммунологов репродукции. Имеет более 150 научных публикаций.

Будущая супруга Ф.Д. Гукова Галина Фёдоровна Линчанская (1949) родилась в д. Савчёнки Витебского района недалеко от станции Лосвидо. Поступила в Витебский ветеринарный институт. Однажды глаза студентки и преподавателя встретились. Они поняли, что это и есть любовь, и поженились. Галина Фёдоровна работала в райветстанции и в райветлаборатории. Фотий Дмитриевич со своей супругой Галиной Фёдоровной часто навещали наших близких на улице Виноградовой в Витебске. В настоящее время они на пенсии и проживают в Витебске по улице Шрадера **(фото 13)**.

У них родилось две дочки: Татьяна Фотиевна (1971) и Кристина Фотиевна (1976). Татьяна закончила Витебский государственный университет имени П.М. Машерова по специальности «Учитель начальных классов». В настоящее время Юрчишко Татьяна живёт и работает в Новополоцке. У неё двое детей: сын Денис (1995) и дочь Лиза (2002).

Кристина Фотиевна закончила Минский медицинский университет по специальности «Стоматология». Ныне проживает и учится в Италии (Сицилия). Является студенткой университета в г. Катания по специальности «Стоматология». У неё родилось двое детей: сын Павел (1999) и дочь Анна (2002).

Сын Дмитрия Минаевича Гукова Георгий закончил факультет журналистики БГУ в Минске. После работал сотрудником, а затем и главным редактором городской газеты «Красное Знамя» г. Даугавпилса. Позже стал работать первым помощником 1-го секретаря ЦК компартии Латвийской ССР тов. Восс, потом тов. Пуго. В настоящее время проживает в Риге. Его дочь Илона закончила юридический факультет, работает в ресторанном бизнесе.

Анна Дмитриевна Гукова окончила техникум. Проживает в Полоцке, работала в строительном тресте «Нефтестрой». Имеет двоих детей. Дочь Наталья Петровна – учительница. Живёт в г. Прейли (Латвия). Сын Сергей Акимович окончил Московский авиационный институт (МАИ), является предпринимателем в Новополоцке.

Яков Дмитриевич Гуков живёт в местечке Островно под Витебском. Детей нет.

Полина Дмитриевна Гукова окончила Витебский ветеринарный институт. Постоянно проживает в Даугавпилсе в родительском доме в Старом Форштадте. Работала на местном мясокомбинате. Потом её оттуда «выжили». Некоторое время её трудовая деятельность была связана с торговлей, в частности, с книжной лавкой. Дочь Елена – школьный психолог, работает в Даугавпилсе.

Родственники по линии родного брата Красикова Василия Сисоевича Красикова Парфения Сисоевича.

Сын Сисоя Пахомовича Парфений Сисоевич Красиков был женат на Варваре Егоровне. У них родилась дочь Екатерина Парфеновна. Парфений Сисоевич с супругой переехали на постоянное место жительства в г. Гатчино Ленинградской области. Они жили в частном секторе на уютной улице. Парфений Сисоевич умер рано в 1943 году.

Варвара Егоровна была очень набожной и строго соблюдала все старообрядческие каноны. В их доме, помню, на веранде всегда стояла ёмкость с чистой колодезной водой и при ней специальная кружка для мирских людей другой веры. Так было принято у староверов. В этой связи у некоторых людей существовало превратное мнение о том, что староверы, мол, и воды не дадут напиться. Это неправда. Всегда дадут, но не из той кружки, с которой пьют домашние.

Екатерина Парфеновна часто приезжала к нам в гости в Витебск и прежде всего к своему любимому дяде Василию Сисоевичу. Она, как и родители, тоже была очень набожной. Внешне Екатерина Парфеновна была хрупкого телосложения и с нежной душой. Она входила в наш дом по улице Виноградовой, всех целовала, крестилась и плакала от счастья, что видит нас.

В свою очередь, в наш приезд в Гатчино в 60-х годах я обратил внимание на то, что Екатерина Парфеновна поддерживала хорошие отношения со многими жителями города. Это были милые, сердечные и интеллигентные люди. Большинство, видимо, из староверов.

Екатерина Парфеновна вышла замуж за Иванова Акима. У них родилось два сына: Анатолий и Пётр. Оба они поступили в военное артиллерийское училище. Я помню, что они с удовольствием приезжали к нам в Витебск во время отпуска. Это были искристые, красивые, умные юноши. Но время, судьба и личные качества постепенно вносили свои коррективы в их жизнь. Пётр вскоре бросил училище и уехал в Гатчино. Анатолий окончил училище и дослужился в армии до майора. Оба они женились на староверках, и оба развелись. У каждого осталось по дочке **(фото 14)**.

В то время Гатчино окружали леса, и Пётр в сезон активно собирал большое количество белых грибов и реализовывал их в Ленинграде. Он был смелый и решительный парень, но «с залётной установкой». Потом он одно время хорошо был знаком со знаменитыми ленинградскими «Крестами». В конечном итоге он трагически погиб. Родители и Пётр похоронены в Гатчино.

Анатолий вышел в отставку в Кишинёве. У него там была женщина. Я помню, как он периодически ездил навещать мать в Гатчино. Перед этим он давал телеграмму, и мы его встречали на вокзале в Витебске, горячо общаясь во время стоянки поезда. Анатолий умер и похоронен в Кишинёве.

Жаль, что многое стёрто временем и многое можно было бы спросить у родственников. Но ушло время и нет тех, у которых можно было бы узнать о дорогах тебе людях.

Родственники по линии родной сестры Красикова Василия Сисоевича Красиковой (Кондратьевой) Евдокии Сисоевны.

Дочь Сисоя Пахомовича Красикова Евдокия Сисоевна родилась в Смольягах и вышла замуж за Кондратьева Фёдора Михайловича (1882–1970) в д. Зимники нынешнего Янковичского сельсовета Россонского района. Зимники располагались недалеко от д. Рудня на берегу озера Яковское. В настоящее время этой деревни не существует. Фёдор Михайлович работал на почте. В 1937 году они переехали в Полоцк и жили в районе Спасо-Евфросиньевского монастыря в частном секторе. Фёдор Михайлович был строителем, работал в Боровухе-1, строил военный полигон в Дретуне.

В 1943 году они были вывезены в Германию на принудительные работы. В аграрном районе они работали на местного помещика. После освобождения Кондратьевы вернулись в Полоцк и спустя некоторое время уехали на постоянное место жительства в Литовскую ССР г. Швенчёнис по месту работы сына Макария Фёдоровича. Там они и умерли. Сын перевёз и похоронил их на лесном кладбище возле д. Жарцы **(фото 15)**.

У Фёдора и Евдокии Кондратьевых было шесть детей.

Сын Иван Фёдорович (1914–1995) с женой Анной проживали в Полоцке. Иван работал шофёром. Является участником Великой Отечественной войны. У Ивана с Анной родилось два сына: Георгий (1941) и Тит (1947).

Дочь Клавдия Фёдоровна (1926–2013) вышла замуж за Владимира Мамантьевича Евсеева, который происходил от латышских староверов. Большую часть жизни они прожили в Даугавпилсе. У них родилось двое детей: Зинаида и Юрий.

Дочь Феня Фёдоровна (1930) проживает в Литве в г. Шальчиненкай. Её муж Владимир Кротов работал директором совхоза. У них две дочери: Валентина и Светлана.

Дочь Ксения Фёдоровна (1916) вышла замуж в д. Гендики Полоцкого района. Там заболела и умерла.

Сын Фёдор (1923–1945) погиб в самом конце войны в Германии.

Сын Макарий Фёдорович Кондратьев (1918) до войны успел окончить 4 класса в школе в д. Рудня и затем 7 классов в д. Селявщина Россонского района. До 1937 года работал на узле связи в Россонах, где заведовал радиотрансляцией. По его словам, в 1937 году начались страшные аресты. Были арестованы почти все служащие узла связи. Кольцо сжималось. К счастью, в военкомат пришла разнарядка на призыв на

военно-морской флот. Он был призван и служил на Тихом океане. Во время войны воевал на Чёрном море, является участником героической обороны Севастополя (**фото 16**).

После войны в 1949 году был направлен на работу в Литовскую ССР г. Швенчёнис. Там сначала работал секретарём парткома железнодорожного узла, затем в 1958 году переведён в г. Утена в качестве второго секретаря Утенского райкома партии. Позже был назначен главным инженером Министерства связи, затем заведующим отделом профсоюзов Литовской ССР. В начале 90-х годов переехал с семьёй в Полоцк, где и живёт по настоящее время. У Макария Фёдоровича – жена Лидия Самуиловна (1927–1995). Она родом из Смоленской области (село Монастырщина). Работала бухгалтером, секретарём райисполкома. У них двое детей. Дочь Надежда (1949) живёт в Барнауле. Сын Владимир (1960) живёт в Полоцке. В свою очередь, у Владимира есть сын Фёдор (1993), учится в Витебском государственном медицинском университете.

Родственники по линии родной сестры Красикова Василия Сисоевича Красиковой Минодору Сисоевны.

Дочь Сисоя Пахомовича Красикова Минодора Сисоевна вышла замуж за Красикова Ермолая, который жил в д. Лонница, расположенной среди большого болота. По имеющимся данным у них родилось пять детей:

- Яков Ермолаевич (1914–1975);
- Иван Ермолаевич;
- Кондратий Ермолаевич;
- Васса Ермолаевна;
- Глукерия Ермолаевна.

Известно, что их сын Яков Ермолаевич также жил в д. Лонница. Он отличался весёлым и добрым нравом. С уважением и сочувствием относился ко всем людям. В 1975 году Яков Ермолаевич упал с лошади и вскоре умер. Он похоронен на лесном кладбище возле Жарцев. Рядом с могилой Якова Ермолаевича появилось захоронение Красиковой Валентины Яковлевны (1939–2012). Видимо, это его дочь.

Родственники по линии родной сестры Красикова Василия Сисоевича Красиковой Фотинии Сисоевны.

По имеющимся сведениям у Фотинии Сисоевны и её мужа родилось пять детей:

- Татьяна;
- Евпраксия;
- Евдокия;
- Матрёна;
- Полина.

1.3. Красиков Василий Сисоевич – наставник Витебской старообрядческой поморской общины

Дедушка, Красиков Василий Сисоевич, является самой значимой фигурой в нашей родословной. Это человек огромной духовности и гуманизма, понимавший и любивший людей. 33 года он служил священником в Витебской старообрядческой церкви. Он глубоко верил в Бога и помогал людям найти к нему свою дорогу. Не случайно на его памятнике выбиты слова: Отец духовный (**фото 17**).

Василий Сисоевич родился 14 января 1890 года в крестьянской семье благочестивых староверов в д. Смоляги Полоцкого района Витебской области. Имея большое желание к изучению церковнославянской грамоты и знаменного (византийского) пения юный Василий с 13-летнего возраста стал усердно изучать под руководством старца-начётчика чтение, пение, а затем Святое Писание. Стал причётчиком храма местной старообрядческой общины, проживал с родителями, усиленно выполнял крестьянскую работу.

Во время венчания с Анной Купреевной отец Василия Сисой Пахомович наделил молодую чету родовой иконой Николая Чудотворца. Эта икона, слава Богу, сохранилась и продолжает охранять наш род.

Со временем Василий и Анна решили возвести себе новый дом. И построили большой, просторный, добротный, на высоком фундаменте. Мать вспоминала, что в доме были русская печь, щит, кровать родителей (железная, чёрная, из кованых прутьев). Три дочери спали на одной деревянной кровати. Она была обнесена тонкой досочкой (дробиночкой), чтобы не упали. Были хозяйственные постройки, баня, колодец. Держали скот, земли было мало и та бедная, так как удобрять было нечем.

Постройка дома далась очень тяжело. Работали от зари до зари. Всё приданое золото Анны Купреевны ушло на стройку дома. Она не возражала, так как любила мужа. Вместе с ними жил дед Сисой Пахомович (**фото 18, 19**).

Мать Евдокия Васильевна вспоминала, что однажды, возвращаясь с кирмаша вместе с супругой Анной Купреевной, Василий Сисоевич потерял из прохудившегося кармана несколько золотых монет из приданого жены. Эти деньги предназначались на покупку материалов для дома. Какая же досада охватила их. Стояла распутица. Дорога была сплошной грязью. Так они заново обшарили руками всю грязь, вернувшись обратно. Но монет не нашли.

Трудности не мешали дедушке заниматься лошадьми и любить их. Об этом дедушка сам мне рассказывал.

Вместе с тем, время на дворе было беспокойное: коллективизация, раскулачивание. Дедушка мне говорил, что его минула первая и вторая волна раскулачивания. Находились более зажиточные люди.

Однажды он интуитивно почувствовал, что ему хотят сделать плохо какие-то три брата в той местности, отличавшиеся бандитскими наклонностями. Тогда Василий Сисоевич взял и отогнал им свою корову. Те удивились. А потом один из них сказал: «Так мы ведь собрались тебя убить».

В 1929 году дедушку вызвали в сельсовет. Председатель сельсовета сказал: «Прости, Василий Сисоевич, мы знаем, что ты человек хороший, но больше кроме тебя раскулачивать некого». Дедушка ответил: «Какой же я кулак. У меня и наёмных работников никогда не было. У меня три малолетних дочери: 8, 7 и 4 года». На что ему сказали: «Зато у тебя есть дом».

Василия Сисоевича и Анну Купреевну арестовали, посадили на телегу с милиционером и увезли в Полоцк. Стоял октябрьский холод, шёл редкий снег. Все три дочки и дед Сисой Пахомович бежали за телегой, громко плакали и кричали. Отец махал им шапкой и крестился, мать громко голосила. Потом они отстали от телеги и вернулись домой. Но дом был уже закрыт, и их не пустили. Всё добро забрали: скот, картошку, капусту. Четыре долгих года три сестры скитались по чужим людям.

Дедушка вспоминал, что в ссылку в Сибирь их сначала везли поездом в товарных вагонах. Затем перегрузили на баржу и пошли они по реке Амур. В результате они оказались приблизительно в 700 километров за Хабаровском (станция Керби).

Василий Сисоевич был мастеровой с руками и довольно сильный физически. Его определили на стройку. Он частенько вспоминал один случай. Работаю на крыше. Мороз сильный. Но от интенсивной работы я скинул верхнюю одежду и пою псалмы. А внизу стоит охранник с винтовкой, мёрзнет в тулупе и говорит: «Вот, хренов поп, его и мороз не берёт».

С целью выживания дедушка ходил ловить рыбу на Амур. Однажды вечером, сидя в шалаше, он слышал, как подошёл тигр и забрал рыбу. Ещё раз, возвращаясь с рыбалки, он увидел медведя, который вёл себя очень нервно и непредсказуемо. Он то забегал сзади, потом обгонял по тайге и снова чуть ли не перед носом пересекал лесную дорогу. До посёлка идти было не мало. Он истово молился, и медведь его не тронул. На подходе к посёлку Василий Сисоевич встретил охотников. Они были очень удивлены, что он остался целым и невредимым. И рассказали, что они убили медвежонка, а это была медведица, его мать. И в таких случаях она обычно убивает человека. Вообще в тех местах медведи нередко нападали на ссыльных. Дедушка рассказывал, что при этом медведи как бы не любили видеть глаза человека перед смертью. Поэтому они лапой захватывали кожу головы с затылка и закрывали глаза.

Тоска по дочерям, по родине заставила Василия и Анну думать о побеге. Непосредственным начальником дедушки был какой-то мастер, судя по всему, благородный человек. Однажды он подозвал Василия и сказал: «Я чувствую, что ты хочешь бежать. Я тебя понимаю. Но те китайцы, которые подрядятся проводниками в тайге, вас и убьют за ваши

небольшие пожитки. Потерпите и я со временем вам помогу». Действительно, спустя некоторое время им была выдана необходимая справка для легального проезда домой. Они пробыли в ссылке четыре года.

Не без трудностей Василий и Анна добрались домой и сразу же разыскали своих дочерей. Позже Василий рассказывал, что это Бог помог им вернуться. Отец Василия Сисой Пахомович умер в 1932 году за год до возвращения сына.

Поразмыслив над ситуацией, они решили покинуть Беларусь. Уехали жить в г. Гатчино Ленинградской области к родному брату Парфению. Им выделили одну маленькую комнату. Василий Сисоевич смастерил кровать наподобие многоярусной. Поэтому младшая дочь Надежда спала почти под потолком.

Дедушка устроился на работу. Жизнь стала налаживаться, но ненадолго. После мытарств по чужим людям такая жизнь дочерям казалась сказкой. Питались обычно так: густой суп из чечевицы с перловкой и капустой. Вкусный. Мать Анна привозила из Ленинграда с рынка сушёные хлебные и булочные огрызки. По воспоминаниям матери они были необыкновенно вкусные. Родители определили девочек в школу: Анну в 4 класс, Евдокию в 3-й, Надежду в 1-й. Евдокии и Надежде как младшим школьникам давали бесплатные обеды. В то же время дочери сильно отличались от городских учеников: босые, в деревенской одежде. Над ними смеялись. Тогда учительница Вера Петровна пригласила отца в школу и попросила привести внешний вид дочерей в соответствие с другими учениками. Дочь Евдокия сидела в это время за партой, а над ней смеялись. Василий Сисоевич за три дня сделал всё, чтобы девочки чувствовали себя комфортно и не выделялись на фоне других. Их успеваемость тоже стала хорошей.

Где-то через год дедушку вызвали в какую-то инстанцию и сказали, что они не могут проживать на территории Ленинградской области как бывшие ссыльные. Они уехали в Витебск.

Обладая хорошими знаниями Святого Писания, навыками византийского пения, Василий Сисоевич придерживался аскетических правил жизни и пользовался авторитетом среди верующих, поэтому в 1948 году был избран и благословлен в наставники Витебской старообрядческой общины. Он прослужил священником в Витебске 33 года до дня своей смерти **(фото 20)**.

В 1974 году на Соборе Старообрядческой поморской церкви в г. Вильнюсе Василий Сисоевич был избран членом Духовной комиссии при Высшем старообрядческом совете в Литовской ССР **(фото 21, 22)**.

Сначала Красиковы жили в Витебске в частном доме по ул. 2-й Пригородной, где родился и я. Около 1956 года дедушка построил дом по адресу ул. 17-я Городокская, 45. Позже улицу переименовали в ул. Виноградовой по фамилии подпольщицы, которая жила на этой улице в годы Великой Отечественной войны **(фото 23)**. В доме проживали: дедушка Васи-

лий Сисоевич, бабушка Анна Купреевна, мать Евдокия Васильевна, отчим Красавин Василий Парфенович и я, Сухарев Андрей Александрович.

У дедушки была своя небольшая отдельная комната, и он очень этим гордился. После службы в церкви он приходил домой, обедал и пару часов отдыхал. На обед он любил супы с приправой из жареных лука и селёдки. В целом питались скромно. Иногда с Севера к Василию Сисоевичу приезжали староверы и привозили снеток, корюшку. Я помню, как периодически появлялся дедочек небольшого роста с беленькой бородой откуда-то с Севера. Он привозил нанизанные на нитки сушёные белые грибочки. Другой небольшой дедок из д. Плиговки Шумилинского района Витебской области иногда угощал собственным мёдом. Дедушка всех хорошо принимал, подолгу беседовал на религиозные темы. Из Киева изредка приезжал мужчина с мешком из рогожи, в котором лежали книги религиозного содержания. Они тоже долго разговаривали о книгах и некоторыми обменивались. Дедушка много читал. Часто ночью его можно было застать с богослужебной книгой в руках. Обычно на табурете лежал толстый фолиант, и он, наклонившись, делал карандашом пометки.

В свободное время Василий Сисоевич не любил сидеть дома. Он прогуливался по улице, сидел на крыльце дома, беседовал с людьми. Интересное наблюдение, как он здоровался. Не важно, кто это был: подросток, серьёзный человек или спившаяся личность. При приветствии дедушка обязательно снимал шапку и затем следовал поклон головой. Раньше у староверов было принято при прощании говорить не «До свидания», а «Простите ради Христа». Они вместо «Спасибо» говорили «Спаси Господи». К сожалению, постепенно было утрачено приветствие, распространённое ещё в XVII веке среди древлеправославных христиан. Так, вновь вошедший восклицал: «Христос среди нас!», ему отвечали: «Сейчас и всегда!».

Следует отметить, что дедушка стремился никогда не отказывать людям в их просьбах. Периодически ночью раздавался стук в дверь. Дедушка вставал и шёл смело открывать. Далее развивались похожие события. Я это слышал, так как спал за тонкой деревянной перегородкой в другой комнате. Человек обычно сильно рыдал, независимо от того, кто это был – женщина или мужчина. Было ясно, что у него случилось большое горе: убили сына, дочку или кто-то погиб. И ждать до утра он не мог. Дедушка вникал в ситуацию, поднимал с пола убитого горем человека и как мог работал с ним зачастую до утра. Иногда он плакал вместе с ним. В конце концов человек несколько успокаивался, настраивался на решение первоочередных проблем. Василий Сисоевич мог дать сильную психологическую установку человеку жить, несмотря ни на что.

Василий Сисоевич активно поддерживал деловые и дружеские отношения со многими старообрядческими священниками в городах Видзы, Старая Русса, Невель, Вильнюс, Рига, Каунас, Москва, Санкт-Петербург и др.

Долгие годы связывала дружба Василия Сисоевича с настоятелем старообрядческого храма в г. Видзы Браславского района Бирюлиным Михаилом Евстратьевичем. Оба они являлись членами Духовной комиссии Высшего старообрядческого совета в Литовской ССР, оба приняли участие в известных Вильнюсских соборах (1966, 1974). На Соборе в 1974 году они выступили с докладами по усовершенствованию функционирования Древлеправославной поморской церкви от Белорусской ССР **(фото 24)**.

Взаимопонимание и общее радение за процветание старой веры тесно связывало Василия Сисоевича с председателем Духовной комиссии Старообрядческой поморской церкви при Высшем старообрядческом совете в Литовской ССР и духовным наставником Каунасской старообрядческой общины Иосифом Иоанновичем Никитиным (1905–1996). Долгое время они плодотворно общались при личных встречах, а также вели активную переписку. Иосиф Иоаннович родился в д. Аукштакальня Игналинского района Литвы. В 1966 году в Вильнюсе он был избран председателем Высшего старообрядческого совета и председателем Духовной комиссии. Позже из-за его активной деятельности по объединению старообрядцев власти заставили его уйти с поста председателя ВСС, но он оставался председателем Духовной комиссии и бесменным наставником Каунасской старообрядческой общины. Как и Василий Сисоевич, Иосиф Иоаннович прожил 91 год и похоронен на Каунасском кладбище **(фото 25)**. Иосиф Иоаннович Никитин достойно представлял и отстаивал позиции староверия. Он много раз встречался с высокими иерархами официальной патриаршей церкви и заслужил у них глубокое уважение и признание авторитета старообрядческой церкви.

Василий Сисоевич Красиков поддерживал тесные дружеские отношения с наставником староверской общины г. Старая Русса Новгородской области Василием Николаевичем Николаевым (1890–1985). Наставником в Старой Руссе он служил 27 лет с 1958 по 1985 г. Его отличали строгость в соблюдении церковных правил по старопоморскому Уставу, нестяжательный и воздержанный образ жизни. Господь определил ему внезапную смерть, как он и предвидел. Такую же упокоённую смерть четырьмя годами ранее принял и его друг В.С. Красиков.

Постоянную заботу и искреннюю заинтересованность в жизни Василия Сисоевича Красикова, а также деятельности Витебской поморской общины проявлял Розанов Олег Иванович, который является председателем Российского совета Древлеправославной поморской церкви и бесменным духовным наставником Невской поморской общины в с. Рыбацкое под Санкт-Петербургом. По его инициативе в Рыбацком в мае 2006 года был проведён 3-й Всероссийский собор Древлеправославной поморской церкви. Розанов Олег Иванович – доктор наук, обладает глу-

бокими и всесторонними познаниями вероучения и священной истории. У него много научных и популярных публикаций.

На 90-летие Василия Сисоевича Красикова Розанов Олег Иванович от имени христиан-поморцев Невской поморской общины прислал прекрасно оформленный поздравительный адрес. В нём, в частности, говорится: «Дорогой и почтеннейший Отец Василий! Посылая свои поздравления с днём Ангела Хранителя и тезоименитства, сугубо шлём приветствия по поводу замечательного и славного Девяностолетия Вашей жизни...!»

За многолетнее служение, долготерпение в трудах и духовных делах, братолюбие и благосердие, за великую доброплодную и душеполезную деятельность на благо Церкви Христовой – Спаси Господи и Помилуй!

Как вещает евангелист «Пастырь добрый душу свою полагает за овца...» помози Господи исполнить и эту заповедь Христову, спасения нашего ради.

Желаем крепкого здоровья, долголетия, успеха во благих делах, крепости духовной и милости от Господа!

С любовью и уважением,
все христиане с. Рыбацкое».

В Старообрядческом церковном календаре на 1956 год опубликовано фото хора Витебской старообрядческой общины. Эти люди составляли ядро общины и являлись ближайшими соратниками Василия Сисоевича. Следует заметить, что Василий Сисоевич, обладая данным ему Богом прекрасным сильным голосом и являясь незаурядной личностью, создавал в храме особое торжественное молитвенное настроение (фото 26, приложение).

Вспоминаются имена наиболее активных и действенных участников Витебской общины в 50-х годах: Паисий, Самсонович, Архип Лопухов, Ульяна Изотовна, Данила, Антон Фомич Мисурягин и др. В основном они проживали в районе Полоцкого базара и 5-го полка, но некоторые жили дальше – на Марковщине, Песковатике (Самсонович). Все они были добрейшие и милые люди, но в то же время принципиальные поборники и защитники старой веры.

Особенно запомнилась колоритная личность Антона Фомича Мисурягина. Когда я ещё был маленьким, он приносил для меня свои журналы «Вокруг света», в которых было много интересных иллюстраций и фотографий. Антон Фомич постоянно вёл воздержанный аскетический образ жизни и тщательно соблюдал старообрядческие традиции. Он проживал в частном доме по ул. 4-й Полоцкой. Антон Фомич был удивительно крепким и предельно энергичным человеком и проработал на станкоинструментальном заводе имени С.М. Кирова до 100 лет. Он работал столяр-модельщиком в модельном цеху. Однажды ночью к нему в дом через окно проник грабитель. Антон Фомич в целях самообороны применил охотничье ружьё и убил его. Позже суд рассмотрел это дело и вынес

оправдательный приговор. Антон Фомич активно занимался охотой и был заядлым грибником. Мать рассказывала, что когда они вместе ездили в грибы, то равных ему в сборе не было. В лесу он периодически ложился на живот и таким способом обнаруживал боровики и подосиновики.

Благодаря активному образу жизни, воздержанности, таким личностным качествам, как любовь к людям, умение принимать их такими, какие они есть, умение прощать, отсутствие зависти, а также глубокой вере в Бога, Василий Сисоевич почти не болел серьезно. Практически никогда не лежал в больнице. А если случалось какое-то недомогание, то обычно к нему привозили профессора Митрощенко, который жил на улице Кирова.

Дедушка любил всех своих четырёх внуков и уделял много внимание. Играл с нами, боролся, делал «дубовую колоду», когда слегка прижимал нас **(фото 27)**.

Несмотря на серьёзный духовный сан, Василий Сисоевич не был педантом, любил жизнь, понимал компромиссы, ценил юмор и мог красиво пошутить.

Он употреблял, например, такие поговорки: «Похвалился и завалялся», «Без денег – бездельник», «На Бога надейся, но и сам не плошай» и др.

Заслуживает внимания следующее его изречение: «Говорят, что жизнь прожить – это, мол, не поле перейти. Это ещё что. А вот как её дожить?».

Дедушка несколько раз рассказывал свой сон-видение.

Как-то видит, с небес спустилась Пресвятая Богородица и говорит: – Ты, Василий, служи, живи, а я, когда надо будет, тебя позову.

Дедушка умер 21 сентября 1981 года на 91-м году жизни. В этот день был праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Она призвала Василия Сисоевича. Он, как обычно в этот день, пришёл из церкви. Дома были две дочери Евдокия и Надежда. Пообедал и лёг отдохнуть. Через некоторое время одна из дочерей говорит: «Мне кажется, что он не дышит». Другая считала, что он живой. То есть дедушка умер очень легко и красиво, как и мечтал.

Погребение Василия Сисоевича Красикова совершалось в храме Витебской старообрядческой общины. Гроб с телом покойного несли на руках родственники. Вся улица была полна людей. Приехало очень много верующих из других городов и районов. Чин погребения совершал председатель Духовной комиссии Старообрядческой поморской церкви, настоятель Иосиф Иоаннович Никитин при участии члена Духовной комиссии наставника Укмергской общины Н.И. Васильева и притча Вильнюсской общины.

По окончании погребения со словом соболезнования и назидания верующих выступил председатель Духовной комиссии настоятель И.И. Никитин.

В некрологе, подписанном председателем Высшего старообрядческого совета в Литве Егоровым Иваном Исаевичем и опубликованном в старообрядческих церковных календарях на 1983 и 1984 гг., говорится: «За всё время служения наставником он являл собой пример достойного пастыря среди наставников и прихожан...

Да упокоит Господь душу отца Василия в небесных селениях».

1.4. Мать

Мать, Красикова Евдокия Васильевна, родилась в д. Смоляги нынешнего Зелёновского сельсовета Полоцкого района. В той местности жило немало родственников старообрядцев. Поэтому мать вместе с двумя сёстрами хорошо знала соседние деревни: Жарцы, Козьи Горки, Сухой Бор, Сестрёмки, Лонница (**фото 28**).

В целом для данной местности характерны песчаная почва и сосновый лес. Правда, к ней примыкает болото под названием урочище Лонница. Староверы обычно стремились селиться там, где есть болото, чтобы в случае опасности можно было укрыться. Исследователи в XIX веке отмечали, что болото Лонница занимает 77 кв. вёрст и на нём семь небольших озёр. Здесь в лесах водятся медведи, волки, лоси, дикие козы, серны, кабаны, лисицы, выдры, куницы, рыси, норки, барсуки, зайцы, редко россомахи. Оленей немного. Бобров меньше, чем было раньше.

В 70-х годах XX века я вместе с матерью, отчимом Василием Парфеновичем Красиковым и семьёй младшей сестры Надежды Васильевны Кирилловой на мотоциклах проехал по тем местам. Помню, что в д. Смоляги смогли найти только фундаменты. Сёстры плакали, затем мы поехали в гости к нашему родственнику Красикову Якову Ермолаевичу, который с женой как раз жил в заброшенной деревушке Лонница среди обширного болота. Он является сыном родной сестры бабушки Красикова Василия Сисоевича – Минодоры Сисоевны. Яков Ермолаевич водил нас по заболоченному лесу в ягоды и грибы. Отдельные части лесных дорожек были намощены специальными досками-слигами, по которым можно было пройти по топким местам.

Когда матери исполнилось 7 лет, родителей сослали в восточную Сибирь. Ей пришлось четыре года скитаться по родственникам и другим людям. Такая же участь постигла и её двух сестёр. 30-е годы прошлого века были трудными, голодными. Поэтому появление лишнего рта даже у родственников не вызывало большой радости. Надо было физически отрабатывать.

Сначала она жила у дяди Парфения в д. Смоляги. Потом, видимо, дядя почувствовал опасную обстановку и уехал с семьёй в г. Гатчино. Мать передали родственникам её матери Анны Купреевны в имение

Фёдоровка Городокского уезда. Там ей было хорошо. Но через год арестовали обоих дядей Василиев. Один из них был арестован в 1932 году и выслан с семьёй в Казахстан. Другой, Василий Куприянович, предположительно, сослан на строительство Беломорканала, где и умер.

После этого мать взяла к себе тётя Мария Купреевна в д. Ситенец Полоцкого района, где она прожила более года. К этому времени у Марии Купреевны уже умер муж, и она жила с примаком из соседней деревни. Он любил вкусно поесть, а детям оставалось постное. Мать вспоминала, что иногда она встречалась со своей старшей сестрой Анной, которая в это время тоже жила у родственников в д. Козьи Горки. Чтобы встретиться, Анне нужно было одной пройти приличное расстояние по лесу до перекрёстка дорог в д. Юровичах, куда приходила из Ситенца Евдокия. Они обнимались, плакали, но были счастливы, что снова вместе. Места тогда там были намного глуше, чем теперь. Поэтому они не без основания больше всего боялись волков.

После Ситенца мать передали в Полоцк, где она нянчила восьмимесячную девочку. Затем жила в Гомерне возле Полоцка. Потом снова голодный Ситенец. И, наконец, д. Коповище, где её забрала мать Анна Купреевна, возвратившаяся из ссылки.

После того как вся семья Красикова Василия Сисоевича была в полном сборе, они отправились на жительство в г. Гатчино к его родному брату Парфению. Через некоторое время в виду сложившихся обстоятельств они были вынуждены вернуться в Витебск и поселились в частном доме по улице 2-й Пригородной. В Витебске мать училась в 8-й средней школе по ул. К. Маркса. Учёба ей давалась легко, так как она обладала математическим складом ума и хорошей памятью. До начала Великой Отечественной войны она успела закончить два или три курса финансово-экономического техникума (**фото 29**).

Вскоре после начала войны над Витебском стали летать немецкие самолёты и бомбить. Их семья решила покинуть город и отправилась пешком к посёлку Должа, где неподалёку находилась деревня Шилы рядом с озером Сосна. Там жила их родственница Татьяна Шнипова, которая после войны переехала жить в пригород Вильнюса – Повильнюс.

Со стороны пос. Должа они видели постоянное зарево над Витебском и оттуда по ветру летели какие-то бланки, этикетки, другие обгоревшие бумаги. Побыв там некоторое время и почувствовав себя, видимо, неуверенно, они снова вернулись в город.

В Витебске стали хозяйничать фашисты. Появились комендатура, управа, виселица около городской ратуши, концлагеря.

Я как-то спросил у матери, что ей запомнилось о концлагере «5-й полк», так как условно они жили совсем недалеко. Она ответила: «Днём и ночью над лагерем стоял людской гул, который, наверно, включал и мольбы о помощи, и негодование, и беспомощность и др.».

В её классе училась красивая девушка Алла. Она была еврейкой. Вскоре её арестовали и поместили в концлагерь. Сначала обстановка в концлагере была полегче, и желающие могли что-нибудь передать. Мать со сверстниками навещала Аллу. Затем она исчезла. Видимо, была расстреляна.

Мать вспомнила, что их школьный учитель немецкого языка стал редактором оккупационной газеты и через некоторое время был убит подпольщиками возле своего дома.

Семья Красиковых проживала в железнодорожном районе недалеко от вокзала и Юрьевой Горки. Там в основном жили старообрядцы. На станцию прибывало много составов, в том числе, с трофейными вещами, награбленными в советских магазинах, складах. Местные жители иногда пробирались к поездам и пытались что-нибудь добыть. Особенно были актуальны продукты из немецких товарных вагонов из Германии.

Однажды несколько девчонок и мать решили разжиться некоторой галантереей: зеркальца, расчёски, гребешки и прочая мелочь. Они залезли в такой вагон. Вдруг по ступенькам поднялся эсэсовец с автоматом и что-то прокричал. Все девушки оцепенели от страха. Эсэсовец начал пробовать задвигать тяжёлую дверь товарного вагона. В голове у матери промелькнула мысль, что это неминуемая гибель, так как немцы за добро вермахта, если даже оно плёвое, вешали или расстреливали. Евдокия мгновенно подскочила к немцу и со всей силой толкнула его в грудь. Он не удержался на ступеньке и упал плашмя с довольно большой высоты, ударившись головой и потеряв, видимо, сознание. Девчонки быстро убрались со станции. Вслед им неслись гортанные крики и выстрелы. Здесь однозначно сработали находчивость и смелость матери, спасшие им жизнь.

Осенью 1992 года мне предложили поехать на научную конференцию в Германию. Я работал проректором по научной работе Витебского педагогического института имени С.М. Кирова. К этому времени уже произошли распад СССР и крушение коммунистической партии. Беларусь стала независимым государством. Конференция посвящалась проблемам малых вузов, и на неё приглашались, как правило, ректора. Но тогдашний ректор Виктор Никонович Виноградов поручил мне представлять наш вуз. Я начал готовить выступление.

Как-то вечером я заехал проведать мать Евдокию Васильевну и рассказал ей о предстоящей поездке. Она спросила, в какое место в Германии я еду. Я сказал, что это город Vechta (Фехта) на северо-западе Германии, недалеко от границы с Голландией, и что он находится между городами Ольденбург и Оснабрюк. Мать заплакала и воскликнула: «Да, я там во время войны была рядом, в г. Квакенбрюке, в лагере для остарбайтеров».

Во время командировки в Германию я сказал немцам-коллегам в частной беседе, что моя мать во время войны была в Квакенбрюке. Они несколько потупили головы и предложили организовать туда поездку. Это около 30 километров от Фехты. Но я отказался.

В марте 1943 года население Витебска в значительной части было принудительно вывезено на работу в Германию и Австрию. Вывезли и всю семью матери.

В лагерях в Квакенбрюке были люди разных национальностей: русские, белорусы, украинцы, поляки, французы, итальянцы. Мать определили работать на железную дорогу. Она должна была загружать гражданские грузы и сопровождать их между местными станциями.

Немцы относились по-разному. Например, машинист их поезда зачастую старался незаметно угостить мать бутербродами, которые ему готовила жена. При этом мать всю жизнь удивлялась тонкости ломтиков нарезанного сыра и колбасы, которые в буквальном смысле просвечивались.

Когда их вели на работу, то в них часто дети и подростки бросали камни и кричали «русские свиньи». Особенно матери досаждала одна рыжеволосая девчонка с большой косой. И мать сказала себе, что дождётся дня, чтобы основательно подергать её за косу. Этот день настал, когда невольников освободили англичане. Мать тогда была миниатюрная, хрупкая и красивая. Но обида заставила её поймать рыжеволосую и намотать её косу на руку. Та подняла большой крик. Тут же подошёл английский офицер и прочёл матери нотацию о необходимости соблюдать терпимость.

Мать вспоминала, что самым страшным в Германии для неё и других остарбайтеров были бомбёжки союзников. Днём обычно бомбили американцы, ночью – англичане. Это были ковровые, то есть сплошные бомбёжки. Особое внимание союзники уделяли железнодорожным коммуникациям немцев. К утру, как правило, рельсы задирались в небо, а к вечеру пленные их восстанавливали и вновь шли поезда. Поезд матери неоднократно подвергался бомбёжке и горел. Поезд останавливался. Немцы бежали в бомбоубежища, а остарбайтеры в придорожные канавы и поле. Мать вспоминает, как она лежала на земле и смотрела в ночное небо, а там десятки, а то и сотни самолётов заходили в круг и беспрерывно сбрасывали бомбы. Отбомбившиеся самолёты тут же в круге заменяли другие. Всё небо было в мечущихся прожекторах, которые пытались схватить самолёты в перекрестье. Бомбы неслись к земле с душераздирающим воем, и кажется, что каждая летит прямо на неё. Однажды ногу матери обожгла пуля крупнокалиберного пулемёта из самолёта. Она удачно прошла через брюки, не задев ногу. Трудно представить последствия, если бы такая крупная пуля задела тело.

В последнее время появляются редкие художественные фильмы о трудовых невольниках в Германии и Австрии. Но в целом тема остаётся мало исследованной в социально-психологическом отношении. Лучшие годы жизни, ярчайшие эмоции и чувства молодых людей, их мечты и устремления безжалостно растворялись в неумолимом конвейере войны.

В один из дней в пути их поезд в очередной раз разбомбили, и мать вынуждена была добираться до своей станции на пассажирском поезде. Как я уже отмечал, мать была красива и в силу своих способностей хорошо усвоила разговорный немецкий язык. На неё обратил внимание какой-то довольно высокопоставленный немецкий офицер. Ему понравилась красивая аккуратная немецкая девушка. Он с ней заговорил и спросил, из какой местности Германии она родом. Она ответила, что русская. Немец долгое время не мог поверить и, наконец, позвал своего денщика-украинца и приказал ему поговорить с девушкой. Мать сразу ему сказала: «Здоров, Иван». Тот подтвердил офицеру, что она русская и немца постигли разочарование и изумление.

После того как они были освобождены англичанами 11 апреля 1945 года их передали американским союзникам. И те и другие предлагали восточным остарбайтерам переехать на жительство в другую страну: Новую Зеландию, Канаду или по выбору в любую. Некоторые соглашались. Но наши Красиковы твёрдо решили ехать домой. Союзники хорошо кормили остарбайтеров, давали одежду и одеяла. Затем их погрузили с помощью солдат-негров на студебекеры и передали советским войскам.

По возвращении на Родину не всегда бывшие остарбайтеры находили понимание и поддержку местных властей. Например, мать устроилась на работу в центральную сберкасса, так как она окончила несколько курсов финансово-экономического техникума. Но вскоре её вызвал начальник и предложил уволиться без объяснения причины.

Позже Евдокия Васильевна устроилась на работу на швейную фабрику «Знамя индустриализации» в бухгалтерию, в расчётный отдел седьмого цеха. Там она проработала вплоть до выхода на пенсию. За добросовестный труд была награждена медалью «За трудовые заслуги».

Вскоре после войны Евдокия Васильевна вышла замуж за старовера, уроженца г. Витебска Сухарева Александра Максимовича, который по профессии был шофёром. Александр Максимович являлся участником Великой Отечественной войны. В 1952 году 19 июня родился я, то есть Сухарев Андрей Александрович. Через шесть лет родители развелись. Александр Максимович уехал на Колыму и там около 15 лет работал шофёром. Он снова женился, но детей у него больше не было.

Я остался с матерью и дедушкой Красиковым Василием Сисоевичем и бабушкой Красиковой Анной Купреевной. Мать снова перешла на свою девичью фамилию – Красикова. Спустя год она стала жить в гражданском браке с Красавиным Василием Парфеновичем, который был родом из староверской деревни Должица Чашникского района. Василий Парфенович был участником войны и имел боевые награды, в частности, «Орден Отечественной войны», медали «За освобождение Будапешта», «За освобождение Праги» и др. В.П. Красавин большую часть жизни проработал на станкоинструментальном заводе имени Комин-

терна слесарем-сборщиком. Был охотником, любил ездить в грибы и ягоды. Похоронен на кладбище в д. Должица.

Все три сестры со своими семьями компактно проживали недалеко друг от друга в районе ул. Титова за Полоцким рынком. Мать, бабушка, отчим и я жили в доме по ул. Виноградовой, 45 (фото 30).

Сёстры были очень дружны и всегда помогали друг другу (фото 31).

Все основные праздники отмечали вместе, как они говорили, в складчину, в одном из трёх домов. На этих торжествах всегда присутствовали и четыре двоюродных брата: Юрий, Сергей, Владимир и я.

Наиболее близкими нашими друзьями были Георгий и Екатерина Ладыжинские, Григорий Ефимович и Феня Козлянские, Фотий Дмитриевич Гуков, а также семьи родных братьев Савелия Илларионовича Кириллова – Павла и Марка.

Евдокия Васильевна и её младшая сестра Надежда Васильевна были очень грамотны в религиозном отношении. Они хорошо изучили старообрядческую церковную литературу, в совершенстве владели старинным византийским пением (по крюкам). Практически по грамотности им не было равных в Витебской старообрядческой общине. Они долгие годы после выхода на пенсию служили в Витебском старообрядческом храме (фото 32).

Однажды мать позвали соседи в баню. Стояла ранняя весна. Она зашла после бани к ним в дом поблагодарить. Обратившись к хозяйке, её почему-то не провели. Крыльцо было высокое и стояла темень. Она перепутала направление и упала почти вертикально вниз головой. Мне позвонил отчим, и я быстро приехал на ул. Виноградовой. Мать кричала от боли. Вызвали скорую. Врач предположила, что у матери перелом шейных позвонков. Худшее трудно придумать. Мы погрузили её на носилки и занесли в скорую помощь.

Всю дорогу до больницы мать крепко держала мою руку, а я максимально сконцентрировался и страстно обратился к Богу. Когда приехали в больницу, то вначале медперсонал тоже был настроен на аналогичный диагноз. Но когда сделали снимки и поработал невропатолог, диагноз не подтвердился. Просто от удара произошло некоторое смещение соляных возрастных отложений. На следующий день её выписали. Хотя болезненное состояние продолжалось еще долго.

Всю жизнь мать мечтала о быстрой смерти, «без лежания в больницах и на своих ногах». Такую возможность ей Бог предоставил.

2 июня 2008 года ей стало плохо. Она поднялась с кровати за лекарством и тут же замертво упала. Дома в это время был отчим Василий Парфенович Красавин. Отпевание и похороны Евдокии Васильевны были проведены по старообрядческим традициям. Она похоронена в одной ограде с отцом Василием Сисоевичем, матерью Анной Купреевной и младшей сестрой Надеждой Васильевной на старообрядческом кладбище в Витебске.

ГЛАВА 2

ВИТЕБСК – СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА

2.1. Война и Витебск (некоторые страницы истории)

Время – самый объективный историк.

А. Сухарев

В данном разделе не ставилась задача подробно раскрыть обстановку и действия на Витебщине в годы войны. Существует много документов, воспоминаний ветеранов, созданы книги. В частности, заслуживает внимания книга «Память. Витебск: в 2 кн.» (Минск, 2002) [1]. Она написана при непосредственном участии известного военного журналиста, редактора Матеюна Артура Иосифовича.

На Витебщину в начале войны была нацелена 3-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гота в составе группы армий «Центр». Немецкие войска прошли болота у Себежа и 8 июля достигли Двины. Город Витебск был взят 7-й танковой дивизией.

Невольно начинаешь вспоминать историю, когда в давние времена немцы, тогдашние тевтонцы стремились овладеть Полоцком, контролировать важнейшую северо-восточную водную артерию Европы – Двину. Сравнивая отдельные действия тевтонцев, находишь много общего с действиями фашистов. Например, и в древности, и в Великую Отечественную войну, встретив серьёзный отпор, немецкие войска могли впереди себя заставить идти на огонь мирное население.

Можно понять азарт воина, можно представить неминуемую жестокость войны, но нельзя согласиться с мыслями, например, Ганса Бельтера (танкового аса Гитлера) и ему подобных, которые с полным знанием дела и серьёзностью обосновывают необходимость удерживать Ленинград в блокаде. При этом они прекрасно понимали, что там, в основном, погибают от голода и холода мирные жители. Также самые престижные фашистские награды исходят из Тевтонского ордена: Рыцарский крест Железного креста, Золотой Германский крест, Рыцарский крест Железного креста с Дубовыми Листьями.

Германский порядок в оккупированном Витебске фашисты начали устанавливать с создания пяти крупных лагерей смерти. В этом тоже прослеживается тевтонский почерк.

Самый крупный лагерь для военнопленных был создан в 1941 году на территории бывшего 5-го железнодорожного полка (ныне конец

ул. Титова). В 1941 году в нём находилось до 40 тысяч военнопленных и часть гражданского населения. Скудный рацион состоял из 100–150 г несъедобного «хлеба», «супа» из бураков и отбросов. Позже стало ещё хуже. К 1943 году почти все были уничтожены.

В годы войны у гражданского населения в оккупации был совсем небольшой спектр выбора. И сделать правильный выбор даже из малого было не просто. Сложно было предвидеть последствия того или иного шага. Когда начиная с марта 1943 года оккупанты стали вывозить людей на принудительные работы в Германию и Австрию, многие под различными предложениями старались не поехать: придумывали болезни, прятались. Позже фашисты стали проводить в городе массовые облавы и в течение 1943 года поместили в «Лагерь смерти “5-й полк”» до 20 тысяч жителей, а в феврале-мае 1944 года почти всё оставшееся население города. Всего в этом лагере погибло около 100 тысяч человек.

Эти действия гитлеровцев говорят о том, что Витебску немецкое командование отводило особую стратегическую роль как укрепрайону в общей линии фронта от Ленинграда до Чёрного моря. Поэтому они проводили в Витебске тактику выжженной земли, почти полное истребление местного населения.

По рассказам местных жителей, в начальный период «Лагерь смерти “5-й полк”» охранялся не очень жёстко, было достаточно прозрачное ограждение из колючей проволоки. Поэтому местные подростки незаметно приносили пленным красноармейцам гражданскую одежду и ночью выводили их на волю. Следует отметить здесь такой психологический парадокс, что некоторые пленные не соглашались бежать и предпочитали покорно ждать своей участи.

Елизавета Максимовна Сухарева вспоминает: «Однажды мы, молодёжь, пошли в церковь, расположенную на территории старообрядческого кладбища. Внезапно церковь окружили немецкие солдаты и полицаи. Молодёжь построили отдельно и погнали к концлагерю чистить траншеи от снега. Меня обуял страх, так как я понимала, что мы можем навсегда остаться в концлагере. Вдруг я увидела, что идёт мой отец Максим Трифонович в добротном полушубке с мешочком продуктов. Он подходит ко мне и говорит: “Мы сейчас с тобой как будто ни в чём не бывало потихоньку будем уходить”. Он старался быть весёлым, разговаривал со мной, и мы благополучно пришли домой».

Чуть позже все вольности, связанные с «Лагерем смерти “5-й полк”», были жёстко пресечены. Да и сами немцы уже стали злее из-за серьёзных неудач на Восточном фронте. Весь концлагерь был обнесён колючей проволокой в 4 ряда. Также колючей проволокой был огорожен каждый барак.

В мае 1944 года гитлеровцы вывезли почти всех узников на автомобилях на железнодорожную станцию. В «Лагере смерти “5-й полк”»

осталось несколько десятков человек. В глухих товарных вагонах узников довели до разъезда Лычковского, недалеко от г.п. Богушевска. Здесь у них отняли все вещи и погнали пешком в направлении Крынок. Неподалёку от деревни Марьяново в глухом лесу, огороженном колючей проволокой, их ждали новые испытания. Люди стали строить шалаши. Многих немцы расстреляли, особенно мужчин. Фронт был рядом. Люди даже слышали издали советское радио. В последние годы войны немцы безбожно ввели, обманывая и мирное население, и узников лагерей. Вот и здесь немцы через громкоговоритель объявили: «Приглашаем записываться в рабочий батальон». Всех, кто вышел, в ту же ночь расстреляли в овраге.

За месяц до освобождения фашисты отобрали около 120 парней для минирования территории вокруг лагеря. Оставшихся в лагере людей гитлеровцы предполагали, наверно, использовать в качестве «живого щита» перед наступающими советскими войсками. В один из вечеров, вспоминает узник, в соседний шалаш быстро заскочил парень из числа «минёров». Запыхавшись, он рассказал, что всех молодых людей, которые принимали участие в минировании, немцы заставили себе копать могилы и расстреляли. Могилы слегка присыпали землёй. Парню чудом удалось бежать и он попросил убежища.

Но хозяйка шалаша сказала, что у неё двое маленьких детей и если его обнаружат, то всех убьют. Смекалистая женщина посоветовала ему залезть на одну из высоких сосен и спрятаться в кроне, что тот и сделал. Благо, надвигались сумерки. Через короткое время подбежали взмысленные охранники и тщательно обыскали шалаши, но беглеца не нашли.

Перед самым освобождением узникам дали отравленный хлеб. Люди корчились от боли и умирали. Ночью фашисты бесшумно покинули лагерь. Утром в лесу начали рваться снаряды, слышались крики, от взрывов падали деревья. Люди побежали на свободу. Многие сразу подорвались на минах. Тогда спасшийся парень – «минёр» – построил всех в колонну и стал выводить через известный ему проход в минном поле. Вскоре навстречу им вышло подразделение советских дивизионных разведчиков.

В посёлке Лучоса («Архиерейская дача») на левом берегу реки Лучоса в 1941 году был создан лагерь для командиров и политработников Красной Армии, армейских и партизанских разведчиков. В этом лагере были самые жестокие условия содержания. Пленникам почти не давали пищи. От голода люди объели всю кору, листья на деревьях и траву. Воды тоже не хватало. Хотя совсем рядом течёт река Лучоса. Почти ежедневно заключённых расстреливали.

Очевидцем нечеловеческих условий содержания офицеров стал Фёдор Викентьевич Герасимов. Во время войны он был подростком, жил недалеко от лагеря и хорошо знал местность. Фёдор рассказал мне, что

ему удавалось несколько раз выводить ночью небольшие группы пленных до 5 человек на свободу. Этому способствовал факт визуального знакомства с фашистскими охранниками. Мальчишки часто крутились возле лагеря. Группы пленных он вёл по берегу Лучосы вниз по течению до впадения её в Двину. Далее он направлял узников по берегу Двины вниз по течению в направлении Марковщины. Это были верные действия. По обычной логике бежать, казалось бы, надо было вверх по течению Лучосы, попадая сразу за пределы города. Но Фёдор хорошо знал, что там за городом базировался сильный укреплённый гарнизон, с системой дотов и дзотов. Этот район очень хорошо охранялся. И сегодня там легко обнаружить остатки блиндажей на развилках лесных дорог, следы бывших постов.

С Фёдором Викентьевичем Герасимовым я познакомился случайно где-то в 1998 году на берегу Лучосы. Он был гораздо старше меня, но отличался исключительной энергичностью и активностью. Он был старовером и хорошо знал моего дедушку Красикова Василия Сисоевича. Фёдор рассказал, что дедушка, будучи священником, освящал его большой добротный дом по улице Шмырёва. Воду Фёдор всегда брал из родника, вытекающего из-под большого камня на берегу Лучосы.

Погиб Фёдор Викентьевич в 2006 году. Будучи человеком рачительным и хозяйственным, он раздобыл где-то списанный паркет и протопил им баню. После первой же подачи водой на раскалённые камни ядовитый пар убил его. Судьба. Царство небесное прекрасному человеку.

В настоящее время на месте бывшего концлагеря в Лучосе установлен памятный знак при личном участии Здесева Михаила Владимировича. Он являлся директором школы-интерната для слабослышащих детей, которая расположена в непосредственной близости от бывшего лагеря. Михаил Владимирович Здесев долгие годы проработал в комсомольских и партийных органах Витебска и сделал много доброго для своего родного города и его жителей.

В 70-е годы доктор педагогических наук, профессор Леонид Дмитриевич Чернышенко воспроизвёл одну историю по рассказам местных жителей Лучосы. В лесу в районе детских лагерей «Колос» и «Буревестник», расположенных на берегу Лучосы, есть сосна, в которую вбиты большие немецкие гвозди. Во время войны на задание летел самолёт с советскими десантниками, но под Витебском самолёт был подбит и стал терять высоту. Десантники стали покидать самолёт на парашютах. Но рядом был сильный немецкий гарнизон. Немцы тут же подъехали и открыли огонь по парашютистам ещё в небе. Приземлившиеся уцелевшие воины организовали круговую оборону и героически сражались. Но силы были не равны. После боя фашисты подобрали тяжелораненых бойцов и повесили их на гвоздях-штырях на сосне.

Итак, южная часть Витебска была сильно укреплена немцами. И в

наше время в районе д. Бороники сохранилось не менее 6 дзотов. В лесу между д. Бороники и посёлком Сосновка множество траншей и остатков хорошо оборудованных блиндажей со сложной системой ходов. Я часто на велосипеде езжу в данной местности и до сих пор встречаю горки гильз от оружия, неразорвавшиеся мины. Хотя всё это постепенно исчезает не без помощи «чёрных копателей».

В лесу возле Сосновки находится немецкое кладбище. Там одному молодому немцу, погибшему зимой 1943 года, был установлен памятник. Однако в 2007 году я обнаружил, что памятник повержен, а надпись полностью разбита. Видимо, у кого-то не выдержали нервы. Через некоторое время на этом месте был прочно установлен просто памятный знак. Позже и он был снесён.

В посёлке Сосновка долгое время размещался штаб 3-й танковой армии фашистов, его разведывательные и контрразведывательные отделы и службы, в соседних деревнях – разведывательно-шпионские школы, окрестности кишели провокаторами. Как там можно было выжить людям? Несмотря на это партизаны из отряда «Алексей» смогли увести у начальника штаба две его любимых породистых лошади.

Рядом с посёлком Сосновка находится д. Городняны. Там с весны до осени 1943 года размещалась и зверствовала группа тайной полевой полиции ГФП-703. Неподалёку от Городнян были расстреляны около 70 витебских подпольщиков.

Большой удар по витебскому подполью был нанесён, когда фашисты создали бригаду «Ловцы партизан». В бригаду вошли предатели. Под видом бойцов Красной Армии, вышедших из окружения, они постепенно внедрялись в ряды подпольщиков.

В июле 1943 года возле деревни Низкие в Витебском районе появился новый «партизанский отряд» численностью 120 человек. Он сразу вызвал подозрение у других партизанских отрядов. Разведка доложила, что у всех «партизан» было однородное оружие советского образца. Партизанам удалось связаться с одним из членов того отряда, бывшим военнопленным Гилякосом. Он рассказал, что данный отряд был создан фашистской разведкой в Смоленске в основном из предателей, бандитов и тех, которых силой заставили служить. Командовал лжеотрядом гестаповец Киршфельд. Партизаны прозвали этот отряд «Троянский конь». Позже отряд был окружён и сдался. Многие его участники перешли на сторону партизан и стали мужественно сражаться с общим врагом.

Большинство немцев вело себя в городе нагло и развязно. В городской родильный дом как-то ночью ворвались фашисты и стали выгонять женщин на улицу. Новорождённых погрузили в грязный грузовик и отправили в какой-то сарай. Одна из женщин скромно посетовала, что теперь можно не узнать, где чей ребёнок. На это немецкий офицер в цинич-

ной форме заявил по-русски: «Какая разница, где Иванов, а где Петров!».

Гражданскому населению запрещалось менять место жительства без специального разрешения, выходить на улицу, когда стемнеет, принимать на жительство лиц не из местного населения, подходить к железнодорожному полотну на расстояние ближе 100 метров.

В деревнях в Витебском районе молодых девчонок многие матери безжалостно обжигали крапивой, выдавая это немцам и полицаям за тиф, так как молодёжь немцы гоняли на строительство оборонительных сооружений и другие работы. При этом не было гарантировано, что молодых людей после работ не поместят в концлагерь.

Гитлеровцы обложили население непосильными налогами – денежными и продовольственными. Единых норм не существовало. Всё зависело от местных властей и военных. Например, в Витебском районе план хлебосдачи в три раза превышал довоенный. В 1943 году был введён «военный налог». Согласно ему каждый крестьянин должен был сдать по 400 литров молока от коровы, 50 кг мяса, 750 грамм шерсти с овечки (включая ягнят), 4 кг мяса птицы с хозяйства, 200 яиц (независимо от наличия кур), по 2–5 кг мёда с каждого улья и т.д. В 1942 году в Витебске был введён налог на собак: по 100 рублей за каждую.

За счёт налогов содержались административный аппарат управ, полиция, старосты. Они имели паёк: 5 пудов хлеба, 10–15 пудов картофеля каждый месяц.

Безусловно, и среди немецких солдат находились отдельные благородные люди. Например, Пауль Кёрнер-Шрадер – антифашист. Он всей душой ненавидел Гитлера и фашистскую идеологию. Шрадер служил унтер-офицером в эвакогоспитале, полевая почта № 01621. Госпиталь размещался на базе большой «Сталинской» школы возле Полоцкого базара. Ныне это средняя школа № 27. «Сталинской» школа называлась потому, что по указанию Сталина перед войной стали строить большие школы с просторными бомбоубежищами, в которых в случае войны могли размещаться военные госпитали.

В немецкий эвакогоспиталь обычно поступали тяжелораненые, которые после первичного лечения обычно отправлялись в глубокий тыл в Прибалтику или Германию. Раненых привозили вместе с их личным оружием, которым, как правило, было уже не до него. Рискуя жизнью, Шрадер передавал часть оружия партизанам. Особенно они нуждались в пистолетах. Также он много передал медикаментов и километры телефонного провода. Шрадер не мог понять, зачем партизанам столько провода. Оказывается, партизаны с помощью его смогли подключиться к сетям связи управления витебского гарнизона. И поэтому они всегда точно знали, когда и какие важные грузы для Восточного фронта прибывают в Витебск и другие железнодорожные узлы. Эти сведения передавались советскому командованию. И к изумлению немцев самолёты с

красными звёздами на крыльях с большой точностью по времени и территориально наносили бомбовые удары. В то же время Шрадер был человеком аккуратным и осторожным. Он старался максимально полно и точно составлять акты на ту часть оружия, которую официально сдавал в комендатуру города. Это спасло ему жизнь. За оружием от комендатуры приходил всегда один и тот же унтер-офицер. Он всегда был на подпитии. Немец укладывал винтовки и карабины на санки и накрывал их мешковиной. При этом активно стремился войти в личный контакт со Шрадером. Но Шрадер ему не доверял. Позже Шрадер узнал, что тот немец оружие продавал партизанам. Через некоторое время Гестапо пронюхало про деятельность немца из комендатуры. Его повесили. На допрос вызывали и Шрадера. Он достойно ответил на вопросы и свои ответы аргументированно подтвердил своевременными оформленными документами. От него отстали. Именем Шрадера названа улица в Витебске.

Население Витебска голодало. В августе 1942 года количество жителей уменьшилось до 33508 человек из 180 тысяч человек до войны. В городе не было магазинов и столовых. На весь город работало всего 29 врачей.

Поэтому то, что наши люди стремились при возможности почистить немецкие вагоны с продовольствием, не вызывает никакого протеста. Тем более, что сами немцы всегда норовили обобрать местное население, а иногда и собственное государство. Например, такой факт описан в книге Франца Куровски «Танковые асы Гитлера». Немецкие танкисты, передислоцирующиеся железнодорожным транспортом с «мягкого» Западного фронта на харьковское направление, открыли один из опечатанных вагонов, охранявшихся эсэсовцами. В нём они обнаружили элитные продукты, предназначавшиеся, наверно, для генералитета. Они спокойно взяли себе пару мешков кофе, коньяка и других продуктов. Участвовал в этом деле и известнейший танковый ас рейха Курт Книспель.

Каждая семья в оккупированном городе решала самостоятельно вопросы выживания и пропитания.

Ловкие подростки с района Юрьевой Горки неоднократно рисковали жизнью, залезая в гитлеровские вагоны. Благо, на вагонах у немцев всегда были обозначения типа груза: боеприпасы, продовольствие и т.д. Александр Максимович Сухарев в ту пору, будучи несовершеннолетним, работал на железной дороге сцепщиком. Это облегчало доступ к вагонам. За работу давали всего 300 г хлеба на сутки. Он вспоминает, что однажды сильно повезло и он прикатил на Юрьеву Горку два бочонка сливочного масла по 40–50 кг. Как-то его мать жарила блинчики и положила немного сливочного масла, не увидев, что за спиной стоит немец, который был снят с фронта для отдыха и находился на постое в их доме. Он схватил сковороду, всё мгновенно съел и стал пристально допытываться

про масло. Но, к счастью, немчуру вскоре отправили на фронт.

Действительно, к 1943 году оккупанты стали довольно голодными. Видимо, сказались диверсии партизан на железных дорогах, да и в целом ситуация в Германии стала ухудшаться. Жители деревни Лядище Витебского района рассказывали, что немцы, зайдя в хату, сразу бросались к печи и хватали из неё ещё полусырой недопеченный хлеб. В этой местности женщины соль прятали в мешочках под юбкой, чтобы прокормить детей.

В другой раз ребята успешно таким же образом раздобыли продукты, среди них был друг Сани, который жил на Песковатике. Он сразу решил нести продукты домой. Александр Максимович его отговаривал, но тот сказал, что семья голодает, и ушёл с продуктами. На Кировском мосту его остановили полицейские, обыскали и задержали, а на следующий день повесили около Ратуши.

В один из дней местные ребята взяли из вагонов много шоколада. Он разошёлся по рукам. Некоторые жители бездумно стали им подторговывать. Это дошло до Гестапо и жандармерии. Они жёстко взялись за поимку людей с шоколадом. Например, многие жители из слободы, которая находилась между Ленинградским (тогда Городокским) шоссе и Двиной, были уничтожены. Отец Александра Максим Трифионович, когда увидел в доме шоколад, очень рассердился. Он частично разобрал русскую печь и замуровал туда полмешка шоколада, а печь снова побелил.

Позже гитлеровцы значительно усилили охрану железнодорожных составов.

Не всегда люди во время войны проявляли должную осторожность и предусмотрительность. Можно привести пример директора «очковой» фабрики. Фабрика располагалась на месте нынешнего завода электроизмерительных приборов. Директор был вдовцом и один воспитывал троих детей. Так как он был партийным и относительно заметной личностью в городе, директор решил податься в партизаны. С этой целью он взял детей и отправился в район д. Старое Село. В партизаны его не приняли, так как он привёл и детей. Тогда он пошёл обратно в Витебск. На входе в город его обыскали полицейские и обнаружили в кармане партийный билет. Его повели через весь город в гестапо. Путь пролегал, в частности, через развалины вокзала, где можно было попробовать использовать последний шанс — бежать. Местные подростки, наблюдавшие из развалин, готовы были поддержать такую попытку. Но её не последовало. На следующий день директор был казнён.

Следует заметить, что в начальный период многие партизанские отряды создавались на основе «своих» местных людей. К пришлым относились с определенным недоверием и давали им более опасные задания.

Можно привести ещё один пример беспечности. В Россонском рай-

оне Витебской области недалеко от д. Прудка стоит небольшой памятник из камня со звездой двум погибшим лётчикам. Их самолёт был подбит. Но лётчики благополучно спустились на парашютах. Они стали пробираться на восток, к своим. Места там достаточно лесные, глухие. Они шли прямо по дороге Полоцк–Краснополье, не предприняв осторожности следовать по краю леса. Из-за поворота бесшумно выехали немецкие велосипедисты с автоматами. Открыли огонь. Лётчики погибли.

Первая попытка освободить Витебск была предпринята 249-й стрелковой дивизией 1–7 февраля 1942 года. Это наступление было организовано в контексте разгрома фашистских войск под Москвой и ставило цель отрезать немцев от Смоленска по линии Великие Луки–Витебск–Орша. Советская 249-я стрелковая дивизия смогла захватить посёлок Лужесно. До Витебска оставалось 4 км. Но немцы подтянули подкрепление, непрерывно бомбили. К тому же не удалось овладеть посёлком Сураж.

Было принято решение прекратить наступление, но достигнут положительный результат: образовались Витебские (Суражские) ворота шириною 40 км на стыке фашистских групп армий «Север» и «Центр» между Велижем и Усвятами, или точнее от Тарасенок до Усвят. Ворота действовали с 10 февраля по 28 сентября 1942 года и сыграли важную роль в развитии партизанского движения.

Осенью 1943 года начались бои по освобождению восточных территорий Витебской области. 24 декабря 1943 года Москва салютовала войскам 11-й гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант К.Н. Галицкий), освободившим Городок. Однако уже на следующий день стало ясно, что предстоят жестокие кровопролитные бои. Наши войска стояли перед сильно укреплённым рубежом немцев, проходившим по линии Белодедово–Слобода–Боровка–разъезд Заручье–Шпаки. Это была внешняя полоса обороны Витебска, расположенная в 25 км от него и имевшая 2–3 линии траншей, проволочные заграждения и минные поля.

В 6–8 километрах южнее проходил второй рубеж от Завязья через Городище к озеру Лосвидо. Также был ещё и третий рубеж – по линии река Пестуница–Михали–озеро Сосна в 5–8 км от города.

После освобождения Городка войска без передышки продолжили наступление. Командование рассчитывало к 30–31 декабря сходу овладеть Витебском. В принципе, у командования не было выбора, так как в это время прибыла Директива ставки ВГК. Приводим её полностью.

Директива ставки ВГК № 30268.

Командующему войсками 1-го Прибалтийского фронта
на разгром витебской группировки противника

23 декабря 1943 года, 20 часов 10 минут

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 1-му Прибалтийскому фронту, продолжая энергичное наступление, главные усилия войск направить на разгром витебской группировки противника и не позднее 1 января 1944 года овладеть городом Витебск. В дальнейшем наступать главными силами фронта в общем направлении на Лепель и 4 уд. А – на Полоцк.
2. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 143.1.309.

11-я гвардейская армия наносила главный удар вдоль шоссе Городок–Витебск, на котором немецкое командование сосредоточило мощные оборонительные силы. К этому времени наши войска изрядно поредели после изнурительных боёв, устали. Они ещё дальше оторвались от тылового обеспечения и испытывали большую потребность в боеприпасах.

В 60–70-е годы излюбленным местом загородного отдыха витебчан являлось озеро Лосвидо. В 1971 году несколько неожиданно на его южном живописном берегу, вдалеке от шоссе, появился памятник советским воинам, погибшим при освобождении Витебщины. Памятник представляет собой скульптурный портрет воина на пьедестале и 19-метровую железобетонную стелу, на которой прикреплён гвардейский знак. После установки памятника в воздухе незримо витала какая-то недосказанность. Только спустя много лет стало понятным, почему такой масштабный памятник без конкретных фамилий погибших воинов был установлен в данном месте.

Известно, что гитлеровское командование обычно отличалось не только высокой педантичностью и изобретательностью, но и зачастую изощрённым коварством. Вот и здесь на озере Лосвидо фашисты устроили ужасную западню. С этой целью они отвели свои войска с северного берега озера Лосвидо, расположенного южнее шоссе. Наши послали разведку, немцы её не трогали. Вернувшись, армейская разведка доложила об отсутствии врага на этом участке. Генерал-лейтенант К.Н. Галицкий принял решение обойти его укреплённые позиции по льду озера на протяжении 8 километров. Для этого были выделены 11-я, 18-я гвардейские стрелковые дивизии и 235-й полк стрелковой дивизии. Подразделения трёх дивизий, двигаясь в колоннах, почти преодолели всё озеро. До южного берега оставалось несколько сот метров. За это время немцы незаметно подогнали из Витебска бронепоезд в район деревни Лучиновка, подготовили к артиллерийскому, миномётному и пулемётному огню другие подразделения. И когда первые колонны совет-

ских солдат практически стали подходить к берегу, начался шквальный огонь. От разрывов снарядов и мин на поверхности озера образовались большие участки с открытой водой. Почти вся группировка войск погибла. В живых осталось не более 30 человек.

На этом Городокская наступательная операция завершилась. Несмотря на тяжёлые потери, в ходе её советские войска освободили свыше 1220 населённых пунктов, взяли в плен 3,3 тысячи немецких солдат и офицеров.

В книге «Танковые асы Гитлера» Франц Куровски писал, что в декабре 1943 года советские войска предприняли попытку взять Витебск. Сводка Вермахта сообщала: «Тяжёлые бои в районе Невеля отодвигают на второй план прочие бои на Восточном фронте». В частности, советские войска активно наступали в районе Суража. Одновременно бои шли в районе д. Крынки Лиозненского района и юго-восточнее Витебска в районе шоссе Витебск–Орша.

В ноябре и декабре 1943 года советское командование Западного фронта несколько раз пыталось начать наступательные операции на витебском направлении под давлением Ставки Верховного Главнокомандующего. Однако результаты были незначительными. Только войска 33-й армии смогли ценой больших усилий пройти 12 км и перерезать шоссе Витебск–Орша.

В данный период у немцев без вести пропал известный командующий 501-м тяжёлым танковым батальоном (тигры) майор Лёве. Позже немцы большой мост через Западную Двину в районе Бешенковичей почему-то называли «Мост майора Лёве».

По мнению фашистского командования, район Витебска стал ареной самых жестоких боев на Восточном фронте. Фельдмаршал Буш, командарм группы армий «Центр», приказывал другим армиям своей группы оказать помощь находившейся под угрозой уничтожения 3-й танковой армии.

Современные немецкие исследователи пытаются опровергнуть утверждение, что в начале 1944 года солдаты Вермахта утратили веру в победу, и доказывают, что они ещё надеялись на перелом в пользу Германии. По крайней мере, по упорнейшему сопротивлению немцев под Витебском в декабре 1943 года – феврале 1944 года можно судить, что их боевой дух ещё был не сломлен.

Бои сопровождалась сильными морозами и метелями.

Немцы ещё раз называют Витебск ключевым стратегическим пунктом всего фронта, щитом Прибалтики. Генерал Рейнгардт в своём выступлении 7 января 1944 года в штабе 9-го армейского корпуса предложил: «Я считаю необходимым, чтобы 3-я танковая армия направила все усилия на удержание Витебска любой ценой. Для этого она должна иметь возможность сократить фронт в любой момент, когда ситуация

станет угрожающей».

Следующий этап битвы за Витебск начался 3 февраля 1944 года. Наши войска упорно атаковали фашистов на северо-западе от Витебска между озёрами Лосвидо и Зароновское.

В феврале-марте 1944 года особенно ожесточённые бои развернулись у берегов Лучосы на юге от Витебска возле деревень Перевоз, Волосово, Жуки. Только за одну ночь д. Волосово переходила из рук в руки 6 раз.

Местные жители вспоминали, что возле деревни Волосово перед поворотом на деревню Перевоз существовало огромное немецкое кладбище с берёзовыми крестами и касками. Крестьяне также рассказывали, что в этой местности на огородах в первый год после освобождения картошка выросла размером с арбузы. Так густо земля была пропитана кровью солдат.

Участник войны в составе 274-й дивизии Николай Васильевич Дубровский вспоминает (газета «Беларусь сегодня», 21 апреля 2009 года): «Такой выжженной и выбитой земли, как под Витебском, видеть нигде не приходилось. Ни одного дома целого. Всё сожжено, разрушено. Печные трубы из земли торчат, да чёрные спинки кроватей. Земля окопами да воронками до самого горизонта изрыта».

В то же время в феврале 1944 года Совинформбюро сообщало: «На Западном фронте без перемен, идут бои местного значения». Это не вяжется с поставленной задачей 33-й армии, которая в январе-феврале 1944 года должна была совместно с другими соединениями окружить и уничтожить витебскую группировку противника. В результате предпринятого наступления занято 19 квадратных километров, освобождено 10 населённых пунктов, в глубину обороны противника продвинулись на 3 км. Развить успех армия не смогла, не прорвала укрепления «Медвежьего вала».

Николай Васильевич с горечью отмечает, что на берегах Лучосы осталась лежать большая часть его дивизии, а цель так и не была достигнута. Он подсчитал, что за каждый отвоёванный 1 квадратный километр в среднем отдано 272 жизни. В конечном итоге его дивизия погрузилась в 6 эшелонов, в то время как до боёв на Лучосе ей бы потребовалось 25 эшелонов.

Соединения 33-й армии за два месяца потеряли убитыми 5175 человек, ранеными – 19993, пропали без вести – 169.

Бои под Лучосой не принесли ни наград, ни званий, ни трофеев.

Следует отметить, что плацдарм, захваченный около д. Волосово зимой 1943–1944 года 274-й стрелковой дивизией, удерживался до начала операции «Багратион».

Ветеран В.И. Селезнёв, подполковник в отставке, воевавший в составе 274-й стрелковой дивизии, вспоминает, что командование хотело

как можно быстрее доложить в Ставку о взятии города. Он приводит разговор командира дивизии с генералом Гордовым: «Товарищ командующий, Зазыбы взяли» – «А Витебск видно?». – «Нет». – «Так зачем тогда мне ваши Зазыбы, если Витебска не видно».

В.И. Селезнёв пишет, что во второй половине марта им в помощь на плацдарм прислали 36-ю особую панцирную стрелковую бригаду, которая прибыла из Туркмении. Они пошли в атаку на Волосово. Бойцы шли в полный рост, в 2–3 цепи. Впереди командир со своим штабом. Фашисты открыли огонь, но солдаты не падали, так как их защищали панцири. Тогда немцы подключили снайперов и ряды наступающих стали редеть. Перед самыми укреплениями почти вся бригада полегла. В.И. Селезнёв также отмечает, что когда он в 1980–1990 годах бывал на месте боёв около д. Мяклово, Волосово, Букштаны, Новинки, то сумел обнаружить останки мрачного блиндажа-ловушки. Этот блиндаж специально подготовили гитлеровцы, пристреляли его разрывными снарядами. Когда блиндаж заняла советская рота связи и группа офицеров штаба дивизии, немцы их накрыли огнём и все погибли.

В дивизии, в которой служил В.И. Селезнёв, говорили: «Кто выжил на Лучосе, тот в Берлин дойдёт». Так и было. Победу они отметили в Берлине.

Неоднозначное толкование различных сторон фронтовой действительности, её победных и трагических страниц, возможно, побудило маршала Советского Союза Г.К. Жукова незадолго до смерти в одном из своих интервью «Литературной газете» сказать: «...История Великой Отечественной войны абсолютно неправдоподобна... Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать...» [2, с. 5]. В этой связи следует отметить, что в последние годы Институтом истории Национальной академии наук Беларуси совместно с Научно-исследовательским институтом (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации было проведено новейшее фундаментальное исследование. Его результаты опубликованы в солидной монографии в 2014 году «Освобождение Беларуси (1943–1944)» [3].

В частности, учёные делают выводы, что с конца сентября 1943 по март 1944 года войска Калининского (1-го Прибалтийского), Западного и Центрального (Белорусского) фронтов освободили от оккупантов пятую часть территории Беларуси. Наряду с этим проведённые операции выявили большие потери и серьёзные организационные просчёты. Только на витебском направлении Западный фронт с января по 18 апреля 1944 года потерял 207981 человека, в том числе 41962 – безвозвратно. В числе главных причин неудач специалисты отмечают следующие:

– Ставка ВГК ставила перед войсками западного направления за-

дачи, не соответствующие их реальным возможностям;

- Советское Верховное Главнокомандование недооценило противника и не создало необходимого превосходства в силах и средствах;
- слабая авиационная и артиллерийская поддержка;
- шаблонное начало наступательных операций, которое хорошо изучило немецкое командование;
- отсутствие попыток ввести противника в заблуждение;
- слабая подготовленность прибывающего пополнения, с которым в войсках проводилась весьма поверхностная боевая подготовка.

К лету 1944 года на линии фронта образовался большой выступ, который глубоко вклинивался в расположение советских войск. Этот выступ был стратегически очень важным для немцев. Он позволял прикрывать подступы к Польше и Восточной Пруссии, сохранять устойчивое положение вермахта в Прибалтике и Западной Украине. Ключевыми пунктами выступа были Витебск, Могилёв, Бобруйск и Ковель. Также выступ давал возможность гитлеровцам поддерживать тесное взаимодействие между группами армий «Север», «Центр», «Северная Украина». Базовые аэродромы в выступе позволяли немецкой авиации осуществлять налёты вглубь советской обороны. Такое стратегическое расположение выступа естественно не устраивало советское главнокомандование.

23 июня 1944 года началась операция «Багратион», направленная на освобождение Беларуси. Эта глобальная операция была блестяще спланирована и подготовлена. Советскому Верховному Главнокомандованию удалось ввести в стратегическое заблуждение Генеральный штаб вермахта, в котором считали, что главный удар летом 1944 года Красная Армия нанесёт на юго-западном направлении с целью овладения румынской нефтью и черноморскими проливами. В этой связи немцы в устье Дуная затопили старые корабли и баржи. Поэтому и в наше время Дунай не имеет судоходного сообщения с Чёрным морем. Поднятие больших судов, глубоко погружившихся в речной ил, требует громадных средств.

При разработке операции «Багратион» учитывался также факт наличия в тылу врага армии белорусских партизан, состоящей из 150 партизанских бригад и 49 отдельных отрядов общей численностью 143 тысячи человек. Партизаны предоставили Оперативному управлению Генерального штаба точные схемы оборонительных рубежей противника. В ночь на 20 июня партизаны одновременно подорвали свыше 40 тысяч рельсов.

В рамках операции «Багратион» Витебско-Оршанская операция была нацелена на четыре направления – лепельское, витебское, богусhevское и оршанское.

Бои за освобождение Витебска вели войска 1-го Прибалтийского фронта (командующий генерал И.Х. Баграмян) и 3-го Белорусского

фронта (командующий генерал И.Д. Черняховский).

Стратегия Витебско-Оршанской операции (23–28 июня 1944 года) заключалась в том, что ударные группировки 1-го Прибалтийского фронта (6-я гвардейская армия, 43-я армия, 1-й танковый корпус) должны были северо-западнее Витебска нанести удар через район Сиротино, Шумилино, Ловша на общее направление – районный центр Бешенковичи и переправиться через Западную Двину.

Перед 3-м Белорусским фронтом стояла задача с юга перерезать шоссейную дорогу Витебск–Орша и направить удар на Богушевск с последующим продвижением на Сенно, Лепель, а также выходом на Бешенковичи. В данном случае именно Бешенковичи являлись ключевым пунктом в создании замкнутого кольца вокруг Витебска.

Утром 23 июня наши войска после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление и прорвали сильно укрепленную оборону фашистов как на северном, так и на южном направлении.

В первое время немецкое командование, видимо, не поняло в достаточной степени замыслов стратегии советских войск и пыталось ставить для своих соединений нереальные задачи. Наряду с этим, в журнале боевых действий 3-й танковой армии группы армий «Центр» уже 23 июня отмечается о создавшемся критическом положении и что действия советских войск при мощной авиационной и танковой поддержке воспрепятствовали созданию нового сомкнутого рубежа сопротивления.

Можно сказать, что немцы оказались в таком положении, в котором находились советские войска с 1941 года. В небе однозначно господствовала современная советская авиация, на земле – преобладающее количество танков, артиллерийских орудий, наличие солидных резервных соединений.

Из постоянных переговоров командования 3-й танковой армии с подчинёнными соединениями видно, что у немцев постепенно наступал хаос: не успевали вовремя подойти резервные силы, местами нарушалась связь, судьба некоторых дивизий была неизвестна, срывались планы по удержанию внешнего оборонительного рубежа «Тигр» (район Богушевска–озеро Липно–Заозерье), произошла сумятица с переходом на запасной рубеж «Медвежий вал».

К исходу 23 июня у немцев наконец сложилось мнение, что русские направляют свои силы на охват Витебска, а не Полоцка. Немецкое командование было обеспокоено моральным состоянием и боевым духом офицерского состава. В этой связи командующий 3-й танковой армией генерал Рейнгардт потребовал обязать офицерский состав быть ответственным за боеспособность войск. В частности, можно привести красноречивую цитату: «Совершенно скандально, что после двух дней боёв приходится снова говорить о боеспособности войск. Рубеж “Тигр”

должен быть безусловно удержан».

Немцы пытались эффективно использовать любимую ими тактику занятия озёрных дефиле, то есть цепь озёр в районе населённых пунктов Ходцы, Зароново, Лосвидо, рек Лучосы, Уллы и Западной Двины. Но и это не помогло. Немцы не успевали. Большую роль в первых прорывах глубокой обороны гитлеровцев сыграла тактика советского командования по прокладке через болота гатей для танков и артиллерии. Для немцев это было полной неожиданностью.

Командующий 3-й танковой армией генерал Рейнгардт согласился с отходом войск на линию Лучоса–Западная Двина, но отход уже был не возможен в связи с усиливающимся нажимом советских войск.

Немцы пытались организовать контрудары в районе Островно, Сиротино, Сосновки – не получалось.

Возле посёлка Сиротино Шумилинского района гитлеровцы поставили в специально оборудованные окопы около 20 танков «Тигр». Выбить сразу их не удалось, так как болванки отскакивали от толстой брони башен. Тогда наши незаметно ночью подтянули орудия на прямую наводку на расстоянии 600–700 м. Башни «Тигров» срывались с танков и отлетали на 15–20 метров.

24 июня немецкая хозяйственная служба получила сообщение под кодовым названием «Чайная роза отцвела», что означало приказ о полной эвакуации всего имущества из Витебска. У командования 3-й танковой армии сложилось мнение о необходимости оставления Витебска и прорыве советских войск в юго-западном направлении. Об этом решении сообщили Гитлеру. Через некоторое время начальник Генерального штаба германских вооружённых сил генерал-полковник Цейтцлер вызвал к аппарату связи командующего 3-й танковой армией и сообщил, что Гитлер резко выступил против оставления Витебска, так как это может привести к общему отходу. Гитлер потребовал удерживать Витебск до последнего патрона и человека.

Позже снова были возобновлены телефонные переговоры Цейтцлера с командующим 3-й танковой армией. Гитлер по-прежнему считал, что Витебск (Чайная роза) можно удержать одним соединением, а остальные силы направить на восстановление обороны.

Штаб 3-й танковой армии был перемещён из посёлка Сосновка в Бочейково, а затем в Боровку. В сообщениях немцев отчётливо прослеживалась мысль о полной беспомощности их авиации. Например, 26 июня советская авиация совершила 2175 самолёто-вылетов, а немецкая – 44 самолёто-пролёта.

25 июня немецкому командованию доложили, что русские расширили брешь между 6-м армейским корпусом и Западной Двиной до 50 км в направлении Бешенковичей. Немцы пытались создать новую линию обороны от озера Лукомское до озера Полозерье.

Командование 53-го армейского корпуса просило отменить оборо-

ну Витебска как укрепленного района и требовало срочно прислать санитарный самолёт. Вскоре поступило донесение, что части 4-й авиаполевой дивизии окружены в районе Островно и просят о переброске по воздуху боеприпасов для штурмовых орудий и продовольствия.

К 25 июня в районе Витебска и западнее его было окружено 5 немецких дивизий и к 27 июня они были уничтожены.

Немцы отмечали, что удары русских, миновавших Витебск, создали ситуацию, при которой каждая прорвавшаяся из Витебска боевая группа снова попадала в окружение. Поступил приказ безоговорочно удерживать Бешенковичи. Таким образом, анализируя события, можно утверждать, что самые кровопролитные бои развернулись за взятие Бешенковичей.

В 1974 году я работал учителем электротехники в СШ № 29 г. Витебска. Осенью 9-е классы отправили на уборку картофеля. Я поехал в качестве куратора. Остановились мы в д. Студёнка недалеко от пос. Богушевск Сенненского района. Я жил в доме у одной женщины, которая хорошо помнила, как их в июне 1944 года освобождали советские войска. В частности, она рассказала, что советские танки очень динамично прорвали оборону немцев и быстро пошли по дороге, связывающей шоссе Витебск–Орша с районным центром Сенно. Для фашистов это было полной неожиданностью. Они спешно стали отступать. Женщина лично видела, как наши танки давили немцев на брусчатке этой дороги. Она также видела, как погибла женщина-танкист Герой Советского Союза (фамилию не помню). Танкист открыла люк башни танка и приподнялась осмотреться. В это время из-за дома вынырнул прятавшийся немец и из винтовки выстрелил. Немца тут же поймали и расстреляли. Но, к сожалению, герой погибла.

Участник боёв за Витебск Е. Терещенко вспоминал о прикованном немце. Он воевал на Зароновском выступе «Медвежьего вала» и когда с бойцами захватил д. Пестуницу, то всю ночь они слышали пулемётные очереди по деревне. Но стреляли как бы не по самой деревне, а поверх неё. Утром они решили посмотреть, кто стрелял. Подошли с тылу и увидели лежащего немца с пулемётом, который стоял на большом пне. Крикнули немцу: «Хенде хох!». Немец поднял левую руку, а правую не мог, так как она была цепью прикована к пню. Видимо, он был штрафником.

26 июня 1944 года штурмом Витебск был освобождён. На следующий день продолжились упорные бои юго-западнее Витебска, где сосредоточились основные силы окружённого противника.

Непосредственно г. Витебск обороняла 206-я пехотная дивизия немцев. Эта дивизия оказалась в полном окружении. Командование приняло решение прорываться в направлении озера Мошно. Оно расположено недалеко от Витебска в юго-западном направлении. Озеро ок-

ружено большим лесным массивом, сильно заболоченным. В настоящее время здесь создан биологический заказник. Можно предположить, что направлениями выхода из Витебска отдельных подразделений немецкой дивизии к озеру Мошно были деревни Стайки, Добрино и Осиновка, а также удобный для немцев лесной массив с юга от Витебска. Тот массив был хорошо оборудован немцами различными коммуникациями и оборонительными позициями в районах деревни Крестьянка и посёлка Сосновка.

Прорвавшиеся из Витебска группировки немцев к озеру Мошно вскоре были окружены советскими войсками. Немцы снова возобновили отчаянные попытки прорыва. Наиболее жестокие бои разгорелись у деревень Замошенье, Плиссы, Жарки. Советское командование активно подключило авиацию для бомбардировки, и вскоре немецкие группировки были разгромлены.

Всего за пять дней операции было уничтожено 41700 солдат и офицеров противника, 126 танков и самоходных орудий. Захвачено 17776 пленных, 36 танков, 33 самоходных орудия.

Попытка освободить Городок

Из воспоминаний лейтенанта И.К. Чуприна, командира танкового взвода 24-й танковой бригады 5-го танкового корпуса [4, с. 383–385]:

Городок мы освобождали в ноябре 1943 года. Освободив Селище, с боями танковый взвод, командиром которого я являлся, продвигался к городу. На исходе дня 11 ноября мощным огнём фашистов были остановлены в лесу у города (из памяти исчезли наименования деревень, но некоторые помнятся – Селище, Москаленята, Кашо).

Зная, что наши танки прорвались со стороны Селища, немцы взялись укреплять Городок, главным образом со стороны Старополоцкой улицы. Мощным огнём полевых орудий вечером они остановили нас, не допустив до города. Поскольку за нами двигались другие подразделения нашей танковой бригады, было решено переждать ночь и на рассвете всеми силами ударить по городу. По неизвестным причинам до самого утра к моему взводу не подошло ни одного танка. На рассвете меня вызвал подъехавший к нам командир танковой роты старший лейтенант Кобзев и приказал мне взводом танков наступать на город. Правда, это наступление скорее можно назвать разведкой боем.

Наступать начали рано утром. Все три танка вылетели из леса на огромных скоростях колонной по дороге, что ведёт на Старополоцкую улицу. Помню только: прошедший снег покрыл белым полотном всё пространство от нас до города. Немцы оборонялись на высоте на окраине и были мало заметны через смотровые щели танка.

Они в течение всей ночи стягивали силы и готовились встретить нас губительным огнём. Поэтому, как только танки появились из лесу, в

смотровые щели стали видны вспышки оружейных выстрелов. Один за другим загорелись два танка. Я остался на своём танке с экипажем. Антенна была сбита с танка, связь с командиром роты потеряна, не знали, как поступать дальше: возвращаться или идти вперёд. Снаряды роем летели мимо башни.

Минута, другая – и мы врезались в оборону фашистов. Гитлеровцы, бросая пушки, пулемёты, автомашины, панически бросились бежать. Я и радист-пулемётчик Красильников в такой суматохе и при большой скорости своего танка не могли точно наводить прицелы, так как была масса целей, и мы резали только по скоплениям. Помню, как на окраине города я стрелял влево вдоль немецких траншей. Механик-водитель младший сержант Зацеринный ткнул меня в колено и указывал вправо. Там из-за маленького дома к нам почти в упор выползла самоходно-артиллерийская установка врага. Пока я разворачивал орудие, её огромный дульный тормоз покачался вверх-вниз и гавкнул выстрел. Пламя мелькнуло перед глазами, а болванка снаряда вскользь задела башню. От этого пятном до покраснения нагрелась в том месте броня, и окалина внутри башни полетела в лицо. Наши нервы не сдали. Успев развернуть башню, я в упор выстрелил и зажёг вражескую машину. Мы оказались в городе на Старополоцкой улице. Но в это время в лобовую броню попал снаряд. На мгновение в танке посветлело, была проломлена броня, убиты радист-пулемётчик младший сержант Красильников, командир башни сержант Коробко. Танк загорелся. Зацеринный, слышу, выскочил в свой люк механика-водителя. В дыму и невыносимой жаре я не мог нащупать защёлку башенного люка. Обгорели кисти рук. Сумели выскочить и оказались возле деревянного дома Антона Тупякова.

Немцы, поняв, что русский танк уничтожен, других больше нет, быстро восстановили прежнее положение. В нас со всех сторон стали стрелять из автоматов и винтовок. Пока я перебежал к стене дома, Зацеринный куда-то потерялся. Я бы, может, вернулся снова к танку, чтоб найти механика, но возле стены сарая на углу столкнулся с немцем. Выигрывает тот, кто раньше выстрелит. Пистолет у меня был в руке, успел выстрелить и убить врага. Позвал дважды механика, шучкой шмыгнул под ворота сарая. Там закопался в солому, которой с воз лежало в углу.

Немцы нахлынули к танку, а там от огня рвались снаряды и трескали патроны. Фашисты искали меня. Они, скрипя воротами, вошли в сарай. «Сейчас ворохнут солому, и я у них в лапах», – подумалось мне. Но гитлеровцы не перекладывали солому, а стали усердно пороть её винтовочными штыками. Втянув голову в плечи, ждал, в какое место сейчас вонзится штык. Но, к счастью, обошлось. Только один из штыков холодным своим телом задел разгоряченную щеку. Вскоре они ушли, но не все. Часть их осталась и, расположившись на соломе, о чём-то говорила. «Мне бы часа два просидеть здесь, а там наши придут», – думал я. Время

шло, а наших не было. Немцы почему-то из сарая не выходили. Нельзя было шелохнуть рукой, узнать, день на улице или вечер. Вскоре фашистов еще добавилось. Стало ясно, что они располагаются на ночлег.

Случилось так, что сижу в соломе 8 суток. От голода распухли ноги, пришлось стащить сапоги. Хотелось пить. На 9-е сутки немцы оставили сарай. Я обрадовался. Планировал: дождусь темноты и через фронт, только бы выползти из города. Но когда в сумерках я стал пробовать свои ноги, они меня уже не несли. Тут же у соломы я ткнулся носом в заснеженный пол сарая. С испугом осознал, что я беспомощен и могу только ждать: наших или смерть.

Но я всё же решил: лучше смерть от голода, чем фашистский плен. Стал сильно бредить. После того как немцы оставили сарай, явилась новая угроза. Каждый вечер они стали охапками таскать куда-то из сарая солому. Слой над моей головой становился все меньше и меньше. Однажды тяжеловесный фриц наступил прямо мне на голову. Но все обошлось. (Дома в это время меня уже оплакивали родные, потому что пришла похоронная с указанием места гибели.)

Однажды фашист вместе с охапкой соломы захватил мой шнур с вилкой танкошлема (для включения в радиостанцию). Не замечая, что в его руках шнур, он поволок с моей головы шлем, голова до плеч стала видна. Лица немца не видел, оно было закрыто соломой. Рядом, согнувшись, брал солому другой. Я хотел стрелять, но тут как-то удалось выдернуть назад шнур. Вместе с ним из охапки упал небольшой клок соломы, который и прикрыл меня.

На 15-е сутки я, откровенно говоря, умирал. Но тут я услышал русскую речь. В сарай вошел хозяин Тупяков Антон. Я ему показался. Теперь я был не одинок. В соломе меня стали кормить Степанида и Степан Сорочинские, жители улицы Старополоцкой. А через день сосед Сорочинских Хохлов, надев поверх военной формы на меня ремковатое пальто и рваную шапчонку, увёл в дом. Два дня семья Хохлова, рискуя жизнью, прятала меня на печи в то время, как у них в доме жили два власовца.

Позже Александр Фадеев, Леонид Сиваков и Александра Прокофьева перевели меня к Сиваковым в подвал. Оттуда, когда немного поправился, Александр Фадеев повёл меня на станцию Лосвидо, возле которой, по слухам, дислоцировался партизанский отряд. Там удалось вскоре перейти линию фронта.

Литература

1. Память. Витебск: в 2 кн. – Минск, 2002.
2. Мельников, В.М. Их послал на смерть Жуков? Гибель армии генерала Ефремова / В.М. Мельников. – М.: Яуза: Эксмо, 2014. – С. 5.
3. Освобождение Беларуси (1943–1944): монография. – Минск: «Беларуская навука», 2014. – 943 с.

4. Памяць. Гарадоцкі раён. – Мінск: «Беларусь», 2004. – С. 383–385.

2.2. Витебск в детстве (50–60-е годы)

Моё детство проходило в частном районе Витебска, по народному определению в Москалях, где компактно проживали староверы. Во многом жизнедеятельность этой местности была связана с Полоцким базаром, вокзалом и Юрьевой Горкой. Район частной застройки на месте нынешнего парка железнодорожников назывался Елаги по фамилии известного купца Елагина. Такая фамилия была распространена среди староверов. В конце 30-х годов парк получил официальное название «Парк имени Кагановича». В тот период Лазарь Каганович стал наркомом путей сообщения. Но имя Кагановича в народе игнорировалось и поэтому взрослые по-прежнему его называли Елаги. Подростки же говорили: «Пойдём в “каганы”». В 1957 году имя Кагановича было снято со всех объектов, названных в его честь.

Вход в парк был платным. Плата весьма умеренной. Он был обнесён высоким, около трёх метров, забором. У входа стояла палатка с каской. В весенне-летний период в парке бурлила активная развлекательная жизнь. На его территории было много аттракционов: высотная парашютная вышка, комнаты смеха, карусели, качели, танцплощадка. В парке сохранился замечательный пруд Елагина. В нём и сейчас можно поймать на удочку хорошую рыбу. В те годы над прудом романтично летал на тросу самолёт-аттракцион.

Между нынешними улицами Локомотивной и Леонова находилась Железнодорожная школа. Здание школы из старого красного кирпича сохранилось. В ней, в том числе, учились дети многих местных начальников.

На Широкополевой улице (ныне улица Псковская) летом проводились кулачные бои. Некоторые мужчины переодевались в сарафаны, гримировались под женщин и на удивление публики могли положить немало здоровых мужиков. Кто-то из участников боёв смазывал тело подсолнечным маслом или салом и взять его было не просто. Старожилы рассказывали про необычного бойца по прозвищу «верёвочный». Он был небольшого роста, плотного телосложения и круглый, как мячик. Он обвязывался верёвкой, и его никто не мог сбить.

Многие городские улицы были ещё в развалинах от войны. Особенно район вокзала и улица Кирова. Практически вся детская жизнь в 50-е годы, отчасти в 60-е была пронизана духом прошедшей войны и вообще войны. Самыми любимыми играми были игры в войну. Большой популярностью пользовалось оружие, изготовленное из древесины: муляжи автоматов, винтовок, карабинов, пистолетов. Рядом с родительским домом жил парень Толик. Он был значительно старше меня, весьма симпатичный. Он почти в совершенстве владел искусством, доста-

точным для нашего детского восприятия, изготовления этого самого деревянного оружия. За небольшие деньги, которые иногда давали родители, я покупал у него оружие. И мы воевали. Тогда же существовала негласная традиция – периодически ходить «стенка на стенку», улица на улицу, район на район. Зачастую эти хождения имели характер бросания камнями из укрытий друг в друга, что, естественно, было весьма небезопасно. Очень долго я мечтал, чтобы у меня был пулемёт, стрелявший обычными камнями.

К сожалению, спустя несколько лет, когда Толик закончил станко-инструментальный техникум и был в самом расцвете, он трагически погиб. Его от производства командировали на сельхозработы. Ночью на зернотоку он уснул на куче зерна, подъехала машина с зерном, высыпала на него, и он задохнулся.

Мы жили в ожидании новой войны. Я часто смотрел на Полоцкое шоссе (ныне улица Титова), так как жил рядом с ним и представлял, как по нему в город будут въезжать немцы и как я открою по ним огонь и вовремя уйду огородами. Теперь, конечно, понимаешь, что уйти в такой простой местности было бы очень сложно.

Одежда сверстников в основном была изготовлена из перешитой взрослой. Штаны, как правило, держались с помощью специальных шлей с пуговицами, выполнявших роль подтяжек **(фото 33)**.

Питание в то время было весьма скромным. Наслушавшись от взрослых рассказов о жизни впроголодь в 30-е годы и годы войны, я представлял себя партизаном или бойцом в окружении, брал из дома хлеб, залезал зимой на крышу и макал его в снег, ел и снова представлял, как буду стрелять в фашистов, въезжающих в город по Полоцкому шоссе. Взрослые рассказывали, что в Витебск немцы впервые въехали по Полоцкому шоссе на открытых грузовых автомобилях, играя на губных гармошках. А незадолго до этого по нашему частному району бежали красноармейцы и просили жителей поменять военное обмундирование на гражданскую одежду.

На Юрьевой Горке пострадало немало сверстников из-за большого количества оставшихся немецких боеприпасов. Говорили, что там были военные склады. Вот типичная ситуация: ребята клали в костер снаряд или бомбу и ждали, когда рванёт. Но оно не рвалось. Это мы теперь знаем, что для взрыва необходимо минимум 40–50 минут времени. Тогда кто-то не выдерживал, подходил, и оно вдруг взрывалось. С.И. Болтович вспоминает, что некоторая часть подростков стремилась добыть тол из авиабомб. Он жил вплотную к Юрьевой Горке и помнит, как однажды, вскоре после окончания войны, сапёры собрали много оставшихся больших авиабомб, сложили их в штабеля и немного замаскировали. Но разве такое утаишь от пацанов? Они стали потихоньку растаскивать это добро. Чтобы добыть тол, они подкатывали авиабомбу к

большому пню на края самого большого Яновского рва. Сейчас около этого места растёт высокая сосна с тарзанкой, на которой можно пролететь над пропастью и получить изрядную долю адреналина. Бомбу клали на пень и определённым постукиванием откручивали головку взрывателя. Затем авиабомбу помещали в костёр и уже относительно безопасно выплавляли тол. Один раз от постукивания по взрывателю бомба взорвалась. Всех порвало на части. Живой остался только один из подростков, который благоразумно отошёл на противоположную сторону оврага. Кстати, он был родным братом того, который непосредственно пытался отвинтить взрыватель. В конце концов, это надоело властям. В 1959 году в один из дней жителям Железнодорожного района дали указание закрыть окна ставнями и не выходить на улицу. Минёры подорвали оставшиеся боеприпасы. Над Юрьевой Горкой долго висел чёрный дым.

До войны существовала традиция проводить в праздничные и выходные дни на Юрьевой Горке кирмаши, гулянья. Организовывалась торговля сладостями, чаем, но без спиртного. Позже на Юрьевой Горке проходил международный мотокросс «Дружба». Но общественность и учёные забили тревогу в связи с тем, что мотокроссы наносили значительный ущерб ландшафту и природе этого уникального места. В частности, на Юрьевой Горке произрастают редчайшие реликтовые сосны. Со временем мотокросс перенесли в другой район. Долгое время на территории возвышенности эффективно действовал питомник, в котором произрастало много декоративных кустарников, в частности, сирень.

Безусловно, то поколение подростков очень тяготело к оружию. В моде были рогатки, самопалы. Шиком считалось в рогатке наличие не простой резины из автомобильных камер, а так называемой бинтовой. Главным элементом самопала был ствол из прочной металлической трубки небольшого диаметра, в который обычно засыпалась сера от спичек. На водосточной трубе дома матери до сих пор есть дырка от моего выстрела из самопала дробиной.

Также ребятам нравилось взрывать консервные банки с карбидом. В земле делалось небольшое углубление. В него наливалась вода и клался кусок карбида. Начиналась реакция с выделением газов. Углубление закрывалось пустой консервной банкой без крышки с небольшим отверстием в днище. К отверстию подносилась спичка и банка взлетала. Если вовремя не отклониться, то банка могла попасть в лоб.

Летом на велосипедах многие ребята ездили в район деревни Пестуница, где шли особо ожесточённые бои за освобождение города в 1944 году. Там любой мог с помощью лопатки элементарно добыть патроны, мины, снаряды, гранаты.

В целом, недавность войны подтверждалась множеством мужчин в

военных френчах, гимнастёрках, галифе, ношением боевых медалей и орденов. Также немало было военных инвалидов. Те, у которых не было обеих ног, передвигались на деревянных щитках с прикрепленными подшипниками. При езде эти люди отталкивались от земли или руками, или специальными дощечками. При этом их движение сопровождал характерный шум подшипников.

На Полоцком рынке я долгие годы регулярно видел женщину-инвалида, тоже бывшую военную. Она передвигалась на высокой инвалидной коляске, наверно, трофейной, курила папиросы «Беломорканал» и, видимо, достаточно комфортно чувствовала себя в людской толчее.

Взрослые и сверстники рассказывали, что когда стали расчищать от завалов улицу Шоссейную (ныне улица Советской Армии), то в одном из зданий в подвале нашли несколько немецких офицеров. В подвале была довольно комфортная обстановка, большие запасы продовольствия и спиртного. Видимо, немцы рассчитывали пересидеть самый опасный период, но от попадания бомбы их просто завалило, и они задохнулись. По рассказам очевидцев, когда подвал откопали, офицерские мундиры и сами тела мгновенно превратились в тлен и рассыпались от воздействия свежего воздуха.

Зимой лучшим развлечением было катание на санках, лыжах без крепления, рогозах. Рогоза – это самодельное изделие из круглого металлического прута диаметром 15–25 мм, согнутого таким образом, что получались полозья и дуга, за которую держались руками. Мне тоже очень хотелось иметь свою рогозу как у моего лучшего друга детства Славки Горолевича. Я попросил об этом своего отца, и он через некоторое время принёс рогозу, но она почти не ехала, так как была сделана из прута не круглой, а многогранной формы.

Юрьева Горка – одно из самых высоких мест в городе. Там очень крутые спуски и не с каждого из них я мог съехать на лыжах. Лыжи у всех были телехановской фабрики – деревянные. На Юрьевой Горке мы бывали не так уж часто. Это была не наша территория. Её контролировали другие подростковые группировки, пользовавшиеся зачастую дурной славой.

Зимой любимым праздником был Новый год и при нём зимние двухнедельные каникулы. Вспоминаю свой детский Новый год в 1960 году. К нам приехали родственники из Прибалтики, староверы на личной легковой машине. Я вместе с ними еду вечером по предновогоднему Витебску. Мороз. Довольно темно. Но праздничная иллюминация пробивается преимущественно с зелёными и красными огнями в районе вокзала, улиц Кирова, Ленина. На площади Ленина всегда ставилась и наряжалась лучшая ёлка. Обычно под ней стояли две, наверно, гипсовые, фигуры в человеческий рост – Деда Мороза и Снегурочки.

Многие семьи стремились поставить ёлку у себя дома. Правда, ку-

пить её законным способом было проблематично. Парадокс, но лесхозы поставляли ёлок для населения мало. Хотя тогда их уж было точно в лесах не меньше, чем сейчас. Видимо, всё должно было быть дефицитом. Поэтому многие люди самостоятельно рубили себе ёлки, несмотря на запреты. Многие продавали с рук.

Особый интерес для детей представляли ёлочные игрушки и украшения. Ёлочные игрушки в 50–60-е годы XX века были довольно высокого качества, особенно стеклянные. Это красивые шары, сказочные домики с заснеженной крышей и тёплым оранжевым светом в окнах, фигурки животных, часы со стрелками на 12 часах, мельницы, самолётики, снеговики, деды морозы, светофоры, грибы, шишки, фрукты, сложные стеклянные бусы. Обычно верхушку ёлки венчала пятиконечная звезда или наконечник. Можно было часами смотреть на наряженную ёлку и представлять себе самые невероятные завораживающие сюжеты. В то же время много игрушек изготавливалось самими детьми вместе со взрослыми из цветной бумаги, ваты и картона.

В настоящее время ёлочные игрушки стали более примитивными. В них нет предметности и образности для фантазии. В магазинах и на рынках в основном предлагают шары. Видимо, это объясняется нерентабельностью производства отечественной промышленностью. И как сейчас принято, рынок занят Китаем. А это зачастую однообразно и без души. Накануне Нового года выпускалось много разнообразных открыток. Наиболее распространёнными сюжетами были: тройка лошадей с санями, красивый румяный мальчик с надписью наступающего года, пейзажи зимнего леса, дед мороз и снегурочка, снеговик, снегири, ветви сосны и ели, украшенные шарами. Конечно, на тех открытках не могло быть поздравления с Рождеством Христовым. Большинство людей в то время считали своим долгом поздравить близких и знакомых новогодними открытками, посылаемыми обязательно по почте.

Рождество Христово обычно отмечалось довольно скромно и только в верующих семьях. Дедушка ходил на всенощную службу. Утром заканчивался пост. Устраивался праздничный обед обязательно с домашней колбасой. До этого дня вкуснейшая колбаса кольцами висела на шостоке, то есть жёрдочке, вверху около русской печи. Она выглядела очень аппетитно, но попробовать её раньше праздника было нельзя. Во время праздничного обеда дедушка вместе с дочерьми упоённо пел религиозную песню «Христос рождается».

Со временем русскую печь разобрали и вместо неё сложили новомодное изобретение «бурак». Он делался в виде круглого компактного щита из кирпича и снаружи был одет в жёсть, которую окрашивали жаростойкой эмалью.

В межсезонье до наступления Нового года я периодически доставал коробки с ёлочными игрушками, завернутыми в газетную бумагу, и

с интересом их рассматривал.

Следует отдать должное послевоенной промышленности в том, что она в непростое время смогла дарить детям радость в виде игрушек как ёлочных, так и обычных. Распространенными игрушками были красиво раскрашенные жестяные ведёрца, жестяные совочки с деревянной ручкой для песка, мячи, лошади-качалки, качественные и дешёвые калейдоскопы (сейчас они примитивные и дорогие). В магазинах продавалось много плюшевых игрушек: медведи, зайцы, собаки и др. Большой выбор кукол, наиболее престижные и дорогие – с закрывающимися глазами. Для мальчиков предлагались пневматические пистолеты с вылетающей пробкой, которая привязывалась ниткой, пистолеты со сменной обоймой пистонов из серы. Модны были настольные бильярды, игры с бросанием кубика и продвижением фишек по красочному картонному полю, деревянные кубики для складывания картинок из сказок, переводные картинки. Более редкой была игрушка в виде детской конной упряжи (сбруи) из натуральной кожи. Она надевалась на одного из игроков, другой управлял вожжами. На Полоцком базаре продавали свисток – соловей. В него для громкой трели наливали воду. Особым шиком и ценой отличались большие металлические автомобили с открывающимися дверками, самосвалы с поднимающимся кузовом, экскаваторы. Прекрасным времяпровождением был просмотр диафильмов по мотивам сказок и детских рассказов. Обычно это проходило по вечерам и чаще зимой. Включался диапроектор и взгляды упирались в импровизированный экран: стену, печь, потолок и др. Плёнки с диафильмами выпускались в маленьких круглых дюралевых футлярах с наклеенной этикеткой, где размещалось название фильма.

В день прихода в наш дом отчима мне подарили сразу три игрушки. Это было для меня целое состояние. Самым дорогим подарком из них был красивый серебристый самолёт чешского производства, другие – троллейбус с подзаводом и мяч.

Детям более старшего возраста родители покупали импортные конструкторы (ГДР), состоящие из различных металлических пластинок с отверстиями для винтов. По предлагаемым рисункам можно было с помощью отвёртки собрать авто, танк, подъёмный кран и другое. Многие покупали лобзики с тоненькими пилочками и активно вырезали по рисункам из фанеры шкатулки, полочки, рамки для фотографий. Вырезанные элементы затем превращали в готовые изделия путём соединения столярным клеем. Самым распространённым был козеиновый клей, который имел неприятный запах.

Весна, как правило, длилась долго. В марте и начале апреля тротуары и дороги были ещё покрыты толстым слоем льда. Раньше в городе так тщательно, как сейчас, снег и лёд не убирали. Помню, как уже,

будучи учащимся политехнического техникума, мы с сокурсниками весной долбили ломами толстенный лёд на тротуаре проспекта Черняховского. Его толщина была не менее 20–25 сантиметров.

Как-то весной я пускал кораблик по ручью. Ручьёв раньше было много, и держались они долго, так как снег таял дольше, чем теперь, потому что мало было искусственных покрытий типа асфальта. Кстати, лодочки, которые пускала детвора, зачастую пропадали бесследно из-за того, что впереди по ручью вдруг оказывалась толстая сплошная наледь. Это тоже была особенность тех ручьёв. Тот ручей бежал вдоль Полоцкого шоссе. В то время оно было узким, вымощенным брусчаткой и ещё не было трамвайной линии. По краям шоссе шли глубокие овраги. Вдруг я увидел много новых нержавеющих красивых снарядов. Их вымыл ручей. О находке я сообщил отцу своего сверстника Николая Карелина – Савелию, который служил в военизированной охране железнодорожного моста и ходил в военной форме с планшеткой, где носил обед. Савелий забрал снаряды и сдал их куда следует.

Приближение лета я также начинал ощущать, когда первым дома оттаивал наш небольшой самодельный тротуар. И мы на этом клочке лета начинали играть в очень тогда популярную игру – «классики». Битой обычно служила металлическая баночка из-под гуталина, в которую насыпался песок, а тротуар расчерчивался мелом на квадраты.

Среди взрослых и подростков пользовалась популярностью игра в «городки». Сейчас она встречается редко. Я помню, в неё играли взрослые во время массовых народных гуляний, например, на День железнодорожника в парке Елаги. Мой дедушка Красиков Василий тоже сделал для меня «городки». В комплект входили биты и рюшки в виде коротких деревянных цилиндров. Из рюшек выставлялись поэтапно различные фигуры с возрастающей сложностью: крепость, колодец, звезда и др., которые нужно было выбить с определенного расстояния. Эта игра чем-то напоминает современный боулинг.

Раньше в школе писали металлическими перьями, окуная их в чернила. Чернильницы стояли на каждой парте, по-моему, до 70-х годов. Затем появились шариковые ручки, но не сразу, а постепенно. Вначале они были дорогие и дефицитные. Стержни также купить было сложно. Так вот, повальным увлечением мальчишек в школе являлась игра в пёрышки. Нужно было особым способом поддеть и щелкнуть своим пёрышком, чтобы перевернуть перо соперника. Если получалось, то пёрышко меняло собственника. Самой легкой добычей считались пёрышки «звёздочка». Но были и сложные перья, дорогие, которые перевернуть могли только настоящие асы типа Славки Горолевича. Наиболее искусные игроки ходили с вязанками выигранных перьев, нанизанных на большие булавки.

Ранней весной, когда снег ещё не таял, но солнце поднималось всё

выше, жители частного сектора начинали вывешивать свиные просоленные окорока под стрехами крыш, чтобы они «севрились». За окороками нужно было следить, так как нередко их снимали шустрые личности. С приближением Пасхи просевренные окорока отдавали тем людям, которые за плату коптили их в своих банях. Копчение осуществлялось на еловых и можжевельниковых лапах. Процесс этот сложный и требует хороших навыков и круглосуточного бдения. Как правило, на копчение и доводку окорока до кондиции требуется около недели времени. Иногда были случаи, когда окорока получались «передержанными», «сваренными». Но всё же в большинстве случаев всё было хорошо. До Пасхи ветчину есть не разрешали. Накануне вечером дедушка уходил в церковь на всенощную службу и возвращался рано утром. Он приходил весёлый, одухотворённый, торжественный и громким голосом трижды возвещал нам:

– Христос Воскресе, Христос Воскресе, Христос Воскресе!

Мы, домашние, трижды отвечали:

– Воистину Воскресе, Воистину Воскресе, Воистину Воскресе!

После краткой молитвы все садились за стол и разговлялись после поста. В праздничные и поминальные дни посуда в нашем доме подавалась деревянная с хохломской росписью. Естественно, что в то время Пасха официально как праздник не признавалась. Но люди в своём большинстве праздник отмечали: красили яйца, пекли пасхальные пироги с изюмом. На улице подростки катали яйца по специальным лоткам, играли в битки. В школе о Пасхе ничего не говорили. И только некоторые ученики, больше из числа нерадивых, которым как бы терять нечего, приносили крашеные яйца.

Вспоминается, как спустя уже продолжительное время после Пасхи мой друг Вячеслав Горолевич принёс из дома большую шкурку от ветчины и мы её по очереди обсасывали с большим удовольствием.

Когда улицы подсыхали, на телеге, запряжённой лошадью, появлялся еврей, который собирал металлолом и тряпье. Он гулким голосом обозначал себя и мы, ребята, бегом бежали в свои дворы, чтобы принести что-то уже не используемое. Взамен мы получали красивые свистульки в виде пластмассовой трубочки-свистка, через которую надувался воздушный шарик. Когда надутый шар отпускали, он летел и громко пищал.

С приходом весны начинало активизироваться строительство частных домов. Все работы, как правило, проводились вручную. Например, даже доски напиливали вручную. Для этого делали высокий помост. На него клали бревно. Один человек сверху, а другой на земле длинной пилой двуручкой распиливали бревно вдоль. Дома строили в основном деревянные, иногда шлакобетонные, когда шлак от сгоревшего в котельных угля смешивали с цементной смесью, засыпали в опалубку и ут-

рамбовывали. Кирпичные частные дома строили очень редко.

В детстве весну я всегда начинал ощущать где-то с конца марта – начала апреля по неповторимому весеннему запаху, аромату. Эти чарующие запахи начинали ощущаться с появлением сумерек и сопровождалась обычно хрустом подмерзающего снега под ногами, который днём успевал подтаять на солнце. Этот запах весны включал в себя не только ощущения обонятельные, но и подкреплялся необыкновенной энергетикой, от которой, казалось, можно было взлететь. Не зря, видимо, наши предки считали, что в Полоцке особый воздух, а в Витебске особая энергетика.

В 90-е годы в город приезжала какая-то состоятельная иностранка, то ли француженка, то ли англичанка. Она была, буквально, сражена мощной позитивной энергетикой Витебска. Недолго думая, она предложила построить в городе какую-то особую энергетическую башню, причём за свой счёт. Но мы, как часто бывает, отказались. Проявление особой энергетики Витебска мы также видим на многих полотнах всемирно известного художника Марка Шагала.

Взрослые рассказывали, что ещё с языческих времён на территории нынешнего Витебска наблюдалось несколько мест с особо повышенной энергетикой. Такими местами считались Юрьева Горка, Успенская Горка на месте Успенского кафедрального собора и Замковая Гора, или в простонародье Ломиха. Эти три главенствующие возвышенности обуславливали главные энергетические артерии города. Возможно, именно эти места являлись отправлением культовых обрядов нашими предками. По сохранившимся отрывочным сведениям, передающимся из уст в уста, в районе обозначенных возвышенностей иногда наблюдали энергетические световые столбы белого цвета, своеобразные эгрегоры. Они шли обычно вертикально вверх или с небольшим наклоном на север. Больше световые столбы наблюдали очевидцы на определённые религиозные праздники: Рождество Христово, Пасху и Рождество Пресвятой Богородицы. Причём столбы света и энергии могли исходить не только из обозначенных возвышенностей, но и из некоторых рвов и оврагов, располагающихся поблизости. Свет энергетических столбов уходил вдаль. При этом светящиеся столбы могли быть видимы зачастую только при непосредственном нахождении вблизи. В этой связи, видимо, следует различать эксплицитные (открытые) и имплицитные (закрытые) источники проявления материи. При этом проявление имплицитных голографических источников зависит от индивидуальных свойств наблюдателя.

В трудные и неблагоприятные времена энергетика Витебска и Полоцка также проявляла себя особым образом. Так, в 1092 году летописец писал, что в Полоцке и других местах время было тяжёлое: земля словно горела и многие болота и леса загорались сами собой. Очень много людей умирало от различных недугов. Гроб стал стоять слишком

дорого – семь тысяч гривен. Говорили о нашествии бесов. Считали, что эти ужасные события были связаны с неудачной заменой умершего митрополита. Из Византии привезли нового митрополита Иоанна-скопца. Через год он умер. Был тот человек необразован и косноязычен. О нём люди говорили:

– Вот навья пришёл.

Под навью понимали покойника, оживлённого колдуном.

В Полоцке также наблюдали знамение – огромный круг посреди неба. В Витебске в этот же период наблюдали столбы света, уходящие в небо. Но они были не белого, а красного цвета [1].

Спустя несколько столетий энергетика Витебска вновь проявила себя в неблагоприятной ситуации войны Наполеона с Россией. В июле 1812 года стояла сильная жара. Французские войска в пыли и знойном мареве медленно двигались в сторону Витебска по холмистой бешенковичской дороге. Произошли сильные бои в районе Островно и в месте впадения Лучосы в Двину. В Витебске царила настороженная тишина. Ночное небо периодически пронизывалось световыми столбами красно-багряного оттенка, а в районе Замковой Горы звонил соборный колокол. По преданию считали, что в колокол звонила красавица царевна, защитница Витебска. Она жила внутри Замковой Горы. При приближении людей она бесследно исчезала.

В 1865 году в Витебске, напротив древней Успенской церкви, в 25 шагах от подошвы круто поднимающегося берега Двины, был найден камень с шестиконечным крестом без всякой надписи. Он был виден при высоте уровня воды 2 аршина 13 вершков. В народе этот камень называли Иосафатовым в честь убитого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. Его тело якобы было брошено в Двину в том месте. Через несколько лет на этом месте наблюдали божественный свет.

Позже, в XIX веке, Замковая Гора была снесена по инициативе директора Витебской мужской гимназии И. Введенского. Эта гора тянулась от нынешнего драмтеатра по левой стороне Витьбы вверх по течению. Её высота достигала шестиэтажного дома. Считается, что гора играла очень важную роль в истории Витебска. С горой было связано много реальных исторических событий и поверий. В XIV веке князь Ольгерд построил на горе каменный Верхний замок и церковь Архангела Михаила. Говорят, что после сноса Замковой Горы произошли некоторые сбои в энергетической системе города и энергетические световые столбы почти перестали наблюдаться.

Юрьева Горка представляет собой часть гряды, вытянутой с севера на юго-запад и занимающей площадь около 22 гектаров. Это место с большой энергетикой. Об этом говорят её необычные высоты, глубокие рвы, овраги и многочисленные перекрученные и раздвоенные деревья. Самый глубокий и обширный ров образовал Яновский ручей. Ещё не-

давно он был полноводным, так как местность с западной и восточной сторон Юрьевой Горки была сильно заболочена. Местные жители считают, что в древности эти обе стороны гряды были руслами Двины. Действительно, я помню в детстве две огромные канавы, всегда несущие много воды в сторону Двины и расположенные друг от друга на расстоянии примерно 700 метров. Они сохранились и сегодня, но не такие полноводные: город наступает.

До войны на Юрьевой Горке стояла деревянная церковь Святого Георгия (Юрия) Победоносца конца XVII века. Отсюда и название горки. В 30-е годы церковь была закрыта и постепенно стала местом сбора и пристанища различных тёмных личностей и бандитов. В годы войны церковь была полностью снесена. О ней сегодня напоминает выступ-терраса в горе. В Минске сохранились чудесные двери этой церкви с двусторонней резьбой по дереву.

На Юрьевой Горке находятся два святых источника. Наверху горы расположен святой колодец, а на восточном склоне – святой родник. Известный витебский краевед А. Сементовский писал в 1865 году, что над источником стояла часовня, украшенная несколькими образами. Известно, что источник помогает излечить глазные болезни. При этом А. Сементовский подчёркивал, что целебные свойства воды обусловлены не её минеральными качествами, а особой благодатью Божией, связанной с появлением у источника иконы Божией Матери Тихвинской. Икона висела над самим источником. Даже лихие люди икону не трогали, так как знали, что вора обязательно будут преследовать большие неприятности.

В этой связи вспоминается аналогичная ситуация, но уже совершенно в другом месте. В 2003 году мне удалось побывать в одном из интереснейших уголков Украины – украинской Бессарабии. Этот уникальный анклав расположен на берегу Дуная и граничит с Молдовой. Чтобы туда попасть по суше, следует пересекать границу с Молдовой по реке Днестр. От последнего по течению Дуная городка Вилково до впадения в Чёрное море 21 километр. Вилково называют второй Венецией, так как во время половодья город заливают водой и по улицам передвигаются на лодках. В тех местах на Дунае образовалось несколько островов. На них, как и в целом в этом регионе, компактно проживали староверы. Здесь они себя называют певучим голосом «липоване» по двум причинам: держат пасеки и производят липовый мёд и иконы у них, как правило, на липовых досках. Теперь на островах постоянно никто не живёт, но на один из них часто приезжают помолиться чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. Икона закреплена на дереве. Её неоднократно похищали, но каждый раз возвращали по причине обрушения на головы воров и их близких суровой кары.

Говорят, Марк Шагал любил заходить на Юрьеву Горку и подпитываться творческой энергией. Оттуда он написал в 1917 году из-

вестную свою картину «Витебск: вид с холма». По воле судьбы, это место находится совсем недалеко от могилы его первого учителя Ю. Пэна, с которым он в своё время много спорил.

Всё меньше остаётся старожилов, которые могут рассказать о Юрьевой Горке, описать свои живые впечатления. Самая верхняя улица в северной части возвышенности – 1-я Пригородная. Так случилось, что я хорошо знаю двоих людей, которые живут на этой улице. Самый верхний и последний дом в этом месте принадлежал староверу Михаилу Алексеевичу Климченко. К сожалению, он уже находится в другом мире. Другой житель – Сергей Иванович Болтович, старший преподаватель художественно-графического факультета Витебского госуниверситета имени П.М. Машерова. Отец Сергея Ивановича тоже большую часть своей жизни прожил здесь.

Михаил Алексеевич по натуре был человек жизнерадостный, деятельный, смекалистый. Этому его научила нелёгкая жизнь. Ещё подростком он был вынужден зарабатывать себе на хлеб батрачеством у зажиточного землевладельца в Литве. Судя по всему, хозяин к нему относился хорошо. Однажды перед войной Михаил оказался в Городке на железнодорожной станции. Проходя мимо состава с дощатыми вагонами и охранявшегося конвоирами, он вдруг услышал:

– Михелаус, Михелаус!

Присмотревшись, увидел, что это ему кричит бывший хозяин из маленького вверху вагона окошка. Михаил подошёл.

– Что с Вами, хозяин?

– Плохо Михелаус, плохо. Пиздаускас. Меня и других репрессировали и везут в Сибирь. Я сейчас дам тебе денег, а ты ради Бога успеешь купить валенки и принести их мне.

Михаил помчался на местный базарчик, купил валенки и доставил их к эшелону. Больше хозяина он не встречал. Понадобились ли ему валенки?

К сожалению, при жизни я не расспросил Михаила Алексеевича о его впечатлениях, связанных с Юрьевой Горкой и Старосемёновским кладбищем. Всё же один раз он упомянул странное свечение в виде луча света, уходящего в небо, которое он видел, возвращаясь домой поздней порой. Это свечение исходило из той части горы, которая расположена почти сразу за его участком. Там находится полузаброшенное «беспоповское» кладбище. На этом кладбище немало интересных старых памятников из природного камня.

Дорогу к Юрьевой Горке со стороны Полоцкого шоссе (ныне ул. Титова) «охраняет» Старосемёновское кладбище. Кладбище состоит из трёх секторов: Лютеранское (основано в 1887 году), Военное (в народе Латышское) и Семёновское. Хорошим ориентиром служит сохранившаяся старинная арка XIX века. Она расположена на правой стороне

улицы 7-й Полоцкой, если идти от Полоцкого шоссе (**фото 34**). До арки – Лютеранское кладбище, после – Военное (Латышское), кладбище по левой стороне улицы – Семёновское. Когда-то на северо-восточном выступе Юрьевой Горки стоял Семёновский полк, и при нём был госпиталь. Отсюда и название кладбища. Позже на месте Семёновского полка расположился питомник.

Елизавета Максимовна Сухарева, которая жила рядом с кладбищем, вспоминала, что во время войны немцы все ограды пронумеровали с помощью металлических бирок. Наверно, это прежде всего касалось Лютеранского кладбища.

Александр Максимович Сухарев рассказывал, что в первую зиму войны немцы решили широко отпраздновать Рождество и Новый год. С этой целью они выписали из Германии большой набор музыкальных инструментов для духового оркестра и разместили его на складе. Ночью местные подростки вскрыли склад, все инструменты унесли и закопали в снег на Старосемёновском кладбище. Через пару дней у немцев поднялся большой переполох, но найти сразу инструменты им не удалось. Праздник был несколько подпорчен.

Помню, что в 50–60-е годы на Лютеранском и Военном секторах кладбища стояло очень много красивейших памятников из натурального камня, как правило, чёрного цвета. Спустя несколько десятков лет я оказался на этом месте и был сильно удивлён почти полным отсутствием таких памятников. Мы обменялись мнениями с С.И. Болтовичем, и он подтвердил, что особенно с начала 90-х годов памятники стали массово вывозить с ведома сторожей какие-то люди. Несложно догадаться, что дельцы сделали на этом большие деньги. Они перешлифовывали надписи и продавали памятники, возможно, в ту же Прибалтику. Утерян значительный пласт культуры.

С 50–60-х до середины 90-х годов кладбище оставалось сильно заросшим высокими деревьями и кустарниками. На деревьях обитали тысячи постоянно галдящих грачей и ворон. Всё это невольно наводило на людей определённый трепет и тревогу. Особенно на тех, которые бывали здесь редко, от случая к случаю. Поэтому в этих местах люди старались не задерживаться и до наступления вечера покинуть их.

В глубине Семёновского кладбища в высокой беседке стояло огромное распятие Иисуса Христа из дерева. На нас, мальчишек, это изваяние действовало и устрашающе, и загадочно одновременно. За распятием старательно ухаживали набожные старушки. В конце 70-х гг. ночью прошёл сильнейший ливень, кладбище размыло. Сергей Болтович вспоминает, что из некоторых могил торчали гробы. А распятие, по его словам, в эту бурную грозовую ночь выломали неизвестные тёмные личности. Остались только ступни ног.

Сергей также поведал историю, рассказанную его отцом. До войны

люди говорили, что зачастую в новых захоронениях пропадали из гробов тела. Подозрения падали на кладбищенского сторожа, который жил на краю кладбища, держал много свиней и продавал мясо. Подтвердить догадки никому не удалось.

В подростковом возрасте Сергей случайно наткнулся на Семёновском кладбище на огромный округлый валун из серого гранита. Он зарастал мхом. В нижней его части отчётливо просматривался выбитый символ: череп со скрещёнными внизу человеческими костями. Кому мог быть установлен такой последний памятный знак? Валун надо отыскать.

После войны среди жителей частного сектора, примыкающего к кладбищу и Юрьевой Горке, ходило мнение, что стало бесследно пропадать немало детей. Считали, что их похищали. Но объяснить, с какой целью, не могли. Поэтому много было и скептиков, которые высмеивали подобные настроения. С позиции сегодняшнего времени можно предположить, что подобные домыслы могли иметь под собой реальную почву. Для этого можно обратиться к Владимиру Гиляровскому, который подробно описал систему привлечения малолетних детей для добывания милостыни ещё в XIX – начале XX века в Москве. С чужими детьми не церемонились, раны специально не заживляли, чтобы вызывать большую жалость. Утверждать в нашем случае ничего нельзя. Но можно обратить внимание на два следующих аспекта.

После войны действительно было много нищенок и цыганок, которые бесконечно делали обходы домов и квартир, представляясь то погорельцами, то сиротами, то жертвами других обстоятельств. При них всегда были дети, многие из которых болели. Просящие милостыню наводняли базар, вокзал, автостанцию, проникали в вагоны поездов. Особенно много их становилось в дни религиозных и других праздников. С приближением таких дней, писал В. Гиляровский, цена на детей значительно возрастала. В условиях непосредственного соседства жилого сектора с безлюдной и пересечённой местностью в виде Юрьевой Горки и большого кладбища, а также близкого расположения вокзала можно было довольно легко совершить подобное преступление и исчезнуть из поля видимости и преследования.

В настоящее время большая часть деревьев и кустарников на кладбище выпилена коммунальными службами. Сразу стало светлее и приятнее. Тем не менее, даже Сергей Болтович пострадал сравнительно недавно на этом месте, возвращаясь с работы вечером. Его встретили трое агрессивных незнакомцев и чуть не убили, но здоровья отобрали много. Он лежал на снегу в бессознательном состоянии в луже собственной крови. Если бы не случайно проходящий сосед, то всё могло закончиться печально. Человек подошёл, перевернул тело и узнал земляка. Но он принял его за уже мёртвого и пошёл сообщить родным.

В последнее моё посещение кладбища я видел, как со стороны

2-й Пригородной улицы шёл милицейский патруль. Это обнадеживает.

В детстве на Старосемёновское постоянно двигались траурные процессии в сопровождении похоронной музыки. Теперь сюда хоронить не возят. Нет мест. Как говорят местные: здесь захоронения в несколько ярусов. Да и мода на музыкальное сопровождение, судя по всему, прошла. Личности остаются. На кладбище появились указатели в сторону могилы Ю. Пэна **(фото 35)**.

Лучшее время любого детства – лето. Каникулы. Дух свободы. Мы любили своей ребячьей компанией уходить на Двину. Наше место было напротив западной части парка «Мазурино». Рядом с берегом в воде лежал большой камень. Его называли «гроб» **(фото 36)**. Мы любили загорать на его огромной плоскости. К сожалению, берега Двины в то время были усеяны стеклом от разбитых бутылок, ржавыми консервными банками, что свидетельствовало о невысокой общей культуре части населения, особенно молодёжи. Поэтому мы довольно часто наступали в воде на эти предметы и серьёзно ранили ноги.

По Двине ходило много катеров-буксиров. Одни из них толкали перед собой баржи с песком, другие тащили вниз по реке «ганки», то есть длинные вереницы плотов со свежесрубленным лесом. Мы стремились залезть на плоты и прокатиться. Это было делом довольно опасным, так как брёвна были скреплены недостаточно прочно и можно легко провалиться под плот. Надо сказать, что техническое обслуживание и заправка катеров, видимо, были организованы не на должном уровне потому, что по реке постоянно плыли масляные пятна. Причём интенсивность данного загрязнения усиливалась по мере развития народного хозяйства. Где-то в 70-е годы я искупался и обнаружил, что моя голова и тело в каком-то мазуте. С тех пор я принял решение больше в Двине не купаться, а ездить на озёра, благо был мотоцикл «Ява». Река продолжала загрязняться вплоть до развала Советского Союза. Затем последовавший кризис поставил на прикол суда.

Мотоцикл мне подарил мой дедушка Красиков Василий Сисоевич. Причём сделал он это оригинальным способом. В то время, а это был 1968 год, иметь мотоцикл «Ява» чешского производства было почти несбыточной мечтой каждого юноши. «Ява» отличалась от других мотоциклов обтекаемой формой, коротким рулём и всегда вишнёвым цветом. Она выпускалась одно- и двухцилиндровой. В том году я учился на третьем курсе Витебского политехнического техникума в группе А-7 по специальности «Производство аппаратуры автоматики и телемеханики» и осенью нас традиционно отправили в колхоз, то есть на уборку картофеля. В середине срока нас решили привезти на побывку домой. Видимо, была пятница. Дома ещё никого не было. Случайно я обратил внимание на доски от возможной упаковки чего-то. Они лежали за домом под окном кухни. Во мне зародилось какое-то смутное чувство любо-

пытства и надежды. Осмотрев все закоулки и ничего не обнаружив, я открыл ключом сарай и в полумраке увидел стоящий на подножке пахнувший новой краской вишнёвый мотоцикл. Я его гладил, нюхал и не мог поверить в случившееся чудо. Приобрести в то время такой мотоцикл было не просто. Как-то дед оказался в городе и зашёл в магазин «Спорттовары», который находился на улице Ленина почти напротив областной библиотеки. Там он увидел мотоциклы, которые недавно завезли. Естественно, они были не в свободной продаже, а по какой-то очереди. Он подошёл к молодым продавцам-девушкам и рассказал, что хотел бы купить мотоцикл внуку. Им понравился симпатичный дедушка с солидной большой бородой, и они не отказали. Дед купил шампанское, дорогие конфеты и поблагодарил девушек. Нанял грузовую машину и привёз «Яву» домой.

Летом для детей актуально мороженое. В городе и пригороде стояли синие деревянные ларьки с надписью «Мороженое». Сорта были такие: «Молочное» – 9 копеек, «Сливочное» – 13 копеек, позже «Пломбир» – 20 копеек, «Эскимо» – 11 копеек. Эскимо продавалось мало где. Стабильно всегда оно было в кинотеатре «Октябрь» и выглядело очень привлекательно по форме и завернутым в фольгу. За мороженым мы обычно ходили с эмалированными бидончиками для молока. В то время фасованного молока и сметаны ещё не производилось. В почёте у детей и взрослых был молочный коктейль. Его взбивали специальной машиной – миксером в гастрономах по улице Кирова. За коктейлем обычно стояла очередь. Также дети и подростки очень любили напитки: лимонад и ситро. В городе летом на тротуарах возле продовольственных магазинов выставлялись своеобразные тележки для продажи газированной воды. стакан газировки без сиропа стоил одну копейку, с сиропом – три копейки. Особым шиком считалось поехать мороженого в кафе «Север», располагавшемся на улице Ленина недалеко от нынешнего ресторана «Северная столица». В кафе в ассортименте предлагалось несколько сортов развесного мороженого с различными видами десерта, которое подавалось в металлических розетках на высокой ножке. Также рядом находился охотничий магазин, чуть ниже на месте фонтана с тремя девушками возвышался костёл Святого Антония. Позже их снесли. Улица Ленина в то время была гораздо уже, и по ней ходил трамвай. Но она была уютной. Некоторые церкви в те годы ещё продолжали сносить. Например, церковь на улице Комсомольской возле нынешней городской бани была разрушена с помощью тросов и танков.

С середины лета население, особенно в частном секторе, массово варило во дворах варенье в медных тазах. Для детворы было типичным ждть съёма пенки и затем тут же её поглощать. Это не удивительно, так как дети страдали от недостатка ягод и фруктов, а точнее их полного отсутствия вне летнего периода. Они бывают доступны и летом, только

по мере их созревания. Поэтому мы ели ещё яблоки-зелепухи, незрелый крыжовник и др. Далеко не у всех на участках было достаточно плодовых деревьев и кустарников. В этой связи подростки сбивались в стаи и делали набеги на соседские участки. Особенно трудно без фруктов было зимой и весной. Так хотелось чего-нибудь такого, но это было невозможно. Перед Новым годом мы получали обычно одну небольшую посылку от родственников из Ленинграда с мандаринами. Но как их было мало, чтобы хоть немного утолить желание. Только в 80-х годах, будучи в аспирантуре в Москве, я впервые увидел на рынках зимой любые фрукты. Их, как правило, продавали лица кавказской национальности.

Летом в староверских семьях любили употреблять лесные ягоды с молоком. В большую тарелку засыпали ягоды: землянику, малину либо чернику и заливали прохладным молоком, но не холодным. Иногда молоко немного подслаживали. Также с молоком ели яблоки определённых сладких сортов. Их нарезали небольшими дольками и тоже заливали молоком.

С наступлением медового Спаса готовили блюдо: свежие огурцы разрезали вдоль и намазывали новым мёдом.

Население городского частного сектора массово держало свиней, кур, гусей, уток, индеек, кроликов. На домашних вечеринках главным блюдом обычно была тушенная или запеченная птица, делали также клёцки (зразы) с начинкой из свежей свинины. На холодное иногда подавали запечённую свинину, напигованную салом и чесноком. Часто варили холодец. Основным гарниром была варёная картошка, особенно ценилась сопкая, то есть рассыпчатая. Из погреба приносили солёные огурчики. Если удавалось достать, то на столе могли присутствовать помидоры в собственном соку и перец «Лечо» венгерского производства. Со временем в магазинах в достаточном количестве появились отечественные маринованные зелёные томаты в трёхлитровых банках по весьма умеренной цене – 90 копеек. Особенно они пользовались спросом у мужчин в качестве оперативной закуски.

В перерывах застолья включали проигрыватель с довоенными и послевоенными мелодиями. Особенно запомнились «Риорита» и «Японские ботинки».

Ассортимент продовольствия в магазинах был во времени непостоянным, особенно в плане мясных изделий, колбас: то появлялось, то исчезало. Но неизменными оставались горки банок со сгущённым молоком с бело-синими наклейками. Обычно был хороший выбор селёдки, которая лежала прямо в деревянных бочках. Наиболее дорогая и престижная – копчёная селёдка. Большим спросом пользовалась килька пряного посола, стоившая значительно дешевле. Сыр выкладывался на витрины в огромных головках и был вкусным. Самые распространённые сорта: «Голландский», «Советский», «Костромской», копчёный «Колбас-

ный» и, конечно же, плавленые сырки.

Сливочное и шоколадное масло высилось на прилавке большими кубами с гранью около 40 сантиметров. Шоколадное было более дефицитным и периодически исчезало.

Промышленность выпускала два вида подсолнечного масла: нерафинированное и рафинированное. Большая часть его продавалась на розлив, остальное в характерных поллитровых бутылках. Естественно, что население из экономии покупало больше на розлив.

Качество всех колбасных изделий было прекрасное. Они изготавливались тогда только из натуральных ингредиентов и были очень ароматны. Цена колбасы составляла от 1 до 3,5 рублей за килограмм. Но даже самая дешёвая «рублёвая» была необыкновенно вкусной.

В хлебных отделах обычно висели вязанки баранков от больших до самых маленьких. Сельские жители, приехавшие в город, обратно возвращались обязательно увешенные вязанками баранков. Через годы на углу улицы Кирова открыли эксклюзивный хлебобулочный магазин с автоматами. В нём было несколько касс. Покупатели вначале покупали жетоны на определённый сорт хлеба. Затем опускали жетон в один из автоматов, и он выдавал покупку.

В буфетах на вокзале и кулинариях обычно для перекуса предлагали отварную курицу, жареную печень, различные пирожки с начинкой, жареную рыбу.

Продавцы в продовольственных магазинах, как правило, были одеты в белые халаты с чепчиками на голове. Они рассчитывали покупателей на больших деревянных счётах. Позже появились огромные кассовые аппараты.

После войны многие мужчины курили. Курящих женщин было очень мало, а девушки вообще не курили. Многие мужчины старшего поколения предпочитали махорку (6 копеек за пачку) и крутили из газетной бумаги самокрутки. Другие предпочитали папиросы. Кто попроще, те курили «Прибой» (12 копеек), «Север» (14 копеек), «Беломорканал» (22 копейки). Бывшие и действующие офицеры курили папиросы подороже: «Казбек», «Любительские», «Золотое руно». Эти папиросы продавались в красивых картонных коробочках с открывающейся крышечкой. Позже всё больше людей переходило на сигареты, но ещё без фильтра: «Байкал» (8 копеек), «Памир» (10 копеек), «Прима» (14 копеек), «Астра» (15 копеек), затем с фильтром «Орбита», «Фильтр», «Белорусские», «ТУ-134», «ВТ» (40 копеек). Значительная часть курильщиков где-то до 70-х годов предпочитала папиросы и сигареты выкладывать в портсигары, которые выпускались самых различных видов. Всё больше в моду стали входить зажигалки.

Большое значение в снабжении населения продовольствием имели базары: Полоцкий, Смоленский, Могилёвский. В то время понятие «ры-

нок» почти не употреблялось. Полоцкий базар был плотно окружён небольшими еврейскими домишками со стороны Полоцкого и Городокского шоссе. Перед его входами ранним утром выстраивались ряды крестьян, привёзших на продажу свежее молоко, творог и сметану. Многие молочницы, для того чтобы молоко раньше времени не прокисло, сажали в бидон лягушку. Эти продукты раскупались довольно быстро.

Со временем на территории базара был построен большой павильон, в котором в основном продавались мясные и молочные продукты. Вокруг очень много диких голубей, которых кое-кто петлёй из лески ловил себе на еду. Много нищих.

На рынке всегда толкалась масса голубятников. Это хитроватая порода людей, которая не прочь в любой момент переманить голубей от соседа. Взрослые частенько говорили детям:

– Будешь плохо учиться, станешь голубятником.

Птица на базаре продавалась в живом виде. Поэтому дома её предстояло ещё ощипать. Постоянно стоял визг молодняка поросят, которые пользовались большим спросом и стабильно раскупались на вырост.

В начале лета неизменно появлялись торгошники в телогрейках с тупажем украинских крестьянок, продававшие малосольные огурцы.

Мальчишек на базаре тянуло туда, где продавали лесных и домашних птичек: щеглы, овсянки, соловьи, снегири, чечётки, канарейки. Много птичек для продажи ловили на Юрьевой Горке. Здесь же продавались самые разнообразные клетки самодельного изготовления. Для ловли птиц продавали «западни» и «накидки». Западня представляла собой небольшую клетку, с двух сторон к которой примыкали два узких отсека. В клетку помещалась птица для приманивания. В отсеках пружинами взводились захлопывающиеся двёрки и насыпался корм. Когда подлетала птица и садилась на жёрдочку в открытом отсеке, он захлопывался.

Накидка сплеталась из алюминиевой проволоки в форме выпуклой крышки чемодана. Под одну из её сторон подставлялся колышек, к которому привязывалась леска. Под накидку насыпался корм. Для быстроты опускания накидки на неё сверху ещё помещали груз.

Из всех птичек самые свободолюбивые – синички. Они в клетке не живут. Бьются о прутья клетки до тех пор, пока не умирают. Я пробовал несколько раз заводить птичек, но вместе с дедушкой приходил к выводу: птица должна летать на воле.

На самом базаре и прилегающей территории располагались аппетитные закусочные с натуральной водкой и бочковым пивом. По внутреннему периметру плотно друг к другу теснились мелкие лавки с самым различным товаром. В принципе на базаре можно было купить всё, даже редкий и престижный автомобиль «ЗИМ».

Магазины в городе, торгующие промышленными товарами, имели

такие типовые названия, как «Культтовары», «Промтовары», «Мебель», «Одежда», «Обувь», «Ковры», «Хозяйственные товары», «Детский мир», «Книги». Магазины по отраслям товаров снабжались соответствующими оптовыми базами. Базы – это гениальное изобретение социализма. Именно там находились все заветные и дефицитные товары, не доступные обычному обывателю. На их территорию могли проникнуть только избранные. Вообще торговля считалась довольно привилегированным, хотя и нелёгким занятием. Многие продавцы из центральных магазинов обедали в ресторанах, где их обслуживали «свои» официантки. Во всех промтоварных магазинах был установлен единый обеденный перерыв с 14 до 15 часов.

Большое облегчение для жизни горожан в быту привнесли первые холодильники. Один из первых магазинов «Электротовары» находился на углу пересечения улиц Кирова и Комсомольской. Из сотен людей, желающих приобрести загадочное новшество, сформировалась упорядоченная очередь. Каждый имел свой личный номер. Несколько раз в неделю поздно вечером все собирались у магазина. Активисты вели перекличку. Кто не отзывался, того вычёркивали из списков. Спустя значительное время мы, наконец, приобрели прекрасный аппарат под названием «Юрюзань».

Из первых импортных товаров запомнились качественные круглые китайские фонарики на две и три батарейки, а также белоснежные китайские кеды.

В городе существовала развитая сеть мелкой розничной торговли периодическими изданиями и галантереей. В киосках можно было купить расчёски в футлярах, зеркальца, портсигары, кремниевые и бензиновые зажигалки, губные гармошки, игральные карты, духи и пудру «Красная Москва», одеколон «Шипр» и другое.

Люди много читали. Книга имела реальную ценность и была востребована. К книгам стремились, за ними гонялись. Чтением увлекалась не только интеллигенция, но и рабочие, колхозники, молодёжь. Существовало массовое собирательство частных библиотек. По тем временам я научился читать довольно рано, ещё до школы. Мать завела специальную общую тетрадь, которую озаглавила «Книги, которые я прочитал». Далее записано: «Андрюша начал читать книжки с 15 февраля 1959 года». Сначала она сама вписывала названия книг и авторов, а потом я сам, когда научился писать. Эта тетрадь сохранилась до сих пор. Некоторые книги настолько завораживали, что с ними не хотелось расставаться, и я брал их к себе в постель. Многие книги при развороте необыкновенно вкусно пахли, и этот запах можно было внимать бесконечно. Отдельные книги казались настолько интересными, что я боялся их быстро прочитать. Поэтому чтение искусственно замедлялось для продления удовольствия.

Элитное место среди книжных магазинов города занимал магазин

«Подписные издания». Он находился на улице Ленина, чуть выше кино-театра «Спартак». В магазине периодически объявлялась подписка на многотомное собрание сочинений какого-либо классика. На наиболее читаемых авторов выстраивалась очередь, которая могла стоять с вечера всю ночь до открытия магазина. Количество подписных изданий было ограничено. Подписавшиеся потом с нетерпением ждали почтовой открытки с извещением о поступлении очередного тома.

Уже в первом классе у меня был свой письменный стол, оббитый чёрным дерматином, большая настольная лампа с зелёным абажуром, как у Ленина в Кремле. Всё это сохранилось. Позже мать купила распространённую тогда этажерку для книг. С тех пор я стал собирать свои книги. Помню в 1964 году мы пришли в «Подписные издания» с намерением купить или подписать намеченные издания. Но не тут-то было. Выбор был очень ограничен. Из того, что было, мы выбрали и приобрели собрание сочинений в пяти томах А.С. Новикова-Прибоя. Также нам повезло в том, что шла подписка на сочинения Аркадия Гайдара в четырёх томах. Это были мои первые собрания классиков. У моего дяди Николая Артемьевича Мартынова была прекрасная библиотека. В ней тогда мне особенно нравилось собрание сочинений Фенимора Купера. Тома были замечательно оформлены и хорошо иллюстрированы. Но такую подписку мне получить не удалось.

Новым веянием в классической литературе стало издание где-то с 1969 года «Библиотеки всемирной литературы» в 200 томах в издательстве «Художественная литература» в Москве.

В целом книги по цене были доступны для всех слоёв населения.

Действительно, то время детства и юности было временем не только военной романтики, но и временем познания, исследования, собирательства. Да, мы дети и подростки очень любили что-то собирать и коллекционировать, несмотря на ещё продолжавшийся сложный период жизни населения.

В раннем детстве самым доступным собиранием были фантики от конфет, флаконы из-под духов и одеколона. Другим простым способом собирательства служили этикетки от спичечных коробков. Сами спички и коробки выпускались высочайшего качества в противовес нынешним, когда из коробки зажигается только каждая восьмая спичка. К сожалению, большинство этикеток нами примитивно наклеивалось на тетрадные листы. Аналогичным был первый горький опыт филателизма. Не одного подростка затем охватывало отчаяние, когда приходило понимание, что зачастую ценные марки безнадежно испорчены. Только спустя время мы узнали, что, оказывается, существуют специальные альбомы для марок – кляссеры.

Вспоминаю, как первые иностранные марки, в том числе США и Австралии, мы отпаривали от конвертов над чайником. Такие конверты

нам иногда давали знакомые. Это были письма из-за границы от их родственников, которые в своё время были угнаны на работу в Германию. После окончания войны они предпочли уехать на постоянное место жительства в другие страны.

Почтовые марки стало собирать результативнее, когда в известной девятиэтажке на площади Победы открылся магазин «Филателия». Это был маленький, но существенный прорыв в мировое сообщество. Я для себя сузил тематику и выбрал направление «Флора и фауна». Тем не менее, предложения торговли и частных коллекционеров в клубе филателистов значительно опережали мои материальные возможности. Марки стоили недёшево. Одно время клуб филателистов и нумизматов базировался в доме культуры «Металлист» от станкостроительного завода имени С.М. Кирова. Сохранившиеся классеры с марками храню для моих потомков.

Выпускалось много значков. Почти в каждой семье было определённое количество значков на различную тематику: спорт, города, авиация и т.д. Многие люди, побывавшие на отдыхе или в командировке в других городах, привозили оттуда значки в качестве сувениров. Со временем я увлёкся коллекционированием значков, посвящённых городу Витебску и Витебской области. Набралось таких значков около трёхсот. С 90-х годов промышленность почти перестала выпускать значки, постепенно стал угасать и интерес к их собиранию.

Во многих семьях водились копилки. В моде были копилки из гипса и фарфора в виде котов, хрюшек, собачек с узкой прорезью для монет. Родители, в принципе, поощряли стремление детей собирать мелочь. Когда копилка становилась полной, она разбивалась и деньги тратились на запланированную покупку. Некоторые не хотели тратиться на копилку и собирали мелочь в пустые бутылки из-под шампанского. При этом следует заметить, что в тот период среди большей части населения не было культа денег. Советский человек, воспитанный на «Городе солнца» Томмазо Кампанеллы, на песнях типа: «А я еду, а я еду за туманом и за запахом тайги...», не заморачивался на материальном. По сути, он жил отчасти по библейским принципам, таким, как «Будет день, будет пища...». Многие родители внушали детям, что деньги это зло и за ними не следует гоняться.

В 1964 году вместе с матерью, её двумя сёстрами и двоюродными братьями, мы съездили в гости в Гатчино к родственникам. В результате получилось новое увлечение. Гатчино находится в 40 километрах от Ленинграда. Много интересного увидели в Ленинграде, Гатчино и Петергофе. В Гатчино мне запомнились ограды на кладбище. Они были высокие с металлической сеткой и закрывали даже плоскость над головой. То есть практически это были большие железные клетки. В Ленинграде зашли в зоомагазин и просто так уже выйти не смогли. Всем нам,

троим подросткам, матери купили по аквариуму на 40 литров и рыбок. Рыбок мы несли, а затем везли в поезде в эмалированных бидончиках. Это было счастье. Я помню названия тех первых рыбок в моей жизни: меченосцы, тернеции, скалярии, рыбы-фонарики, макроподы, гуппи. В вагоне, в котором мы ехали, было много офицеров, которые курили прямо в плацкарте, тогда это было принято. Много цыганей.

По приезду домой занялись устройством аквариумов. Сначала долго промывали речной песок для грунта и затем его кипятили. Для подачи воздуха использовали накаченные автомобильные камеры с зажимом на подающем шланге. С помощью зажима можно было регулировать количество подаваемого воздуха. Корм для рыбок добывали самостоятельно. С этой целью мы садились на велосипеды и отправлялись в Тирасполь. Там с правой стороны были сажалки и зарастающий пруд. С помощью сачков мы ловили дафний. Дома их выкладывали на газету и сушили на солнце. Корм готов.

Местечко Тирасполь (Терасполь) довольно интересное. До революции здесь более двух тысяч гектаров земли принадлежало купцу Фридриху Ивановичу Кромбергу. Тогда в Тирасполе выращивали сельскохозяйственную продукцию, работал винокуренный завод. Производились засолка овощей и фруктов, квашение.

В 30-е годы на этих землях создали совхоз «Тирасполь», который за сезон выращивал 1150 центнеров огурцов, 80 центнеров томатов, 2500 центнеров свинины, 250 центнеров крольчатины и др.

В 1938 году совхоз ликвидировали и усадьба вошла в Витебскую МТС. В 50-х годах МТС преобразовали в РТС. Позже здесь возникли «Райагропромтехника» и «Райсельхозхимия». К сожалению, в связи с этими последними преобразованиями исчез прекрасный парк, который тянулся вдоль берега Двины. Пропала аллея с вековыми деревьями. Из каскада многочисленных богатых рыбой прудов осталось несколько зарастающих сажалок, в которых мы и ловили дафний. В Тирасполе также был большой овраг, который тянулся к Двине. При его исследовании в то время я нашёл несколько человеческих черепов.

В Тирасполе встречаются два важнейших шоссе – на Полоцк и Ленинград. Кстати, раньше основной дорогой на Полоцк было именно это шоссе, а не Полоцкое (ул. Титова). На пересечении этих дорог был расположен сквер, в котором стоял памятник Ленину. 9 июля 1941 года первый немецкий танк прорвался со стороны Полоцка, резко развернулся и двинулся на памятник. В это время со стороны Городокского шоссе стремительно выдвинулся советский танк Т-34 и пошёл на таран. Весь период оккупации эти танки так и стояли, сцепившись в мёртвой схватке.

Через несколько часов гитлеровцы установили в Тирасполе артиллерийскую батарею, и она с помощью засевших где-то корректировщиков начала вести огонь по центральному Кировскому мосту. Снаряды

с характерным шелестом пролетали над вокзалом.

Пришла зима. Я поставил аквариум ближе к русской печи. В то время фирменных обогревателей ещё не было. Но рыбкам всё равно было холодно, и они заболели. Позже я приобрёл самодельный обогреватель. Рыбок в Витебске мы покупали у частника, который жил на улице 2-й Мопровской. Мы называли его просто дядя Володя. У него целая комната была уставлена разнообразными аквариумами. Два аквариума были очень большими. Также были и настенные аквариумы. Рыбки и растения стоили не дёшево. Позже мы стали покупать рыбок у молодого человека Геры, который жил рядом с Юрьевой Горкой по улице 3-й Полоцкой и гордо ездил на мотоцикле «Ява».

В 60-е годы у значительной части подростков и молодёжи появилось интересное увлечение фотографией. Этот интерес оперативно поддерживали отечественная промышленность и торговля. У многих появились собственные фотоаппараты. Самые доступные по цене – фотоаппараты марки «Смена». Классом выше шли «ФЭД». Лично у меня был первый фотоаппарат «Заря» (модификация «ФЭД»). Позже более профессиональными стали выпускаться аппараты моделей «Зенит». Массово возникали фотокружки для школьников. В нашей 20-й средней школе также организовался кружок. Им стал руководить мой дядя – Мартынов Николай Артемьевич. Будучи человеком педантичным и аккуратным, он достаточно квалифицированно вводил нас в мир фотографии. Лично у него был симпатичный и функциональный фотоаппарат «Зоркий» с убирающимся объективом.

Фотографировать тогда было гораздо сложнее, нежели сейчас. Для качественного кадра необходимо вручную установить экспозицию, то есть время выдержки, выставить оптимальный диаметр диафрагмы и вообще уметь правильно оценивать многие другие факторы. В наше время всё делает фотокамера. Задача фотографа только выбрать правильный ракурс.

Сервиса печатания фотографий тогда не существовало. Поэтому юные фотографы вынуждены были создавать домашние фотолаборатории. Для лаборатории требовалось приобрести: проявочный бачок для фотоплёнки, ванночки для растворов, специальные щипцы для фотобумаги, красный фонарь, фотоувеличитель, фотоглянцеватель, резак фотобумаги.

Подготовка к фотопечати включала нудный процесс приготовления раствора проявителя и фиксажа. И вот наступал долгожданный момент. На кухне плотно завешано окно. Светит очень приглушённо только красный фонарь. Домашним запрещено в это позднее вечернее время заходить на кухню. Лист фотобумаги кладётся под объектив фотоувеличителя, рядом циферблат часов, нажимается кнопка ... процесс пошёл.

Телевидение стало доступным населению где-то с 1960 года, но ещё не было массовым. Я помню, иду домой из школы 12 апреля

1961 года, а мне кричат, чтобы зашёл к соседу Геннадию. У него уже был телевизор. В доме собралось много людей. Они смотрели репортаж о первом полёте человека в космос. Позже телевизор появился в семье моего друга Славки Горолевича марки «Нёман», производство Гродно. Это недорогой, но очень надёжный черно-белый аппарат с хорошей контрастной видимостью. Чего не скажешь, например, о телевизоре-комбайне «Беларусь-5» (г. Минск). Он сочетал в себе телевизор и радиолу с проигрывателем. На просмотр интересных фильмов и передач я ходил к Вячеславу, в частности, с большим интересом смотрел по одной серии фильм «Четыре танкиста и собака» **(фото 37)**. У нас в доме телевизор появился поздно, когда мне исполнилось 16 лет. Мать раньше не хотела, мол, будет мешать учебе. Купили телевизор мы в магазине «Культтовары» на улице Кирова марки «Рубин» (г. Москва).

Слабая развитость телевидения того времени или его отсутствие вообще обуславливало желание граждан активно посещать кинотеатры. В Витебске тогда функционировали кинотеатры: «Заря» (на месте нынешнего универсама «Центральный» на площади Победы), «Октябрь», «Спартак», «Мир» с двумя залами – голубым и красным, позже «Зенит», «Дружба», «Беларусь». Но первым местом в ещё разрушенном городе, где показывали кино, был РДК на улице Димитрова. Было тесненько, все места обычно заняты, но уж очень интересно.

Народ приходил на сеансы семьями, заранее. Это был настоящий ритуал. В фойе рассматривали вывешенные портреты известных киноартистов, кадры из фильмов. Обязательным считалось посещение буфета. В «Октябре» в фойе был установлен большой кинопроектор, по которому транслировали сатирический киножурнал «Фитиль». Затем давалось поэтапно три звонка, в течение которых зрители занимали свои места в зале. Медленно гас свет. До фильма обязательно показывалась кинохроника о достижениях народного хозяйства. Обычно количество серий не превышало две. Запомнились фильмы из детства: «Крестоносцы», «Голубая дорога», «Приключения мистера Питкина в тылу врага», «Орлёнок», «Кортик», «Трембита», «Человек-амфибия», «Гиперболоид инженера Гарина», «Граф Монте-Кристо», «Горячий снег», «Воздушные приключения», «Безумный, безумный, безумный мир» и другие. Чуть позже появились первые индийские фильмы. Моей матери очень нравился фильм «Любовь в Симле».

Некоторые фильмы демонстрировались с ограничениями. Например, «Андрей Рублёв» режиссёра Андрея Тарковского показывали в Витебске только в одном кинотеатре «Октябрь» и не более двух дней.

Радио достаточно редко транслировало эстрадную музыку. Более часто передавали пафосные патриотические песни, исполняемые многочисленными хорами. Бесконечно шли монологические передачи о сельском хозяйстве, промышленности, достижениях науки с ненужны-

ми подробностями, зачитывались целые литературные произведения.

В детстве и юности главными праздниками считались 7 ноября и 1 мая. Главным их атрибутом были демонстрации. Ранним утром я выходил на свою улицу и слушал громкую маршевую и патриотическую музыку, доносившуюся из центра города. Это создавало какой-то необычный подъём и воодушевление. Позже я стал сам участвовать в демонстрациях. Люди несли флаги, транспаранты, портреты В. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, членов политбюро. Обычно три колонны трудящихся, представляющих три района Витебска, встречались в главной точке – площадь Свободы. Главный отрезок шествия – улица Ленина и площадь Ленина, на которой устанавливалась большая трибуна для руководства города и области, а также представителей предприятий и учреждений. Периодически по громкоговорящей линии с трибуны раздавались здравицы и поздравления представителям конкретных профессий, которые в данный момент проходили по площади.

В 50–60-е годы убранство колонн было более скромным. В шествии в то время принимали участие представители сельских районов. Они прибывали на открытых грузовых автомобилях, борта которых на 1 мая украшали срезанные молоденькие берёзки с первыми зелёными листочками. Климат тогда был более суровый и часто в дни праздников шёл снег. Позже шествия становились всё наряднее и богаче. Но это добавляло немалую головную боль руководителям предприятий, которым необходимо было строго выполнять различные разнарядки партийных органов по оформлению улиц города и колонн демонстрантов.

В преддверии очередной даты, особенно юбилейной, официальная пропаганда задолго начинала активно позиционировать успехи и достижения народного хозяйства. В результате у многих людей складывалось ожидание чего-то необычного, масштабного, которое значительно улучшит их жизнь. Но зачастую эти ожидания подтверждались более скромными результатами, особенно с приближением 90-х годов.

В целом люди участвовали в демонстрациях с большим энтузиазмом, с приподнятым настроением, нарядно одетые. Многие шли вместе с детьми, фотографировались на память. После прохождения площади Ленина демонстрация считалась завершённой. Те, кто нёс праздничные атрибуты, складывали их в грузовики, стоявшие в условленных местах. Большинство людей группировались в свои компании и повсеместно отмечали праздник. Благо по всему городу помимо магазинов работали временные торговые точки, в которых продавались спиртное и закуска. В день праздника граждане пользовались общественным транспортом практически бесплатно.

До 70-х годов очень сильно было развито местное авиационное сообщение. Самолёты, обычно «кукурузники», летали во многие районные центры. Например, существовал маршрут Витебск–Сенно–

Чашники.

Среди части подростков и взрослых процветали блатной жаргон и соответствующее поведение. Надо сказать, что зачастую формой проявления данного явления было откровенное насилие по отношению к нормальным людям. Мать рассказывала, что сразу после войны пострадало немало боевых офицеров, на которых нападала «блатата» из-за денег, одежды, трофейных вещей, продовольствия – вплоть до убийства. Она говорила, что это часто случалось в районе Полоцкого базара.

Многие взрослые при разговоре любили сидеть на корточках. Наверно, эта манера поведения передалась от ээков, которых заставляли охранники сидеть на корточках при этапировании перед посадкой в железнодорожные вагоны. Это не касается фронтовиков, которые на войне вынуждены были как можно ближе держаться к земле.

В городе наиболее криминальными районами были так называемые «Пески», «ДСК», «Москали», «Новый быт». Молодёжные группировки этих районов враждовали между собой. Можно было наблюдать настоящие побоища, когда один район шёл на другой с участием сотен людей. Я помню битком набитые молодыми людьми двухвагонные трамваи, направляющиеся на трамвайное кольцо «пятого полка» в конце улицы Титова. Они ехали драться с местными на «Кубу», то есть в Дом культуры на танцы в нынешнем посёлке Кировский.

Обычным явлением были татуировки криминальной направленности, клички, ножи, финки, кастеты. Многие молодые люди имели «отсидки» за разбои, грабежи, нанесение тяжких увечий, а то и убийства.

Танцплощадки являлись местом сборища криминальных элементов. Там могли порезать, а то и убить. Наиболее известные летние танцплощадки располагались в парках Фрунзе, Ленина, Железнодорожников. В холодное время года танцы перемещались во дворцы и дома культуры: «ЖДК», «Стройтрест № 9» и др. Весьма небезопасным делом считалось провожать девушку не в свой район. Говорили, что многие провожающие в Лучосу вынуждены были мерить мост через реку спичечным коробком.

Однажды я возвращался в июле с танцев и увидел удивительное явление. Весь Кировский мост и частично улица Кирова были запорошены, но не снегом, а белыми ночными бабочками. Они, как метель, летали и падали, умирая. Я подумал, что это нечто случайное в природе. Спустя много лет, когда у меня была дача в деревне Задвинье Куринского сельсовета на берегу Двины, я узнал от местных жителей, братьев Владимира и Геннадия Емельяновых, об этом феномене. Таких бабочек они называют «митулицей» или «митульга», по научному «поденка». Они живут только одну ночь. Их появления издревле ждут и рыбы Двины, и жители прибрежных деревень. И вот когда над Двиной в июле или августе в зависимости от климатических особенностей года разыгрыва-

ется белая метель, падающая на воду, на поверхность выплывают огромные лещи, жерехи, голавли и, громко чавкая, поглощают деликатес. Исстари в эту ночь рыбаки выходили на лодках с острогами и при соблюдении полной тишины, чтобы не скрипнула уключина, добывали больших рыбин.

Рыбы в Западной Двине было много. Наш сосед по улице 17-й Городокской (Виноградовой), дядя Женя Годлевский, со своими компаньонами имел лицензию на лов рыбы сетями. Сети были особые, предназначенные для реки – высокие и усиленные дополнительными грузами, чтобы их не ложило течение. В районе деревни Хотолы они перегораживали реку сетями, чуть позже к ним подъезжала фура-морозильник и забирала улов. Часть улова они оставляли, и вся улица ходила и покупала больших щук, сомов, лещей.

В целом экология в 50–60-е годы была неплохой. Удобрения, химикаты применялись не так интенсивно, как в 70–80-е. В результате края многих полей обрамлял «обгоревший» неживой лес. Показателем хорошей экологии являлось огромное количество весной майских жуков. Утром, какое деревце в саду не трясанёшь, на голову сыпется масса жуков. Очень много было лягушек, жаб, змей. Грозным бичом для каждого дома были мухи, клопы, тараканы. В любом доме наготове находилось несколько самодельных мухобоек. Они представляли собой прочную деревянную рейку с прибитым к ней овальной формы куском резины.

Природу, мы, дети, могли созерцать во время так называемых «маёвок». В выходные дни весной и летом люди устремлялись на природу. Все берега Двины были «усеяны» отдыхающими. Обязательно с собой брали еду и спиртное. В парке Мазурино, теперь парк имени Советской Армии, был хороший пляж с лодочной станцией, раздевалками. Обычно мы с родственниками выходили на Двину напротив парка. С собой брали надутые автомобильные камеры, как плавсредства, которые с удовольствием катили по дороге. Также взрослые периодически устраивали массовые выезды в лес, договариваясь с водителем грузового автомобиля. Однажды мы даже ездили в район Городка на автобусе ЛАЗ. Его водитель, добродушный сосед дядя Миша, с удовольствием оказал эту услугу. Правда, на обратной дороге полностью отлетело переднее колесо, но автобус чудом удержался на дороге.

Леса были насыщены дичью. Такую информацию я имел не понаслышке, а от своего дяди Саши и отчима, которые были охотниками и охотились организованно с бригадой от завода имени Коминтерна. Также отец моего друга Славки – Дмитрий Горолевич – был страстным и опытным охотником. Он работал шофёром и возил на ГАЗ-24 «Волга» первого секретаря Витебского горкома партии Михельсона. Они охотились в охотzone Козьяны и очень успешно. Мне запомнился его рассказ о том,

что в одной из глухих деревень, где они останавливались на ночлег, жил на краю деревни мужик. Когда после охоты он выпивал, то обязательно соблюдал ритуал: залезал на чердак и открывал огонь по лесу, по воображаемым фашистам. Сказывалась контузия, полученная на войне. На чердаке у него располагался настоящий арсенал боевого оружия, в том числе, миномёт и пулемёт. Из рассказов моего дяди Саввы Кириллова мне запомнился вкуснейший чёрный хлеб, испечённый в печи крестьянами, и который по вкусу не шёл ни в какое сравнение с магазинным.

Отношение к природе было противоречивое. С одной стороны, мощно пропагандировалась любовь к родной природе. В школах весной массово проводились Дни птиц, изготавливались скворечники, синичники, высаживались саженцы деревьев. Нас, учащихся 20-й СШ, обычно колонной вели на Юрьеву Горку со стороны улицы 14-й Полоцкой, и там мы сажали тополя. Я помню, как выкопал под саженец глубокую и широкую яму. Надо мной стали посмеиваться. Но подошла учительница биологии и сказала, что лунка выкопана правильно. Позже мне пришлось посадить немало фруктовых деревьев. И я всегда следовал рекомендациям садоводческой литературы, в частности размера лунок: они действительно должны быть достаточно просторными и выкопаны заранее до момента посадки.

С другой стороны, к природе зачастую культивировалось потребительское отношение. Я наблюдал где-то в 70-е гг. на озере Лосвидо работу рыболовецкой артели Витебского рыбхоза. На двух больших лодках с помощью моторной лебёдки рыбаки стягивали в кольцо здоровенный невод с очень мелкой ячеей. Поэтому наряду с крупной рыбой в ловушке оказывалась и вся попавшаяся мелочь-молодняк. В этом зрелище явно прослеживалось нечто неестественное, антиприродное. Говорили, что такую мелочь обычно за копейки сдавали на фермы для откорма свиней.

Мой тесть Синица Василий Александрович – опытный рыбак-любитель в Россонском районе – рассказывал, что после войны в озёрах и реках водилось много рыбы. Однако позже рыбхозы и браконьеры внесли свою весомую лепту в реальное сокращение запасов голубой нивы. Например, на озере Нещердо, одном из крупнейших в Беларуси, в 70–80-е гг. местный рыбхоз осуществлял лов с помощью электротрала. Примерно в 1976 году какие-то учёные из Минска провели эксперимент на озере Круглом, расположенном вплотную к Нещердо. Как говорили местные жители, в озеро залили японскую отраву с целью, мол, уничтожить «сорную» рыбу: плотву, подлещика, краснопёрку, окуня. А уже затем разводить там сортовую рыбу. В результате эксперимент закончился ничем. Через несколько лет озеро восстановилось. Не знаю, полностью или нет, но я успешно ловил там удочкой.

Наше общение с природой часто сопровождали встречи с браконь-

ерами. Они были везде. Я думаю, что браконьерство в моральном измерении – это алчность и жадность. В нашем обществе всегда существовали люди, незаконно живущие за счёт природы. В 80-х годах появились электроудочки. Говорят, их изобрели «добрые» инженеры, работавшие на оборонных заводах типа «Измеритель» в Новополоцке. Многие озёра, в буквальном смысле, стали пустыми. Особенно те, которые находились вне населённых пунктов и в стороне от оживлённых дорог. К примеру, озеро Белое, расположенное недалеко от деревни Рюм Россонского района в глубине соснового бора. Песчаный берег, высокой прозрачности вода, в озере постоянно водились раки и немало рыбы. Но после электроснастей, а еще, говорили местные, после применения одним дачником из Ленинграда какого-то военного спецсредства, когда вода, буквально, загорелась, – озеро опустело. В 90-х годах на рынках свободно стали продавать дешёвые китайские сети «китайки». Браконьеры связывали их в километровые средства и окончательно добивали оставшееся.

В конце 80-х – начале 90-х гг. многие люди бросали работу и занялись охотничьим и рыболовным промыслом на поток. Приобрели себе новые всепроходимые УАЗы и стали неуязвимыми. При задержании обычно мотивировали: я безработный, не на что содержать семью и т.д. Так продолжалось до середины 90-х гг., пока государство постепенно не взяло под жёсткий, но справедливый контроль защиту природы.

На моё детство и юность значительный отпечаток наложил тот факт, что дедушка являлся священником. В те годы религия не приветствовалась, с ней партия вела борьбу. Религия – это опиум для народа. В детстве многие сверстники старались меня дразнить. Позже более взрослые подростки стремились проявить ко мне агрессию в форме физического насилия. Типичная картина: идём мы своей гурьбой, навстречу один или несколько дубин-переростков. Меня выдёргивают из ватаги. Остальные им не интересны. Начинают оскорблять или пытаются побить. Я делаю свой небольшой выбор: отвечаю резко и «руки в ноги», пытаюсь оторваться, что не всегда удавалось. Иногда кто-то заступался за меня, например, Иван Пирогов. Но, в целом, это случалось редко.

Иногда и взрослые люди проявляли недоброжелательность. Помню, как по нашей улице всё ходил хромой угрюмый мужик. Как-то он бросил мне фразу: «Ну что, ещё живёшь, попёнок?». Прошло время, и я стал уже крепким юношей. И вот идёт опять этот хмырь. Я подхожу к нему и говорю: «Ну что, врезать тебе или как?». Он уже молчит.

О своих проблемах я родственникам обычно не говорил. Тем более, что рос без отца.

Однажды со мной приключился случай, который надолго вывел меня из душевного равновесия и остался в памяти на всю жизнь. Я был в пятом или шестом классе. Стоял август месяц. На Двину купаться мы

пошли вдвоём с Виктором Годлевским. Остальные ребята почему-то не смогли. Мы разделись на своём берегу и переплыли на пляж парка «Мазурино». Ныне это парк Красной Армии. Пляж был пуст, хотя вода очень теплая. Но у народа, видимо, срабатывает психологическая установка: раз август и прошёл день Пророка Ильи – значит, купаться уже нельзя.

Мы с Виктором, который был младше меня на пару лет, купались, наслаждались уходящим летом. Я и не заметил, как к нам приблизилась вёсельная лодка. В ней сидело двое. Одного я знал, его кличка Тоха (наверно, имя было Толик). Это был мой старый враг. Он был старше меня на несколько лет и именно он обычно обиднее других задевал меня. Второй был незнакомым. Он был ещё старше, и тело его было обильно татуировано. Как всегда, Тоха стал задевать меня. Я ответил резко. Лодка удалилась. На время я их забыл, а нельзя было. Мы снова купались. Вдруг я обнаружил, что лодка с этими типами совсем рядом. Тот, который незнакомый с татуировкой, легко спрыгнул с лодки и направился ко мне. Я забыл подчеркнуть, что в те времена человек с большой татуировкой был обычно ранее судим. Тоха был гораздо жирнее и неповоротливее. Я побежал по берегу в сторону города. Сначала думал, что поднимусь наверх и затеряюсь в парке. Но потом передумал, так как, чтобы подняться наверх, нужно было затратить силы, и деревья в парке были посажены довольно редко.

Сначала я оторвался от преследования. Но тот тип оказался опытным негодяем. Постепенно он начал ускорять темп и приближаться. У меня стало сбиваться дыхание и бежать становилось всё труднее. Вдалеке на берегу я увидел группу сидящих людей у костра. Когда я подбежал к ним, моё дыхание стало совсем прерывистым, в висках сильно стучало. Преследователь по-прежнему бежал в ровном уверенном темпе.

Ко мне навстречу от костра поднялся, как потом выяснилось, главный вожак данной песковатинской группировки. Он спросил коротко: «В чём дело?». Я ответил: «Я – внук священника, и меня преследуют». Главарь сказал: «Иди к костру». В это время подбежал татуированный. Он, видимо, знал человека, который вышел ко мне навстречу. И говорит: «Он – мой». На что главарь ответил: «Нет». Между ними стала разгораться ссора, и преследователь даже попытался «наехать» на вожака. Тогда от костра поднялась вся шайка и двинулась в сторону прищельца. В конечном итоге, он ушёл обратно в неблизкий путь не солоно хлебавши.

Мне участливо предложили поесть. Я поблагодарил добрых людей и отказался, так как у меня внутри всё колотилось от пережитого. Старший сказал, чтобы я не торопился идти обратно и подольше переждал с ними. Мне было очень хорошо и надёжно с этими людьми. Практически они спасли мне жизнь. Я им очень благодарен. Больше

я их не встречал.

К вечеру я осторожно дошёл до пустынного пляжа и переплыл реку. Одежка моя была на месте. Понуро побрел домой. Солнце в тот день как будто померкло для меня. Пришёл на свою улицу. Ребята сидят на брёвнах, весело болтают, как в ни в чем ни бывало. Никто об этом случае от меня не узнал, а мой напарник Виктор никогда об этом не переспрашивал.

В школе я учился хорошо. Был одним из лучших учеников. Наиболее легко давались гуманитарные предметы. Хотя учился я без большого удовольствия. Поэтому мать осуществляла довольно жёсткий контроль.

В начальных классах моей первой учительницей была Екатерина Веремеевна. Она была из староверов и проживала в нашем районе. Прекрасный человек.

Я помню первый урок в первом классе. Екатерина Веремеевна спрашивает: «Кто умеет читать?». Я один поднял руку. Учительница дала мне книгу и предложила прочитать стихотворение. Я прочитал. Она сказала: «У нас так и в четвёртом классе далеко не каждый прочитает». С тех пор я постоянно участвовал в художественной самодеятельности (читал стихотворения).

Я учился в 20-й средней школе с первого по восьмой класс. В настоящее время она является художественной гимназией. В то время это была окраинная школа с не очень благоприятным контингентом учащихся. В каждом классе на последних партах сидело обычно несколько балбесов-второгодников, а то и четверогодников. Они, как правило, не учились и мешали учиться другим. Я помню, как иногда кто-то из них мог на уроке запустить в стену рядом с доской, пока учительница пишет на доске, какой-нибудь предмет, например, чернильницу или что-нибудь поджечь и т.д.

В шестом или седьмом классе меня предложили выдвинуть председателем Совета пионерской дружины. Но директор школы Жильцов Иван Григорьевич подумал и сказал: «Не стоит, так как у него дедушка священник».

После окончания восьмого класса мать сказала, что надо поступать в техникум, так как отца нет и нужно пораньше овладеть специальностью. Я поступил в Витебский политехнический техникум на модную тогда специальность «Производство аппаратуры автоматики и телемеханики».

Морально мне стало легче, так как я частично вырвался из района, где проживал и учился.

Литература

1. Арсюхин, Е. Нашествие мертвецов / Е. Арсюхин // Во славу Родины. – 1993. – 27 августа.

2.3. Юность

В техникуме появились новые друзья: Лёня Крюков, Леонид Еремеенко, Коля Хлопцев, Василий Полхлебов. По духу и надёжности нам были близки девушки Галина Павлова и Зинаида Альхимёнок. Все они из нашей группы А-7. Учебная программа была сложная: большой объём высшей математики, сложные электротехнические дисциплины. В техникуме тогда работали специалисты очень высокой квалификации. Учиться было зачастую намного труднее, чем позже в институте.

В техникуме я активно участвовал в художественной самодеятельности и неизменно занимал первые места среди чтецов стихотворений. В частности, часто читал В. Маяковского. На одном из курсов наша группа заняла призовое место по итогам смотра художественной самодеятельности и была премирована поездкой в Ригу. С нами поехал наш групповой руководитель Илья Львович Кисин. В Риге было интересно. Помню, как обедали мы в каком-то кафе и я заказал себе второе блюдо «Купаты». Они были очень вкусные. Вечером, чтобы занять время, мы пошли в кинотеатр на фильм «Зигзаг удачи». Меня тогда очень удивило большое количество курящих девушек в фойе кинотеатра. Тогда до наших краёв эта мода ещё не дошла. Ночевали мы все на квартире у родственников И.Л. Кисина.

Практически каждую осень мы выезжали в колхозы на уборку картофеля. Обычно к техникуму на проспекте Черняховского подъезжали грузовые автомобили с соломой в открытом кузове, куда мы и усаживались. Мы ездили в Бешенковичский, Сенненский и Шумилинский районы. По приезду на место нас бригадир колхоза расселял по хатам. Срок пребывания колебался от месяца до полтора.

Уборка картофеля вручную – довольно монотонное занятие, особенно, когда борозды очень длинные. Чтобы как-то внести разнообразие, я увеличивал темп сборки и уступал только одному студенту Леониду Еремеенко. Но он был сугубо уроженцем сельской местности, и эта работа была ему близка.

По вечерам нас тянуло на танцы в местном клубе. Это было небезопасное занятие, так как местные всегда пытались завязать драку. В деревне Мясоедово Шумилинского района на нас напал помимо молодёжи один странный тип уже довольно зрелого возраста по кличке Хоша. Он был невысокого роста, с хромотой и необычно длинными руками. В руках у него был нож. Стоял тёмный осенний вечер. Наша группа «распылилась» на отдельные группы под натиском наглой местной молодёжи, и мы метались по незнакомым дорогам. Я оказался вместе с Володей Зыряновым около двора одной хаты. Мы зашли в подворотню и замерли. Из темноты вынырнула фигура Хоши. В руках блеснул нож. Мы затаили дыхание. Хоша исчез. Через некоторое время мы

ехали в кузове машины с зерном в мешках, чтобы его затем разгрузить. С нами ехал Хоша, но уже трезвый. И довольно неплохо с нами общался. Наверно, это тоже менталитет нашего человека.

Однажды летом перед сессией мы своей группой А-7 пошли отдыхать на реку Лучосу. Сейчас я живу рядом с этим местом. Николай Хлопцев взял с собой пружинное подводное ружьё. Стояла засуха, и река сильно обмелела. Николай ещё с двумя нашими одноклассниками ушёл охотиться вверх по реке. И через довольно длительное время они вернулись ни с чем. Тогда я попросил у них ружьё, ласты и маску, чтобы попробовать удачи. До этого я никогда не занимался подводной охотой.

Я шёл посередине реки в ластах, по колено в воде, и надо мной посмеивались. Тогда я подошёл к правому берегу и обнаружил, что глубина здесь гораздо больше, а сам берег сильно подмыт. Я лёг на воду и медленно поплыл вдоль подмытого берега. Вдруг я увидел крупную щуку, которая стояла в тени под берегом. Сердце застучало, я нажал на курок. Гарпун удачно попал в место перехода головы в туловище. Я поднял щуку и понёс к берегу. Она весила 1,5 кг. Вокруг меня собралась толпа людей. Одноклассники уже не посмеивались.

С тех пор я стал заниматься подводной охотой. Плавал я очень хорошо, так как в детстве ходил в бассейн. С Николаем Хлопцевым я записался в секцию подводного плавания при морском клубе ДОСААФ. Секцию вёл прекрасный человек, бывший подводник Галузо Василий Дмитриевич. Я с ним подружился. На моём мотоцикле «Ява» мы ездили по озёрам. Запомнилась результативная охота в мае на озере Лосвидо. Тогда за один раз мы добыли около 40 кг щуки. В тот день я увидел две самые большие щуки, которые когда-либо мне приходилось видеть. Они стояли в воде параллельно друг другу хвостом к голове. Их длина приближалась к 1,5 метра. Я в них сознательно не стрелял.

Василий был смелым охотником. Он залезал под любые коряги, где могла стоять большая рыба. В Чепино (район Ленинградского шоссе) на Двине раньше всегда стояли плоты из брёвен. Василий заплывал под них и стрелял больших сомов. Однажды он с друзьями на мотоцикле с коляской поехал на подводную охоту на речку Межа, которая протекает на границе Псковской и Тверской областей. Дороги там были тяжёлые, песчаные. Потом Василий рассказывал, что эта река под водой сплошь завалена топляками, так как ранее по ней сплавляли лес. Под водой часто можно было наблюдать типичную картину: стоит пирамида из затонувших брёвен, а в ней, с одной стороны, торчит голова, а с другой – хвост сома. Когда гарпун попадает в огромную рыбину (до 30 кг), то брёвна начинают летать, как спички. И это довольно опасно.

Летом у Василия всегда был искусан подбородок угрями. У него был свой способ добычи. Он опускался на дно озера и там, где видел песчаную лунку, приставлял к ней гарпун подводного ружья и другой

рукой хлопал по дну. Тут же показывался угорь. Когда снимал его с гарпуна, тот зачастую успевал схватить за подбородок.

Долгие годы Василий Дмитриевич работал начальником спасательной станции на озере Лосвидо. Всегда проявлял отзывчивость и доброту к людям.

В 90-х годах рано умер Николай Хлопцев. Он был очень одарённым человеком. В частности, у него сильно было развито математические и конструкторское мышление. Николай успешно занимался спортивным авиамоделизмом, активно участвовал в соревнованиях. Он был очень надёжным товарищем с благородным сердцем, но оно у него, к сожалению, болело.

Как-то раз мой дядя Савелий Илларионович Кириллов (где-то в 70-е годы) пригласил меня съездить с ним на реку Оболь вблизи д. Ивановка Городокского района. Тогда дороги там были труднодоступные, песчаные и глинистые. Мы ехали на его мотоцикле «Иж-Планета» с коляской. С собой взяли резиновую надувную лодку. Река была сильно заросшая травой и кувшинками. Я лежал на носу лодки и с маской на лице и подводным ружьём частично был погружён в воду. Дядя медленно грёб веслами перед собой. Щук в реке было много. Наблюдалась закономерность: на дне яма-углубление, а по её окружности стояло обычно несколько щук. Тогда в силу неопытности я многих упустил, так как для верности попадания стремился стрелять в середину туловища щуки. После попадания щука изгибалась дугой и гарпун часто выпадал. Но, тем не менее, мы приехали с определённой добычей.

Летом в те беззаботные, относительно конечно, годы я с друзьями и сверстниками много времени проводил на озёрах Лосвидо, Лётцы, Зароново, Саро, Белое. Чаще всего на мотоциклах (с палаткой) мы ездили с Вячеславом Горолевым, Григорием Ильиным, Николаем Карелиным, Николаем Хлопцевым, двоюродными братьями Владимиром Кирилловым и Сергеем Мартыновым. Тогда у меня была простая доступная мечта блаженства: сидеть на камне в озере, опустив ноги в воду, и пить прохладный лимонад.

В те же годы два двоюродных дяди Савелий Илларионович и Николай Артемьевич своими руками изготовили большую добротную четырёхвесельную лодку и поставили её на озере Зароново. Туда мы всей роднёй ездили отдыхать. Хорошо клевал крупный подлещик. Так продолжалось до тех пор, пока из сарая дяди Мартынова Николая Артемьевича не украли все его рыболовные снасти, и он, будучи человеком категоричным, резко прекратил рыбную ловлю. Постепенно и мы перестали ездить на то озеро.

В 1972 году с ближайшими родственниками на двух автомашинах ВАЗ-2103 «Жигули» мы съездили на Чёрное море в район г. Судак. Свой лагерь мы разбили на диком пляже. Перед этим проехали две

большие стоянки автомобилей. Но там не остановились, так как стоял очень сильный запах канализации. Изучив ситуацию, мы обнаружили две большие канализационные трубы, которые сбрасывали отходы в море, может, и без предварительной очистки.

В новом месте было чисто и малоллюдно. Правда, на другой день подъехали на лодке военные и сказали, что здесь останавливаться нельзя, потому что это какая-то особая зона. Но дядьки с ними посидели за столом, и вопросы снялись.

На море я тоже попробовал охотиться с подводным ружьём. Вода отличалась высокой прозрачностью, и было хорошо видно на значительной глубине. Эти условия обязывали к умению нырять на большую глубину.

В 1972 году я окончил техникум и по распределению стал работать в Витебском специальном конструкторском бюро зубошлифовальных и заточных станков в электроотделе в должности техника-конструктора. Работа была специфическая: чертить у кульмана. Коллектив был высококвалифицированный. Хорошими друзьями были Анатолий Брылёв, Виктор Торубаров. Но начальник отдела товарищ Бляхман меня недолюбливал.

Позже я был на свадьбе у Анатолия Брылёва и его красивой невесты Валентины. Она проходила в столовой завода «Эвистор». На свадьбе играл хороший вокально-инструментальный ансамбль, в котором сам Анатолий хорошо играл на электрогитаре и прекрасно пел. В частности, запомнилась песня в его исполнении «Иволга в малиннике тоскует». Было хорошо и весело.

К сожалению, спустя много лет Анатолий Брылёв попал в серьёзную автоаварию и был травмирован. Он срочно вёз анализы своего ребёнка в областную больницу и боялся опоздать. В результате он рано умер.

Сразу после окончания техникума я поступил в филиал Белорусского политехнического института на специальность «Автоматика и телемеханика» на вечернее отделение. В институте мы снова были вместе в одной группе с Анатолием Брылёвым, Виктором Торубаровым и тоже прекрасными людьми: Владимиром Дорофеевым и Леонидом Водневым, с которыми я поддерживал отношения долгие годы.

Вспоминается начало июля 1973 года, когда мы закончили 1 курс. И захотелось это событие немного отметить. Стояла хорошая погода. Решили отдохнуть на берегу Двины на противоположной стороне от парка Мазурино. Мы с Леонидом Водневым долго на моей «Яве» искали пиво. Оно всегда тогда было дефицитным. Наконец мы его нашли на окраине города. Купили целую авоську. И поехали на берег. Вскоре туда подплыли на катере несколько других одноклассников. Всё было очень непринуждённо и здорово.

Позже я перевёлся учиться в Витебский государственный педагогический институт имени С.М. Кирова на заочное отделение по специальности «Физика и математика». Одновременно я стал работать учителем электротехники в средней школе № 29 г. Витебска в 9–10-х классах. С учениками у меня был хороший контакт. Они понимали меня, я стремился понимать их. Меня хорошо принял педагогический коллектив, руководство школы.

Правда, буквально, на третий день моей работы меня вдруг попросили зайти в кабинет директор школы Анатолий Петрович Борткевич и завуч Юрий Иванович Купцов. Я сразу интуитивно почувствовал, что это неспроста. И, действительно, они в доброжелательной форме спросили меня: «Не отец ли мой служит священником в церкви?». Я пояснил, что отец со мной давно не проживает, а священником является дедушка. На что они меня успокоили и пожелали спокойно работать. Хотя это в целом было неприятно. Спустя много лет, когда я уже был секретарём парткома педагогического института, я увидел в институте бывшего директора школы А.П. Борткевича. Он подрабатывал преподавателем физики на факультете довузовской подготовки. Я спросил у него про тот случай и почему так быстро он получил информацию о якобы священнике-отце. Он задумался и сказал, что ему нужно время вспомнить. Через недолгое время он вспомнил и сказал: «О, Андрюша, это на тебя наговорила такая-то учительница из зависти, которая временно жила на квартире на вашей улице».

В школе мне нравилось работать. Рабочий день был ненормированный, и зачастую он заканчивался довольно рано. К тому же я не был классным руководителем, что также увеличивало моё свободное время. В этой связи можно вспомнить высказывание Карла Маркса: «Главным мерилом всех человеческих ценностей является свободное время». Я помню, как в конце учебного года новая директор школы обратилась к нескольким мужчинам-учителям с просьбой помочь поставить забор вокруг школы и сколько после этого она нас благодарила.

Несколько раз я выезжал в колхоз со старшеклассниками на уборку картофеля. В частности, в д. Долгополье Городокского района, д. Студёнка Сенненского района. В д. Студёнка интересный парень-старшеклассник Артур, увлекавшийся историей, раскопал один из многих небольших курганов на краю картофельного поля. Но ничего кроме тлена не нашёл. Потом я узнал, что среди местных прошел слух, будто школьники ищут золото, и мгновенно раскопали курганы бульдозером, но ничего не нашли.

На праздники в школе были приняты корпоративы. Собирались у кого-нибудь из учителей на квартире. Запомнилась экскурсионная поездка с учителями во время весенних каникул в Брест и Брестскую крепость. Автобус был маленький и старенький. Ехал он медленно. Но мы

и не спешили. Периодически останавливались и перекусывали. На ночь обычно договаривались с местной школой, и нам предоставляли спортзал. Руководил в поездке нами завуч Юрий Иванович Купцов. Всё было хорошо и романтично. На обратной дороге мы заехали в г. Минск, и своей компанией остановились в квартире родственников одной учительницы. Вечером, несмотря на наши скромные финансовые возможности, мы гуляли в ресторане «Папараць-кветка».

Проработав в школе несколько лет, мне захотелось что-то изменить в жизни. Тогда на слуху был комсомол, комсомольская работа. Осенью 1975 года я пошёл в Горком комсомола г. Витебска с просьбой принять на какую-нибудь работу. Мне ответили, что, к сожалению, все места уже заняты и осталось только одно, но оно далеко не самое лучшее. Я спросил: «Где?». – Мне ответили: «В ГПТУ-59 (государственное профессионально-техническое училище)». И пояснили, что это, действительно, не очень благополучное строительное училище, где обучается много ребят-сирот, а также выходцев из социально запущенных семей. Я ответил согласием. Через некоторое время меня утвердили на бюро Первомайского райкома комсомола в должности секретаря комитета комсомола ГПТУ-59.

Училище располагалось на Марковщине, в конце улицы К. Маркса. Сейчас там какое-то религиозное учреждение. Комитет комсомола был расположен в одной комнате на первом этаже в общежитии, которое стояло на противоположной стороне улицы от училища.

Постепенно я стал входить в курс дела. Вначале педагогический коллектив меня встретил настороженно и с определённым недоверием. Как потом выяснилось, причиной этого стала не очень добросовестная работа моего предшественника. Особенностью данной работы было то, что нужно было сотрудничать и с руководством училища, и с райкомом комсомола. Первым секретарем Первомайского РК ЛКСМБ тогда работал Лопатин Викентий Петрович. Это был хороший руководитель и замечательный человек.

Директором училища был Коваленко Николай Михайлович. Он весьма успешно руководил непростым педагогическим коллективом, проявляя такт, терпение, доброту и душевность к своим подчинённым. Его заместителем по учебной работе являлся Малявко Владимир Дмитриевич. Он на высоком профессиональном уровне исполнял свои обязанности. Владимир Дмитриевич был неизменно интеллигентен и подтянут. Он несколько лет работал в Республике Чад в Африке, где вместе с супругой преподавал математику и физику. По тем временам это была большая редкость. К тому же Владимир Дмитриевич был сильным нумизматом и располагал большой ценной коллекцией монет. С ним всегда было интересно поговорить на различные темы.

Я старался работать, и постепенно мой авторитет стал крепнуть. По праздникам меня стали приглашать в компанию руководства училища и признавали на равных, хотя я был намного младше – 23 года.

Хорошие отношения сложились у меня со многими учащимися. Ко мне льнули ребята-сироты, ребята из неполных семей. Я помогал им чем мог. Несколько раз мы ходили с ними в походы по местам боёв под Витебском. В этом хорошо помогал ветеран войны, душевный человек, заместитель по АХЧ Ворокосов Михаил Семёнович.

Вспоминается случай. До моего прихода в училище из окна на пятом этаже общежития по каким-то причинам выбросился подросток. У меня в сейфе лежал его комсомольский билет. Все считали, что он не выживет, так как серьёзно были поломаны ноги, произошли разрывы внутренних органов. И я уже собирался сдать его комсомольский билет в райком. Но через год этот человек появился на пороге в комитете комсомола на обеих ногах. Я вернул ему билет и порадовался за него.

В августе меня вызвали в обком комсомола и предложили командировку в Усть-Илимск. Моя миссия заключалась в том, чтобы обеспечить заезд и трудоустройство Белорусского строительного отряда в рамках Всесоюзного отряда. Я согласился, так как это мне было интересно. И как оказалось, это был мой звёздный час, который я не использовал.

Вскоре я вылетел самолётом в Москву с отрядом из Витебской области. Затем самолётом до г. Братска. Из Братска на «кукурузнике» долетели до Усть-Илимска. На аэродроме меня встретил заместитель председателя горисполкома, приятный молодой человек. Я подарил ему красивый значок «Витебск». И с этого момента мы стали друзьями.

Постепенно стали прибывать отряды из других областей Беларуси. В основном, это были молодые люди с рабочими специальностями: бульдозеристы, водители, строители, геодезисты и др.

В Усть-Илимск прибыли представители союзных республик и крупных регионов России. Все они были работниками ЦК комсомола своих республик. Мне всё время было не понятно, почему меня с такой должностью отправили в ответственную командировку. И когда меня один из представителей спросил «Кем я работаю?», я ответил: «Инструктором обкома ЛКСМБ», то есть несколько повысил свой статус. Спрашивающий удивлённо пожал плечами, что с такой малой должностью отправили в качестве командира ударного строительного отряда Беларуси.

Я не жалел сил и ног для выполнения своих обязанностей. Город Усть-Илимск был раскинут на значительном пространстве. Городского транспорта ещё не было. И приходилось пешком преодолевать значительные расстояния между различными строительными управлениями. На тот момент в Усть-Илимске было три ударные Всесоюзные комсо-

мольские стройки: строительство самого города, целлюлозно-бумажного комбината и Усть-Илимская ГРЭС.

Земля в тех местах была тяжёлая, больше глинистая. И я видел работу бульдозеров с обычными двигателями и с танковыми. Обычные бульдозеры, даже самые огромные, с трудом срезали тяжёлые пласты грунта, постоянно останавливаясь. Бульдозеры с танковыми двигателями обладали огромной мощностью и, равномерно двигаясь, перемещали перед собой горы грунта, не останавливаясь.

Совершил я поход и к новой гидростанции на Ангаре. Безусловно, колоссальное сооружение. Но поразило и другое. На многие километры от ГРЭС территория бывшей тайги напоминала очаг ядерного взрыва. Так всё вокруг было выворочено, изувечено. Видимо, к экологии тогда относились упрощённо.

В строительных управлениях мне было приятно видеть прекрасное отношение к белорусским специалистам. Их брали с удовольствием. Вот пример. Передо мной в очереди стоит руководитель отряда одной из кавказских республик. Начальник отдела кадров крупной организации говорит, что у него сейчас нет автомобильной техники и он не может принять на работу водителей. Тот уходит, подхожу я. Начальник восклицает: «Мне срочно нужны водители, так как полно новой простаивающей автомобильной техники». Я говорю: «Так Вы только сказали, что...». Он перебивает меня и говорит: «Мы не хотим брать тот контингент, который не умеет так работать и беречь технику, как ваши белорусы».

Я стремился устроить всех своих отрядовцев в соответствии с их запросами. Некоторые из приехавших удрали за поиском более лучших мест в других регионах Сибири и Дальнего Востока. В частности, уехали, не предупредив меня, витебские таксисты. У меня осталась свободной часть комсомольских путёвок. Они давали существенное преимущество при устройстве на работу, подъёмные деньги, место в общежитии.

Мне сказали, что в Усть-Илимске есть люди, потерявшие работу, жильё, то есть асоциальные, в том числе из Беларуси, и что некоторые из них хотели бы встретиться со мной. Тогда я впервые услышал термин «бомж». Я согласился. И через некоторое время эти люди получили комсомольские путёвки, а значит, и возможность на новую жизнь. Таким образом, некоторые «заблудившиеся» земляки получили реальный шанс к новой жизни или хотя бы заработать денег и уехать на Родину.

В Усть-Илимске я познакомился с комиссаром ударных строек. Это был молодой спортивный человек, мастер спорта, азербайджанец. Мы с ним подружились. К сожалению, забыл его имя. У него была квартира на первом этаже. Он жил один. Кровать от окна была отгорожена тяжёлым трёхстворчатым шкафом. Комиссар показал мне в стене несколько выбоин от пуль. По долгу службы он должен был предотвращать меж-

национальные конфликты. И за ним шла настоящая охота. У него была хорошая интуиция. Неоднократно, идя по Усть-Илимску, он вскидывал голову и видел из окна нацеленный ствол. Бросался на землю, пуля пролетала мимо. Именно от него я впервые узнал о межнациональных конфликтах. Тогда советская пресса об этом не писала. Оказывается, бывало и такое, что одно общежитие с определённой национальностью шло на другое. В ходу были огнестрельное оружие, бутылки с зажигательной смесью и многое другое. В основном конфликты происходили между выходцами с Кавказа и славянами.

Наша командировка затянулась. Но, наконец, всё было сделано. Принимать работу прилетела из Москвы группа работников ЦК ВЛКСМ во главе с секретарём ЦК Пастуховым.

Они стояли перед нами, а мы перед ними. Вдруг Пастухов спросил: «Кто здесь Сухарев?». И попросил подойти к нему. Он сказал, что мне дали высокую оценку за мою работу, и сразу предложил работу в качестве секретаря комитета комсомола всех ударных строек в Усть-Илимске, а также западного участка БАМа. При этом он добавил: «Вы же понимаете, это только начало, а потом, может быть, и Москва». Безусловно, это было очень серьёзное предложение. В то же время Москва меня не очень интересовала, а вот в Сибири был размах. Я ответил, что подумаю.

Окончательную точку в подведении итогов данной кампании ставил банкет в ресторане «Лосюта». На него были приглашены и мы – представители союзных республик и руководители крупнейших организаций. Я хотел сесть за стол со своими, уже ставшими близкими коллегами, но меня пригласили начальники отделов кадров самых крупных организаций типа ГЭСстрой, Сибстрой и т.д. и попросили сесть с ними. Я согласился. Это было престижно. Вскоре выяснилось, что меня пригласили не случайно. Эти серьёзные люди сказали, что им понравились мои деловые качества, и предложили для начала должность. Потом после обкатки следовала уже ответственная должность с большими возможностями. Они дали мне срок 1 месяц для обдумывания и попросили дать из дома телеграмму с одним словом – «да» или «нет», чтобы зря не держать должность. При этом мне было сказано, что они помогут мне войти в курс дела и обещали всяческую поддержку. Это была одна из главных возможностей в моей жизни. Причём, что очень важно, можно было работать с такими благородными, порядочнейшими людьми.

Тогда же ко мне подошёл заместитель председателя Усть-Илимского горисполкома, который первым встречал меня на аэродроме, и сказал, что в случае моего возвращения он выделяет мне сразу 2-комнатную квартиру. Я ему говорю: «Так мне не положено 2-комнатной, ведь я ещё неженатый». На что он ответил: «Это мои вопросы».

На следующий день мы покинули Усть-Илимск. Кто на самолёте, а кто автобусом до Братска через тайгу (200 км). В Братске мы застряли, так как все билеты до Москвы были выкуплены заранее. А бронь на нас забыли сделать. Мы дали правительственную телеграмму на имя первого секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Тяжельникова. Но чтобы дать такую телеграмму, её нужно было предварительно заверить у первого секретаря горкома партии г. Братска. Вскоре нам выделили отдельный самолёт, и мы благополучно добрались до Москвы.

По приезду домой я рассказал о предложениях матери. Но она отнеслась к ним отрицательно. Мол, твой отец уехал в Сибирь и ты ещё. Я как-то не стал настаивать.

Снова я сижу в своём комитете комсомола ГПТУ-59. Вдруг меня вызывают в обком комсомола к первому секретарю. Захожу в кабинет, вижу на столе у первого секретаря моё личное дело. Мне предлагают должность заведующего отделом ударных комсомольскихстроек обкома комсомола. Система партии сработала чётко, отдать ей должное. Видимо, из ЦК ВЛКСМ (Москва) позвонили в ЦК ЛКСМБ (Минск), а оттуда в Витебский обком с информацией о моей кандидатуре. Затем первый секретарь спросил у меня, служил ли я в армии. Я ответил, что ещё не служил, но этой осенью собираюсь пойти без всяких отсрочек. «Хорошо, – сказал секретарь, – по приходу из армии Вас будет ждать должность в комсомоле».

Вскоре наступил ноябрь 1975 года, и мне прислали повестку из военкомата о призыве на срочную службу.

В училище, где я работал, меня очень тепло и сердечно проводили. Одна женщина, работавшая комендантом общежития, предоставила свой частный дом для банкета. Хотя в доме только что был сделан ремонт и всё было покрашено, её не смутило присутствие там практически всего состава педагогического коллектива.

Непосредственно в день призыва к военкомату пришло много учащихся, и они вместе со мной шли через весь город от улицы Суворова, где был горвоенкомат, на Ленинградское шоссе к облвоенкомату.

2.4. Армия

За нашей командой, как и за другими, в военкомат приехали так называемые «купцы», то есть представители той части, где нам предстояло служить. Это были несколько офицеров и сержанты старшего года службы. Они сказали, что наша команда едет в танковые войска. В петлицах у них действительно были танковые эмблемы.

Поездом нас повезли на север и скоро мы оказались в Эстонии (г. Выру). Там мы прошли распределение. Седой подполковник спросил у меня, как имеющего высшее образование, не желаю ли я служить лей-

тенантом. Это два года. Я сказал, что послужу пока рядовым, а затем решу. Он одобрительно кивнул в знак согласия. Естественно, для меня лучше было служить один год, чем два. Хотя рядовым быть непросто.

Нас определили в «учебку», где мы осваивали строевую подготовку, изучение Устава, пришивание воротничков, погонов и др. В учебном центре я впервые увидел набег солдат старослужащих «дедов», которые забирали у новобранцев личные вещи, одеколон для принятия во-внутри и т.д.

После учебки нас посадили в большие крытые грузовики «кунги» и повезли по дивизионам. Позже выяснилось, что мы попали служить в ракетные войска стратегического назначения. Тогда это было очень секретно. Но сейчас эти части в Прибалтике ликвидированы. По прибытии во 2-й дивизион меня не сразу решили куда определить, так как я имел высшее образование и должен был служить только один год. В то время высшее образование среди солдат было в диковинку. Вначале меня хотели поставить секретарём комитета комсомола дивизиона. Это освобожденная должность. И это меня устроило бы лучшим образом, так как я имел бы статус прапорщика и не должен был бы жить в казарме. Но совсем недавно на эту должность был утверждён уже какой-то прапорщик. В конечном итоге меня определили в батарею боевого обеспечения (ББО). По званию я был рядовой, должность мне дали «механик-водитель» и на общественных началах руководил комсомольской организацией батареи.

Началась служба. Довольно долгое время в отношении ко мне не могли определиться «деды», то есть, к какой категории меня относить: вроде я новобранец и в то же время через год увольняюсь в запас. Мнения у них разделились. Одни относились ко мне одобрительно, другие – с неприязнью. Мне, как человеку более взрослому (23 года), было интересно наблюдать за человеческими реакциями и динамикой развития феномена «деды». Интересно и одновременно грустно видеть, как приходят в армию молодые нормальные ребята и как через год они начинают перенимать дурной опыт поведения у увольняющихся в запас. Это проявляется в нарушении Устава: «деды» не встают по сигналу «подъём», не ходят на физзарядку. По возможности они стремятся ущемлять права молодых. Безусловно, что это характерно далеко не для всех. У значительной части старослужащих преобладает чувство человечности, гуманизма. Поэтому когда мне предложили тоже не вставать по команде «подъём», я отказался, так как не мог пренебрегать чувством единства с молодыми солдатами.

В первую субботу службы в своей батарее мне пришлось столкнуться с жёстким проявлением насилия. Суббота в армии для солдат является банно-хозяйственным днём. В первой половине дня проводится уборка казармы, прилегающей территории. После обеда обычно идут в баню.

Я вышел из казармы и увидел, что одного из новобранцев, который ехал со мной в одном вагоне, избивает невысокий солдат кавказской национальности. Избиваемый был щупленьким скромным парнишкой из г. Орши. Я немедленно подскочил к кавказцу и поднял его, он беспомощно перебирал ногами в воздухе. Я его немного потряс и предупредил. В свой адрес я слышал угрозы неминуемой расправы. В это время наши «деды» выскочили на крыльцо и довольно безразлично наблюдали за происходящим. Меня это очень поразило, так как среди них было немало белорусов. Как потом выяснилось, причиной избиения явилось невыполнение новобранцем работы, которую должен был сделать наглый кавказец.

Вскоре я почувствовал, что за мной устраивают охоту лица кавказской национальности. Здесь уже следует отдать должное нашим «дедам»: они несколько раз прикрыли меня. Потом кто-то видимо сообщил кавказцам, что я не совсем обычный новобранец. К тому времени я уже был членом комитета комсомола полка. И от меня отстали. В нашей дивизии лица такой национальности в основном служили во вспомогательных подразделениях: кухня, столовая, склады с обмундированием и т.д. Зато они всегда были сытые и хорошо одетые. К тому же я узнал, что зам. командира дивизии по хозяйственной части был армянином.

Психологически в ракетных войсках служить было трудно: замкнутое пространство, отсутствие увольнительных, повышенная секретность. За год нас только один раз целенаправленно свозили в ближайший город Алуksне для фотографирования.

Как-то меня вызвали в полк к замполиту. Неплохой подполковник сказал, что мне предстоит выступить на комсомольской конференции армии от имени рядового состава. Я остался в полку в качестве прикомандированного и начал готовить выступление. В полку кормили значительно сытнее, посуда была чище. Я помню, как по нашему дивизиону ходил жирнющий майор – начальник хозяйственной службы, у которого на животе никак не могла застегнуться шинель.

Как я сейчас понимаю, государство планировало хорошее продовольственное обеспечение войск. Но на местах многое зависело от того, как поддерживался порядок. К сожалению, в нашей части многое уходило «налево». Практически это была коррупция. Я даже решил провести комсомольское собрание нашей батареи с повесткой дня «О качестве питания». Но меня подозвал наш комбат Альберт Алексеевич, который несмотря на приличный возраст был всего лишь капитаном из-за своей прямооты и принципиальности. Он сказал: «Я слышал, ты хочешь провести собрание по питанию. Не советую. Лучше ты спокойно едь на дембель». Я понял, что против меня определенные силы запросто могли организовать какую-нибудь провокацию, и не стал проводить собрание.

В полку мне было хорошо. Я занимал привлекательную для себя позицию: подчинялся только замполиту. В полку я также общался с замечательным человеком, молодым красивым старшим лейтенантом Александром. Он являлся секретарём комитета комсомола полка. И однажды он вывез меня в город на один день развезаться.

Наконец выступление было готово и одобрено замполитом. В составе трёх человек мы выехали на всеармейскую конференцию, которая проходила в городе N. Во главе был майор, старшина-молдованин и я. Наш путь пролегал через Витебск.

На конференции было очень много военных, в том числе и самого высокого ранга. Я попал в президиум. Вокруг сидели генерал-лейтенанты и выше, а я просто рядовой. Через пару генералов от меня сидел второй в мире лётчик-космонавт Герман Степанович Титов. У него все брали автографы. Взял и я на книгу о космосе, купленную на конференции. Выступил я хорошо. В перерыве ко мне подходили офицеры и благодарили за чёткость мысли и голоса.

Обратно мы снова ехали поездом через Витебск. На вокзале во время стоянки ко мне на встречу пришли родственники. Они очень просили майора отпустить меня домой на пару дней, но майор был непреклонен. Вернулся в часть, и всё пошло обыденно.

За время службы мне два раза пришлось участвовать в боевых учениях. Правда, они проходили сравнительно недалеко от места нашей постоянной дислокации. Одно учение было зимой, а другое – осенью. Зимой жили в больших палатках, отапливаемых печками-буржуйками. Снова среди солдат ходили разговоры о том, куда девалась тушёнка, которая положена в полевых условиях.

Осенью мы прибыли в довольно глухой массив и стали оборудовать лагерь. Ко мне подошёл старшина Геннадий и предложил собрать грибов, из которых для нашей батареи ребята хотели приготовить дополнительный ужин. Подобное блюдо мы уже готовили. На кухне добывается кусок жира и картошка. Всё это в котелке вместе с грибами тушится на костре и затем с чёрным хлебом вкусно поедается.

Осень стояла красивая. Солнечная погода, изумительный лес, такой же, как и у нас в Беларуси. Грибов было много, в том числе боровиков и подосиновиков, особенно по лесным дорожкам. Это меня и спутало. Через некоторое время я почувствовал, что иду уже совсем по другой дороге и мой ориентир утерян. Я заволновался и допустил ещё ряд ошибок в поиске правильного направления. Продолжая активно искать выход, я видимо всё дальше отдалялся от места развёртывания нашего дивизиона. Через какое-то время я вышел к берегу большого лесного озера. Прошёл дальше и, наконец, увидел признаки жилья. Это был типичный отдалённый латышский хутор. К этому времени я уже выбросил все

грибы, так как они превратились в кашу. Да и не до них уже было. Гимнастёрка моя промокла от пота до нитки.

Я направился к жилым постройкам, стоявшим в отдалении на пригорке. Вдруг от них отделились две огромные собаки и со злобным лаем бросились мне навстречу. В моей ситуации ничего не оставалось делать, как продолжать идти. Неожиданно собак окликнула вышедшая из дома женщина. Они нехотя прекратили нападение и послушно убрались к хутору.

Подойдя поближе, я по-латышски поприветствовал женщину. Затем я попытался на русском объяснить причину своего появления, но она ничего не понимала. Знаком хозяйка пригласила в дом. В доме топился щит, и на плите готовилась еда. Также в доме оказался мальчик-подросток, сын хозяйки. Он учился в школе и хорошо говорил по-русски. Он стал нашим переводчиком. Женщина сказала, что её старший сын тоже служит в армии и она сначала подумала, будто бы это он возвращается домой. Она сочувственно предложила мне поесть. Но внутри меня клокотало беспокойство и тревога, и о пище я даже не мог думать. Из приличия я отломал и съел кусочек чего-то национального.

Выслушав мой краткий рассказ, мать с сыном переглянулись и понимающе кивнули головами. Я с некоторым облегчением вздохнул, поняв, что они хорошо знают место учений. Подумав, мать сказала, что её сын покажет дорогу и будет меня сопровождать до места. Теперь я понимаю, что тогда эта благородная женщина по-своему рисковала, отпуская в лес сына с совершенно незнакомым солдатом. Тем более, что в те времена в воздухе витало некоторое недоверие между военными и местным населением.

Мальчик взял велосипед и сообщил, что нам предстоит пройти около десяти километров. Я настойчиво предложил ему сесть на велосипед, а сам побежал рядом. По песчаным дорожкам мы стали быстро продвигаться вперёд. В конечном итоге мы чётко вышли к нужному месту. Я не знал, как его отблагодарить. Сердечно я подарил ему свои наручные часы и снял с гимнастёрки нагрудный знак «Гвардия» на память. Мы тепло попрощались.

Я стал незаметно пробираться в лагерь. Уже был вечер и проводилась вечерняя проверка. Проскользнул и стал в строй. Старшина и сержанты облегчённо вздохнули. Вскоре офицер выкликнул мою фамилию, ответил: «Я». Про грибы никто не спрашивал.

Каждый солдат имел свой дембельский календарик, в котором ежедневно протыкал иголкой очередную дату. Пришла долгожданная осень. Как-то я оказался в полку. И замполит, глядя на меня, говорит секретарю комитета комсомола Александру: «Что же мы Сухареву даже звание старшины на дали?». Александр тоже поддержал эту мысль. На что я сказал подполковнику: «Дайте возможность уволиться в запас в первую партию вместе с моим другом Владимиром Сидоренковым».

Вскоре действительно в ноябре 1976 года в нашу батарею пришёл приказ об увольнении в запас меня и друга Владимира.

Утром в момент нашего отбытия старшина батареи поставил пластинку с мелодией «Прощание славянки». Мы с Сидором сердечно попрощались с сослуживцами. И через некоторое время счастливые ехали домой в поезде.

В марте 1977 года я на жигулях вместе с матерью и своей супругой Ларисой предпринял поездку в Прибалтику. Цель была простая: проехаться, посмотреть, походить по магазинам в глубинке. С самого начала поездки я взял курс на город Алуksне и другие населённые пункты, связанные с моей службой. На одном из глухих перекрёстков я подошел к стоящему военному автомобилю – кунгу, чтобы уточнить маршрут. Пока я разговаривал с водителем, из кунга слышались громкие стуки. Водитель открыл пассажирскую будку. Оттуда выскочили солдаты, которые служили в моей батарее. Мы горячо обнялись. Я понимал своих сослуживцев, которые с ностальгией смотрели на меня, уже свободного человека, в штатской современной одежде, на мою супругу и автомобиль. Им оставалось служить еще год.

Через год мне присвоили звание лейтенанта запаса, а ещё через два года – старшего лейтенанта.

2.5. Учитель и друг. Москва

После прихода из армии передо мной встала проблема: куда идти работать. В комсомол я передумал идти, хотя мне позвонили и сказали, что меня ждёт должность второго секретаря Витебского горкома комсомола. Это было неплохое предложение.

В городе я случайно встретил инженера Игоря Демидова, с которым вместе работали в СКБ ЗИИ и ЗС. Он сказал, что в настоящее время работает начальником первого в Витебске вычислительного центра. Это было началом компьютеризации и являлось весьма перспективным направлением. Он также предложил работу в центре.

Но меня тянуло на работу в институт. Хотелось защитить кандидатскую диссертацию. Я обратился в Витебский педагогический институт имени С.М. Кирова. Меня познакомили с заведующим кафедрой педагогики и психологии Чернышенко Леонидом Дмитриевичем. Он проявил ко мне определённый интерес и предложил работать на его кафедре в качестве ассистента. С декабря 1976 года я приступил к работе. В этом учреждении я проработал основную часть жизни.

Зимой 1977 года я женился и летом хотелось съездить в какое-нибудь свадебное путешествие. Но меня вызвали в партком института и предложили стать командиром студенческого строительного отряда. Это означало, что летом я буду занят. Я пытался сопротивляться. За ме-

ня пошёл к ректору института Горбачёву Андрею Романовичу Леонид Дмитриевич. Ректор вошёл в ситуацию и не возражал. Но партком был непреклонен.

Мой стройотряд (ССО) состоял в основном из студентов художественно-графического факультета. Ребята в большинстве своём были, как и я, после армии, достаточно зрелые.

Отряд мы называли «Зодчие». Нам определили строительный объект недалеко от деревни Крынки в Лиозненском районе, где предстояло строить ферму. Для разбивки лагеря выделили несколько специальных вагончиков. Лагерь практически находился в чистом поле.

Постепенно мы начали налаживать быт. Оборудовали хорошую столовую. Студенты с ХГФ были «с руками». Нам повезло с поварами. Это были две студентки с факультета начальных классов.

Наряду с этим я испытывал тревогу по поводу обеспечения нашей основной работы. Бетон нам подавали нерегулярно. И я часто на своих жигулях ездил в трест «Облсельхозстрой» выбивать материалы. Одновременно я вошёл в контакт с толковым директором местного совхоза «Крынки». Его фамилия была Около-Кулак. Ему были очень нужны рабочие руки. Наши бойцы ССО стали у него подрабатывать: красили фасады зданий, ремонтировали крыши, разгружали вагоны с цементом, удобрениями. Деньги при этом перечислялись на счёт отряда.

Вскоре я выяснил, что главный инженер треста допустил просчёт. Ферму ещё нельзя было строить из-за отсутствия должных подготовительных работ. Я поставил вопрос о нашей передислокации. В конечном итоге нас перебросили в посёлок Тулово рядом с Витебском. Мы стали бетонировать дороги. Жили в местном клубе. Работа была тяжёлой и напряжённой. Мы принимали много бетона. Когда ребята не успевали, подключался я.

От строительной организации за нами закрепили мастера. В своё время он отбыл тюремное заключение за какие-то хозяйственные нарушения. Но в целом человек был хороший, душевный. В августе, по традиции, отмечается День строителя. Мы организовали хороший банкет. На нём присутствовала и моя супруга Лариса. Пригласили мы и нашего мастера. Но он не пришёл. На следующий день мы узнали, что он погиб, попав под трамвай.

В целом мы сработали хорошо. При подведении итогов нам дали второе место в области. Мне вручили Почётную грамоту Витебского облисполкома. Наш отряд заработал относительно хорошие деньги. Осенью мне предоставили отпуск. Мы с женой поехали в путешествие. Выехали утром и думаем на перекрёстке, куда ехать: или в Прибалтику, или в Карпаты. Решили в Прибалтику. Проехали Эстонию, остановились в Юрмале. Но курортный сезон закончился. Было достаточно прохладно. Надо было ехать в Карпаты.

В 1978 году осенью меня направили в колхоз в качестве руководителя группы студентов 2 курса математического факультета на уборку картофеля. Колхоз находился в Сенненском районе. Наша группа попала в центральную усадьбу в д. Большой Озерецк. Разместили нас жить в одноэтажном здании бывшего сельского клуба, переделанного под общежитие. В большом главном помещении жили девушки, а я с двумя парнями-студентами в другой части здания в меньшем помещении. Тут же в здании было выделено помещение под кухню, где были газовая плита и холодильник. Рядом с общежитием стоял дом председателя колхоза, с которым сразу установились хороший контакт и понимание. Он достаточно внимательно относился к нашим нуждам и проблемам. Также хорошие отношения сложились с секретарём парткома Шарендо, моим сверстником. По субботам парни-студенты топили баню, и вся группа была довольна. Я до сих пор с большим удовольствием вспоминаю ту командировку. Между мной и студентами установились очень доброжелательные гармоничные отношения. Видя определённую о них заботу, нормальные условия быта, студенты буквально рвались на работу и показывали высокие результаты, хотя их никто не подгонял. Если вдруг необходимо было идти работать на ток во вторую или ночную смену, от желающих не было отбоя.

Работать поварами на нашей кухне тоже добровольцами вызвались две ответственные девушки. Это был очень нелёгкий труд. Но меню у нас всегда было разнообразное и качественное. Одна из поваров девушка Светлана Лугавцова была дочкой тогдашнего директора индустриально-педагогического колледжа.

Через некоторое время к нам в комнату с ребятами подселили несколько мужчин-инженеров с завода «Монолит». Они тоже оказались очень достойными людьми.

Стояла хорошая грибная погода. И я иногда ходил в грибы. Мне удалось обнаружить удачливое место, где постоянно росли молоденькие стандартные с красными шляпками подосиновики. Они росли не в лесу, а практически на чистом месте под линией электропередачи. Обычно я приносил одно-два ведра. Шефы-инженеры с удовольствием готовили их на костре.

Но не всё было гладко. Постепенно обозначилась довольно серьёзная проблема. Поздними вечерами к общежитию стала подгребать местная молодёжь. Причём среди них часто бывали уже не совсем молодые люди, а приклатнённые, бывшие осуждённые личности. Они стали всё больше наглеть. Типичная картина: уже глухая ночь, в перегородку от девчонок мне стучат. Я встаю, быстро одеваюсь. Вслед за мной начинают просыпаться инженера. Вхожу в помещение к студенткам. Ярко горит весь свет, около нескольких кроватей на табуретах сидят пьяные местные и своим недалёким балагуром не дают спать уставшим девуш-

кам, которым завтра рано утром снова идти на работу. Я подхожу к одному из них и, сдерживаясь, прошу покинуть помещение. В ответ, как правило, звучат угрозы, мат и т.д. Боковым зрением вижу, что шефы уже заняли свои позиции у входной двери. Пора начинать. Быстрым движением выхватываю из-под сидящего табурет, он начинает падать, подхватываю его и передаю инженерам. Дальше они уже его спровожают на улицу. Также с другими. Слышу, на улице раздаётся треск. Это от местных подошло подкрепление, и они разбирают штакетник на оружие. Выскакиваю на улицу, там уже идёт битва с инженерами. Хватаю под руку какую-нибудь жердь и начинаю помогать отбивать атаку. На пороге появляются студентки и кричат:

– Андрей Александрович, Вас убьют.

Я им кричу:

– Так из-за вас же.

Я несколько раз звонил в районный отдел милиции, но она реагировала вяло и с неохотой. Тогда я сел на свой мотоцикл «Ява» и сам приехал к местному руководству милиции и спокойно, но твёрдо сказал, что если не последуют их незамедлительные меры, то завтра я буду в обкоме партии и им мало не покажется. Тут же был снаряжён милицейский уазик и мы поехали в Большой Озерецк. Там я пересел в машину к милиционерам, и мы поехали по деревне. Был выходной и многие из участников ночных нападений мирно копали картошку в своих огородах вместе с родственниками. В данной ситуации маскировки у меня никакой не могло быть. Я говорил:

– Этот.

Машина останавливалась и забирала очередного зачинщика. Понятно, что я автоматически становился личным врагом не только этих личностей, но их родственников. Дня через три их всех выпустили. Несколько нормальных местных ребят меня предупредили, что за мной началась охота. Да я и сам это почувствовал. Особенно по вечерам, когда мне необходимо было контролировать студентов, которым тоже не чуждо было, например, сходить на танцы. Выручал мой мотоцикл, на котором я мобильно перемещался по тёмным дорогам. Были попытки меня перехватить. Но меня вовремя предупреждали, и я уходил. Обстановка становилась нервной.

Но, слава Богу, подошёл срок окончания нашей деятельности. Студентов хорошо рассчитали, вручили грамоты и мы все благополучно вернулись домой.

С Леонидом Дмитриевичем мы довольно быстро сошлись характерами, интересами. Несмотря на разницу в возрасте, он одновременно был моим и учителем, и другом (**фото 38**).

Чернышенко Леонид (Иосиф) Дмитриевич (1924–1995) был очень колоритной личностью широкой души и благороднейшим человеком.

Сегодня (я пишу эти строки 21 ноября 2012 года) я могу с уверенностью себе сказать, что в моей жизни было всего два знаковых человека: мой дедушка Василий Сисоевич и Леонид Дмитриевич. По паспорту его имя было Иосиф, но в жизни он любил, чтобы его называли Леонидом. Он объяснял данное разночтение тем, что, когда его крестили в сельской церкви, батюшка, наверное, был навеселе и ошибочно записал другое имя.

По национальности Леонид Дмитриевич был украинец из числа переселенцев на Дальнем Востоке. Внешне он был очень красивый, подтянутый и хорошо пел украинские песни. Во время Великой Отечественной войны он добровольцем пошёл на фронт. Ему было всего 17 лет и по возрасту он не подлежал призыву. Но Леонид прибавил себе пару лет и был отправлен служить на военно-морской флот. Он служил в Корее, воевал с японцами, был ранен. Награждён медалью «За победу над Японией» и орденом Отечественной войны II степени.

Леонид Дмитриевич по природе был очень одарённым человеком. В нём удачно сочетались высокий интеллект и умение работать физически. Он рассказывал, что после войны, когда работал учителем в г.п. Сураж, у него не было столярного инструмента, а дом требовал ремонта. Так он всё сделал одним топором, в том числе и новые оконные рамы. В то время он также писал портреты людей.

До научной деятельности Леонид Дмитриевич Чернышенко работал учителем, 15 лет директором лучшей в г. Витебске СШ № 15. О школе знал всё. В этом он похож на известного советского педагога В.А. Сухомлинского. Например, на практике в школе для студентов Л.Д. Чернышенко мог виртуозно дать анализ любого урока, детально раскрыть сильные и слабые стороны учебно-воспитательного процесса.

Вскоре Леонид Дмитриевич поставил передо мной задачу учёбы в аспирантуре в Академии педагогических наук СССР в Москве. Я сдал кандидатские экзамены, прошёл собеседование и был зачислен в аспирантуру на дневное отделение (1979 год).

На первом году обучения в аспирантуре работа над диссертацией главным образом заключалась в занятиях в главной библиотеке СССР имени В.И. Ленина. В диссертационном зале мы проводили анализ диссертационных исследований близких к данной теме диссертации.

Постепенно я познавал Москву. Это бесконечный город. Со временем я лучше ориентировался в Москве, чем в Минске.

Проживал в общежитии от Академии на 15-м этаже по улице Каховской на юго-западе Москвы. Сначала я жил в «трёшке» (3-местная комната). Мне повезло с соседями по комнате. Один из них мой земляк из Мозыря Василий Адамович Юдицкий, другой – Валерий Прядеин из Свердловска (ныне г. Екатеринбург). В соседней комнате в нашем блоке жил староста этажа Владимир Бутов из Курска. Как староста он имел

право на проживание в единственном лице в двухместной комнате. Мы с ним быстро сошлись и хорошо понимали друг друга. Позже он рекомендовал меня в старосты и на III курсе я тоже проживал один. Это было очень важно для успешной работы над диссертацией. Я обычно продуктивно работал ночью, и мне не нужно было подстраиваться под соседа. Тогда не было компьютеров. Я купил себе портативную пишущую машинку «Москва» и на ней отпечатал все черновые материалы.

Моим научным руководителем был Атутов Пётр Родионович. В тот момент он являлся членом-корреспондентом Академии и заместителем директора НИИ общей педагогики. Это был элитный руководитель. Его хорошо знал мой учитель Леонид Дмитриевич и составил мне хорошую деловую протекцию. В то же время я не подвёл Леонида Дмитриевича и был на хорошем счету у П.Р. Атутова.

Леонид Дмитриевич частенько навещался в Москву по научным делам. К тому времени он защитил уже докторскую диссертацию, стал профессором. Он пользовался авторитетом в московских научных кругах.

По приезду в Москву он с вокзала сразу отправлялся ко мне. Мы завтракали, обменивались новостями. Леонид Дмитриевич быстро вникал в ход моей работы над диссертацией и вносил необходимые коррективы. Это была неоценимая помощь. Между тем об умном и современном профессоре из Витебска быстро прослышали наши аспиранты. Многие из них через меня просились к нему на научные консультации. Он не отказывал. Леонид Дмитриевич, обладая обострённой научной интуицией и особым исследовательским чутьём, быстро входил в совершенно новую для него тему и тут же давал содержательную консультацию. Иногда краткое с ним общение могло повернуть научную концепцию аспиранта на 180°, и, как правило, это был наиболее выигрышный вариант.

В общежитии жили аспиранты разных национальностей. Особенно много было русских, белорусов, молдаван, казахов. Учились также люди из других стран: Германии, Кубы, Вьетнама, Ирака, Мексики, Франции.

Так как со временем я стал старостой 15-го этажа, то меня периодически землячества приглашали на свои национальные праздники. Благодаря этому я хорошо узнал кухню разных народов. Больше всего мне понравилась бурятская и, в частности, блюдо бозы.

В Академии отношение к аспирантам было хорошее, достаточно демократичное. Чувствовались солидная научная школа, традиции лучшей научной элиты. В отличие от многих периферийных аспирантур, здесь отсутствовал буквальный, «механический» подход к подготовке аспирантов, больше ценились самостоятельность, творчество, импровизация. За время обучения в Академии аспиранты приобретали огромный гуманитарно-гуманистический потенциал. Я вспоминаю, как многие

старшекурсники-аспиранты в общезитии вели между собой сложнейшие методологические диспуты.

В одну из зим АПН СССР организовала Школу молодых учёных в г. Ростове Великом в Ярославской области. Сюда же был приглашён и Леонид Дмитриевич в качестве лектора. Мы снова встретились. Ему как известному учёному полагался отдельный номер. Но он настоял на том, чтобы нас поселили в более простом и вместе. В свободное время мы гуляли по красивому древнему городу, любовались морозной северной зимой, общались.

Перед аспирантами выступали многие известные учёные, больше столичные. Но вот выступает Леонид Дмитриевич. Говорит свободно, без бумажки, хорошим научным языком. Ему аплодировали больше всех. Настоящий доктор наук и профессор.

В сентябре 1981 года я должен был лететь на научную конференцию в г. Нижний Тагил вместе с сотрудниками нашего НИИ. Но неожиданно я получил срочную телеграмму о смерти моего любимого дедушки. Я позвонил П.Р. Атутову и договорился о моей замене. Вместо меня поехал аспирант (родом из Бурятии) Сергей Дашиевич Намсараев. Срочно приехав в Витебск, я принял участие в траурной церемонии.

В 80-х годах в Витебске были значительные трудности с продовольствием. Поэтому каждый раз, выезжая домой, я вёз с собой продукты: колбасу, сливочное масло, конфеты, фрукты и др. Из дома я вёз в Москву банки с соленьями, сало, овощи. Это были тяжёлые ноши и я всё время мечтал, что когда-нибудь поеду в поезде свободным от поклажи.

Следует заметить, что тогда советские люди усиленно гонялись за колбасными изделиями. В то же время, по крайней мере в Москве, прилавки магазинов ломились от качественного мяса. По совету матери я стал покупать баранину, которая всегда была свежей и хорошего качества. Стоила она всего 1 рубль 80 копеек за килограмм. Это было дешевле свинины и говядины. Я варил баранину в кастрюле со специями, и получалось изумительное блюдо. В магазинах «Дары природы» свободно продавались тушки рябчиков, глухарей, мясо лосей, кабана, оленей и даже медведей.

Как-то я собрался ехать домой. В этот день я отложил все дела и занялся закупкой продуктов. Стояла зима. На мне было приличное пальто синего цвета, сшитое в год свадьбы, добротная норковая шапка. В Москве в то время тоже далеко не везде можно было свободно купить продукты. Их разбирали многочисленные приезжие. Я помню, как в самом центре Москвы на улице Горького (ныне Тверская) стояла огромная очередь за лимонами. Но на окраинах Москвы, вдалеке от вокзалов, в ограниченном ассортименте продукты были.

Обойдя знакомые торговые точки, я решил перекусить и зашёл в пивной бар. Было утро и местных пьяниц почти не было. В баре было

чисто. Я купил незамысловатую еду и хотел ещё к пиву взять креветок. Но они были очень маленькие и размазанные.

Только я подошёл к высокому столику без стульев, как ко мне обратился незнакомый человек со странным вопросом: «Быть может Вам здесь неудобно?». Он был без верхней одежды, и я понял, что это кто-то из руководства бара. Я подумал несколько секунд и решил поиграть. Я ответил: «А что Вы можете предложить?». Человек отвёл меня в офисную комнату, заботливо снял с меня пальто и предложил присесть за его директорский письменный стол. Он дал команду, и работники быстро заменили пиво, принесли качественную закуску и, в том числе, огромные креветки. Я попробовал их и сказал, что они очень вкусные. На что директор с гордостью ответил: «Так они же выварены в пиве». Затем он предложил мне закурить сигареты «Мальборо» (по тем временам не доступные рядовым гражданам).

Я угощался, курил дорогие сигареты. Через полуоткрытую дверь со мной весьма вежливо здоровалась обслуга. В моей голове роились мысли: «За кого меня принимают?». Наконец пришла ясность. Директор неожиданно спросил: «А как поживает подполковник Иванов?». Я ответил, что он уже полковник. Директор искренне удивился: «Смотри, как растут люди».

Посидев ещё немного, я подумал, что мне пора сматываться. Я посмотрел на часы и озабоченно произнёс: «Пора, служба». Директор приглашал заходить ещё. Снова сам одел на меня пальто и хотел проводить меня на улицу. Я сделал жест рукой и сказал, что меня ждёт машина. Он понимающе остановился. Больше я в тот бар не заходил.

На каждом этаже аспирантского общежития периодически проходили банкеты, посвященные текущим праздникам, защита диссертаций. Оставалось много пустых бутылок. Василий Юдицкий, будучи человеком очень экономным, собирал их в большие сумки, чемоданы. Ну и когда деньги у нас заканчивались, бутылки надо было сдавать. Сделать это было не совсем просто, так как в приёмных пунктах обычно висело объявление «Тары нет». Я разработал успешную схему. Сравнительно недалеко от общежития находился продовольственный магазин, при котором был пункт приёма стеклотары. Территория возле магазина была огорожена высоким забором. Я подходил к закрытым железным воротам и начинал стучать кулаком. Ворота гремели. Затем открывалось, как в тюрьме, маленькое окошечко и грубый голос спрашивал: «Чего надо?». Я показывал «корочку» с красной обложкой. Это было аспирантское удостоверение. Ворота тут же открывались и меня пропускали. За мной шли мои ребята с сумками. Этот же голос их останавливал: «А вы куда?». Я говорил: «Они со мной». И их пропускали. Во дворе обслуга быстро подносила нам пустые ящики и помогала расставлять бутылки.

В нашем общежитии несколько этажей было отдано под проживание слушателей повышения квалификации. Слушатели, как правило, были преподавателями различных вузов СССР. Один из них, мой знакомый, хорошо знавший Москву и работавший уже заведующим кафедрой, предложил нам сходить в Большой театр.

Мы с друзьями удивились, так как в то время попасть в Большой было практически невозможно. Артур сказал, что знает хороший вариант.

В определённый день мы отправились в кассы, которые находились рядом с театром. Мы заняли очередь и стали ждать, когда начнут продавать нереализованные билеты по брони. По залу периодически прохаживался милиционер в форме капитана. В какой-то момент он исчез, и группа людей мгновенно стала выдергивать из очереди очередников и на их место ставить своих. Нас не тронули. Видимо, по той причине, что нас было несколько и все достаточной комплекции. Таким образом, мы познакомились с действиями преступной группы.

Мы благополучно приобрели билеты и попали на балет «Анна Каренина». В главной роли танцевала сама Майя Плисецкая.

Однажды во второй половине дня я стоял на площади перед огромной гостиницей «Пекин» и наблюдал следующую картину. Служебный милицкий жигулёнок подвёз к гостинице какого-то милицкого полковника. Скорее всего, он пошёл на «деловую» встречу в известный ресторан «Пекин». Водитель-милиционер остался ждать в машине. Вдруг из ресторана вышло несколько верзил навеселе. Один из них ногами стал громить многочисленные легковые авто, стоящие на площади перед гостиницей. Это было очень нагло и тем более средь бела дня. Милиционер в машине даже не попытался принять каких-то упреждающих мер, в том числе, по радиации вызвать наряд милиции. Хулиган ещё долго куражился над стоящими авто.

Москва уже в то время была значительно криминализована и коррупционирована. Почти все рестораны были расписаны за какими-то группировками. Но мы тогда об этом не знали. Обычно на дверях ресторанов висела дежурная вывеска «Свободных мест нет», хотя через окна зачастую можно было видеть, что зал почти пустой. На входе обычно стояли швейцары с пухлыми и наглыми рожами. Об этом пишу не потому, что аспирантам, как и другим обычным людям, никак нельзя было обойтись без ресторанов. Просто эти явления были на виду и резко контрастировали с официальными представлениями о жизни общества.

Однажды вечером в выходной день я возвращался из библиотеки В.И. Ленина. Очень хотелось есть. В общежитии на этот раз у меня никаких съестных припасов не было. Гастрономы уже были закрыты. Где-то недалеко от библиотеки в центре города встретился ресторан «Узбекистан». Вход оказался почему-то свободным. Я зашёл. В полумраке за столиками сидели люди. Я выбрал небольшой свободный стол и стал

ждать подхода официанта. Однако он не торопился. Вскоре я почувствовал себя очень неудобно и некомфортно. Дело в том, что когда мои глаза адаптировались к слабому освещению, я достаточно отчётливо увидел, что окружающий контингент как-то единодушно и неприязненно смотрел на чужака. Посидев ещё некоторое время и убедившись, что мое первое впечатление не иллюзия, я встал и покинул без сожаления данное заведение. Находиться там было небезопасно.

Как-то раз зимним субботним вечером мы собрались небольшой компанией друзей-аспирантов пойти в местный ресторан «Азов». Это был окраинный московский ресторан, построенный по современному типовому советскому проекту без архитектурных излишеств. Нас было человек шесть и все как на подбор, высокого роста и крепкого телосложения. Сдали одежду в гардероб и по лестнице поднялись на второй этаж в большой зал. Там сидело много людей, но свободный столик нашёлся. Сделали заказ и непринуждённо разговариваем. Из странного показалось только то, что в центре зала за одним столом сидело несколько людей уже в возрасте в меховых шубах. Мы про себя их назвали «дедами». Шубы они расстегнули, но почему-то не сняли.

– Наверно для понта, – подумали мы.

Через некоторое время мы обратили внимание на то, что недалеко от нас беспричинно начинают обижать нескольких парнишек. Мы заступились за них. И здесь вдруг видим «деды» делают выразительный жест и говорят фразу:

– Убрать их.

И тут встаёт почти весь зал и двигает на нас. Мы поняли, что все они – одна криминальная группировка. Мгновенно сориентировавшись, мы стали быстро продвигаться к гардеробу и дверям на выход. При этом по возможности сдерживали натиск толпы, благо лестница была довольно узкая. Всё происходило очень быстро. Не помню точно как, но вскоре все мы благополучно оказались на морозной улице. Правда, кого-то последнего мы уже силой вырвали у наседавших бандитов. Кстати, все наши ребята прошли срочную службу в армии, что тоже помогало нам.

К нашему счастью, именно в это время возле ресторана оказался милицейский патруль: лейтенант и сержант с немецкой овчаркой. Один из нас, наиболее сообразительный, подбежал к лейтенанту и успел сказать, что мы, мол, следователи по особо важным делам, приехали на всесоюзное совещание и что если с нами что-нибудь случится, он будет отвечать. Лейтенант дал команду сержанту с собакой на поводке держать круг вокруг нас. К этому времени на улицу высыпала вся шайка, обступив нас кругом. Они кричали и угрожали. Требовали от лейтенанта выдать нас, а то, мол, и с тобой разделаемся. Вышли сюда и «деды». Наверно, очень сильно мы задели их самолюбие своим протестом.

Овчарка бешенно рвалась с поводка и держала спасательный круг. Лейтенант в создавшейся крайне напряжённой ситуации незаметно шепнул нам, что они постепенно будут сдвигаться вместе с собакой к станции метро «Каховская», а затем спасение уже дело наших ног. Действительно, в процессе жёсткой перепалки, когда к нам тянулось множество цепких рук братвы, мы всё же стали медленно смещаться. В один из моментов сержант овчаркой разорвал окружающее нас плотное кольцо, и мы рысью понеслись к светящемуся впереди метрополитену. Незамедлительно за нами раздался громкий топот десятков ног. В голове у каждого из нас, как потом выяснилось, была только одна мысль: не поскользнуться и не споткнуться. Иначе раздавили и убили бы. Но наши ноги не подвели. Всё обошлось.

В начале сентября я приехал в Москву с летних каникул. Утро было раннее, солнечное. Я подошёл к окну и увидел, что возле небольшого водоёма круглой формы происходит какое-то движение. Один из людей ездил по водоёму на надувной резиновой лодке и что-то доставал из воды. Позже выяснилось, что там обнаружили расчленённые останки человеческого тела.

Некоторые аспиранты подрабатывали на огромнейших московских очистных сооружениях. Они рассказывали, что туда нередко приплывали самые неожиданные предметы, в том числе, фрагменты человеческих останков.

Незадолго до окончания аспирантуры прямо перед зданием нашего общежития построили модное тогда заведение – диско-бар. Там до поздней ночи всегда было многолюдно. В основном отдыхала молодёжь. Но и забот сразу прибавилось у криминальной милиции Севастопольского района. Достаточно часто там совершались странные убийства. Причём как в позднее время суток, так и в дневное. Распространённой была ситуация, рассказывали очевидцы, когда сидящий за столом человек вдруг падал со стула или продолжал сидеть, но он уже был мёртвым. Кто-то умело использовал орудие убийства в виде шила.

На первых четырёх этажах здания общежития располагалась гостиница. В ней сама собой как-то обосновалась группа армян. Они занимались промыслом по перегону куда-то новеньких автомобилей «Жигули» и «Волга». У них был хорошо налаженный канал поставки этих самых дефицитных вещей в Советском Союзе. Обычно под вечер вдоль здания выстраивался ряд престижных моделей «Жигулей» и одна-две «Волги». В одну из ночей кто-то из аспирантов бросил вниз бутылку из-под шампанского, наполненную водой. Она попала в крышу «Волги» и пробила её насквозь. На следующий день поднялся большой шум. Армяне активно рыскали по этажам и пытались выявить виновника. Но никто ничего не знал.

С одной стороны общежития был большой пустырь. Над ним проходило несколько мощнейших линий электропередач, которые несли

энергию для Москвы. Аспиранты называли этот пустырь «собачником», так как многие москвичи здесь выгуливали своих питомцев. В один из осенних дней на пустырь приехала грузовая машина «ЗИЛ» с саженцами деревьев. Рабочие жилкомхоза начали озеленение. Шёл мелкий осенний дождик. Вдруг раздалась серия сильнейших взрывов. Все бросились к окнам. Оказывается, в одном месте верхушки саженцев в кузове слегка коснулись проводов. Мгновенно пошёл сильнейший электрический разряд. В первое мгновение шофёр успел выскочить из кабины и отбежать в сторону. Другими разрядами были пробиты шины автомобиля и земля вокруг стала под шаговым напряжением. Рабочий, который был в кузове, тоже спрыгнул на землю, но несколько позже и тоже побежал, но тут раздалась новая серия разрядов и он замертво упал под воздействием шагового напряжения.

В августе 1980 года в Москве прошли Олимпийские игры. Москва к ним готовилась серьёзно, были построены различные новые объекты. В частности, поставили много автоматов для воды в районе Белорусского вокзала. Впервые в них стали продавать «Фанту», но она стоила довольно дорого – 20 копеек, а не 3 или 5 копеек, как простая газированная вода. Появилось много объектов общественного питания в виде огромных павильонов. Но они не были такими уютными, как старые кафешки и забегаловки. Хотя в них и не было очередей. Этим же летом умер Владимир Высоцкий. Осенью мы с друзьями по традиции поехали в парк «Сокольники». Рядом с ним стоит Еноховский собор. В нём отпевали Высоцкого. Мы зашли в собор. Народу днём было совсем немного. Но меня поразил факт, который в то время на периферии был бы не возможен. В собор вошли два милиционера сержантского состава в форме. По всему было видно, что они находились при исполнении. Они молча сняли свои фирменные фуражки и стали истово молиться. Если бы это происходило не в Москве, то они бы уже впоследствии в органах не служили.

В 1982 году заканчивался мой срок пребывания в аспирантуре. Я спешил закончить диссертацию. Хотелось домой в Витебск. Стол и пол в комнате были завалены бумагами. Когда в очередной раз приезжал Леонид Дмитриевич, он помогал мне распутать какой-нибудь теоретический клубок. Я продолжал работать. Особенно хорошо мне работалось ночью. Иногда и до самого утра.

В один из дней на пороге моей комнаты неожиданно появился Владимир Бутов. Он к тому времени уже закончил аспирантуру, правда без защиты диссертации, и исчез из виду. После краткого обмена приветствиями Владимир сказал, что приехал ко мне с деловым предложением. Он пояснил, что сейчас работает директором Международного молодежного центра «Жемчужина», который находится в очень живописном месте Подмосковья. ММЦ «Жемчужина» принадлежит ЦК ВЛКСМ. Центр имеет прекрасную материальную базу. В нём больше отдыхает

зарубежная молодёжь. Владимир предложил мне должность заместителя директора. Он сказал, чтобы я посмотрел в окно с нашего 15-го этажа и показал мне чёрную «Волгу», заметив, что точно такая будет моим персональным служебным автомобилем. Это было весьма престижно. Я попросил его дать мне отсрочку пару месяцев до защиты диссертации. Но он сказал, что ждать не может. Больше я его не видел. Правда, через полтора-два года ко мне домой в Витебск пришёл по почте автореферат диссертации Владимира для внешнего отзыва. Я написал положительный отзыв и отправил. Предложение Владимира было одним из самых интересных в моей жизни, о котором я несколько сожалел.

На предварительном обсуждении диссертации в одном из отделов НИИ АПН СССР меня попытались изрядно потрепать. Но я успешно отбил атаки. Так, наверно, мой руководитель хотел проверить мою готовность и зрелость.

За месяц или два до окончания аспирантуры я успешно защитил диссертацию. Сразу после защиты ко мне подошёл мой шеф Петр Родионович Атутов и сердечно меня поздравил. К тому времени он был уже академиком и директором НИИ. Поздравляя, он протянул мне лист бумаги. Я прочитал его. Это было разрешение Моссовета на мою постоянную прописку в Москве с целью дальнейшей работы в Академии. Пётр Родионович сказал, что возлагает на меня определённые надежды и предложил сразу начинать работать над докторской диссертацией и даже показал стол, за которым я буду сидеть. Но работа в НИИ и написание ещё одной диссертации не входили в мои планы. Меня тянуло на родину, к природе, к живой работе.

Через некоторое время под каким-то предлогом я отказался от предложения. Шеф некоторое время обижался, но постепенно отошёл от обиды.

Вскоре я приступил к работе в качестве доцента в Витебском государственном институте имени С.М. Кирова, который позже был аккредитован на университет. В Витебске я по-прежнему тесно дружил с Леонидом Дмитриевичем Чернышенко. Часто вместе бывали на природе, собирали грибы, ловили рыбу. Так прошло ещё 13 лет. К глубокому сожалению, осенью 1995 года Леонида Дмитриевича не стало. У него было больное сердце. Умер он внезапно. Светлая память.

Надо сказать, что такие благородные красивые личности, как Леонид Дмитриевич зачастую вызывают зависть у определённой части людей, недоброжелательность. Всё это не способствовало здоровью Леонида Дмитриевича. Институтские недоброжелатели пытались распространять о нём ложные слухи, сплетни, строили козни. Но Леонид Дмитриевич мужественно и с достоинством преодолевал их. Под его личным научным руководством многие преподаватели защитили кандидатские диссертации, получили звание профессора.

В 1986 году я получил назначение на должность секретаря парткома института. В то время это был практически второй человек после ректора. Работа была живая, с людьми, хотя и утомляла. Меня хорошо воспринимали в Первомайском райкоме партии, горкоме, обкоме. Сложились хорошие отношения с первыми секретарями Первомайского РК КПБ Кулаженко Святославом Михайловичем, Шклеиник Светланой Александровной, заведующим отделом организационной работы обкома партии Глушкевич Евгением Михайловичем, его заместителем Сухаме-рой Игорем Петровичем, Щурком Иваном Антоновичем, который являлся начальником управления образования Витебского облисполкома.

В то время жизнь свела меня с тремя хорошими людьми – Косак Фёдором Петровичем, Юшкевичем Олегом Петровичем, Жуковым Василием Петровичем.

В 1989 году в моём кабинете раздался телефонный звонок. Звонила секретарь приёмной 1-го секретаря обкома КПБ Витебской области. Она сказала, что сейчас с Вами будет говорить первый секретарь Григорьев Владимир Викторович. Владимир Викторович поздоровался и сказал, что у руководства обкома сложилось хорошее впечатление о моей работе и мне предлагают должность первого заместителя заведующего идеологическим отделом. Я согласился. Я не любил долго сидеть на одном служебном месте.

Работа в обкоме была не простая. С одной стороны, большая загруженность. Приходилось работать и в выходные дни. В то время обком партии был главным руководящим органом в области. Облисполком играл больше исполнительские и представительные функции.

С другой стороны, внутри обкома было определённое противостояние в руководстве. Не все поддерживали линию нового первого секретаря В.В. Григорьева. Владимир Викторович был руководителем нового поколения. Он отличался напористостью, свежестью идей, грамотностью. По его инициативе Витебск стал столицей международного фестиваля польской песни, который затем трансформировался в Славянский базар. Также при его непосредственном участии был построен амфитеатр.

В 1990 году я получил из Москвы приглашение на годичную научную стажировку. В.В. Григорьев меня поддержал, и я снова уехал в Москву.

В период моей работы секретарём парткома мы с супругой приобрели путёвку на отдых в партийный Дом отдыха недалеко от Гагры «Солнечный». Это было весной. Море ещё было холодное. Но был большой тёплый открытый бассейн. Природа и климат на Кавказе изумительные. Горы молодые, высокие и покрытые зелёными лесами. Необыкновенный воздух. Рядом с Домом отдыха располагалась одна из дач Сталина.

В этот же период я был поощрён поездкой в Сирию в составе группы учёных из разных союзных республик СССР. Хотя мы оплачивали 50% от стоимости поездки, всё равно она обошлась нам довольно дорого.

В аэропорту в Москве представители таможни вели себя разнузданно и нагло. Они стремились что-нибудь изъять чуть ли не у каждого туриста под видом недозволенного. Ко мне прицепилась женщина-таможенник и хотела изъять мой фотоаппарат «Зенит Е», который я якобы везу на продажу, бутылку шампанского. Но я своего не отдал.

Первый раз за границу я выехал в 1987 году в Польшу. Я возглавлял делегацию учёных нашего института в Высшую педагогическую школу в Зелёной Гуре на научную конференцию. Зелёная Гура была побратимом г. Витебска. Уже тогда обращали на себя внимание суровость и грубоватость советских служащих границы. К члену нашей делегации пристал таможенник с вопросом, почему тот не задекларировал обручальное кольцо. А майор-пограничник громовым голосом приказал покинуть купе для досмотра.

В Зелёной Гуре нас тепло встретил мой друг секретарь парткома Высшей педагогической школы Андрей Чарковский.

В эти годы я дважды побывал в Забайкалье. Друзья-аспиранты приглашали на научные конференции в Улан-Удэ. Конечно же, оба раза удалось побывать на самом Байкале. К тому времени мой друг Сергей Дашиевич Намсараев уже успел стать министром образования Бурятии. Меня принимали на высоком уровне. Также меня хорошо встретили Георгий Назаров, Галина Ошорова. Мне очень понравились те места. Прекраснейшая природа: сопки, покрытые тайгой, чистые реки, грибы рыжики, высокое синее небо **(фото 39)**.

Понравились люди: добрые, гостеприимные. Буряты хорошо знают свою историю и справедливо чтут её и своих предков. Они очень уважают свои глубокие традиции. У бурятов культ семьи, детей.

Сергей Намсараев организовал для меня поездку в Дацан. Это буддистский центр, монастырь в Иволгинском районе. В то время официальные поездки в монастырь не поощрялись.

С 1991 по 1995 год я работал проректором по научной работе. При моём участии педагогический институт был аккредитован на университет. В эти годы мне было сделано ещё одно серьёзное предложение: стать ректором Витебского технологического института легкой промышленности. С 1997 по 1999 год работал проректором по воспитательной работе. С 1999 по 2014 год работал заместителем декана по учебной работе юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. В настоящее время работаю доцентом кафедры истории и теории права и заведующим Лабораторией правового информирования.

Я благодарен ректору Виктору Никоновичу Виноградову, который долгие годы профессионально руководил коллективом университета **(фото 40)**.

2.6. Кирюшкины рассказы

Начало

Мой дедушка Андрей говорил мне, что раннее детство обычно забывается. Поэтому я решил его описать сейчас, пока помню. Мне ещё шесть лет.

Моё детство в основном проходит на самой южной окраине Витебска. Там расположен мой родительский дом, где я живу с папой Игорем, мамой Любой и сестрёнкой Настей. Также я часто бываю в Лучосе в доме моих дедушки Андрея и бабушки Ларисы. Кстати, первый год своей жизни я прожил в Лучосе. Там мы с дедушкой начали ходить в первые наши путешествия на речку Лучоса.

Обычно нам нужно было проходить мимо сгоревшей деревянной спортивной базы. Для интереса мы стали называть это место «горелая хата». Когда мы собирались на речку, дедушка всегда говорил:

– Пойдём на речку и перепрыгнем через овечку.

Овечку мы обычно не встречали, но видели стадо коз, которые при нашем приближении разбегались. Дедушка при этом советовал через козу не прыгать, потому что у неё есть рога.

Там, где дорожка спускается с горы к реке, нас встречали заросли борщевика Сосновского по обе стороны. Я его очень опасался. В прошлом году я попросил дедушку посечь один куст борщевика прутом. Через несколько дней он показал мне свою правую руку: на ней от плеча были некрасивые ожоги от сока борщевика. Он пояснил:

– Видишь, сок незаметно по пруту попадал на руку. Но в тот день было пасмурно, а сок борщевика начинает действовать только на солнце. И вот позже он подействовал.

В Лучосе есть гора, которая называется Городище. На ней в древние времена жило племя наших предков. Гора с двух сторон омывается ручьями. В годы войны гитлеровцы установили на ней два дзота. Они сохранились.

Летом на берегу Лучосы интересно. На тропинках соснового бора можно встретить много больших виноградных улиток. Мы их обычно сбрасывали с дорожек, чтобы их не раздавили велосипедисты или тренирующиеся спортсмены. Однажды я нашёл около 40 улиток.

На речке возле берега много стрекоз. Они все цвета аквамаринов. Такие стрекозы водятся только на Лучосе. На них хорошо берутся голавли.

Дедушка рассказывал, что по берегам Лучосы находили много кладов, так как в средние века по ней проходили важные торговые пути. Нам пока клады не встречались.

На высоком берегу Лучосы из-под огромного валуна бьёт прекрас-

ный родник. Он находится недалеко от школы-интерната для слабослышащих детей. Однажды какой-то человек сделал к нему ступеньки и красивую арку из дерева. Но вскоре всё это уничтожили неосознательные люди. Родник сейчас зарос борщевиком и захламлён. Надо бы исправить такое положение.

Немного дальше по высокому берегу расположился красивый большой пруд. Его называют архиереевским. Пруд сильно зарастает. Рядом растёт живописная сосна. На ней сделали наблюдательный пункт, на который можно забраться по вбитым толстым гвоздям.

В жаркую погоду хорошо искупнуться в Лучосе. У нас есть своё любимое место. Там расположилось царство камней. Одни из них выступают из воды, другие – полностью под водой. Под ногами нежный песочек. Если песок начать болтать ногами, то вскоре подплывают песчарики и аккуратно щекочут. Многие люди оставляют на берегу мусор.

Юрьева Горка

Мне нравится это место. Я там бывал много раз в разное время года. На Горке много оврагов и рвов. Вот мы с дедушкой идём по одному из них. Здесь за день до прихода немецких захватчиков спасались от страшной жары жители города. Город сильно горел и люди побежали спасаться на Юрьеву Горку. Но ночью в верхней части рва раздались взрывы и многие люди погибли. Кровь текла ручьём. Позже в некоторых рвах немцы потихоньку расстреливали людей.

Самый большой и глубокий ров на Горке – Яновский. На краю рва стоит высокая сосна с оборванной тарзанкой. На самый верх сосны можно забраться по вбитым толстым гвоздям. Но сделать это сможет далеко не каждый, потому что страшно.

На гребне горы есть железная дверь в холме. Это вход к большим водным запасам.

Осенью на Юрьевой Горке собирают разные съедобные грибы. Мы находили сыроежки и красивые подберёзовики. Однажды я наступил на большой зрелый гриб «дождевик». Из него вырвалось большое облако чёрного-пречёрного дыма. Дедушка стоял рядом, и его обувь и брюки стали чёрными, как сажа. Мы долго хохотали.

На южной части Юрьевой Горки есть Золотая Гора. Там найдено два подземных хода. Но мы их ещё не исследовали.

Шахматы

У меня сегодня был трудный вечер. Мы начали играть партию в шахматы. Она затянулась, а мне уже надо было ехать домой. Дедушка предложил прекратить игру. Я не согласился. Тогда дедушка сказал, что он сдаётся. Я не принял этого предложения. Тогда дедушка немного разозлился и стал по-настоящему меня громить. Но я играл до последней

фигуры. В конце дедушка похвалил меня за упорство, за то, что я, как он сказал, дрался до последнего патрона, как говорили в военных кинофильмах: «Врёшь, не возьмёшь...».

На краю леска

Дедушка рассказал, что он ранее исследовал леса в южном направлении от Витебска и нашёл несколько горок гильз от снарядов. Он также сказал, что это было давно и поэтому не уверен, что сможет их найти. Мы отправились в путешествие. Недалеко от деревни Крестьянка мы начали поиски. По особым приметам сравнительно быстро нашли первое место на краю леска. Здесь проходит тропинка, и гильз почти не осталось. Вскоре мы обнаружили второе место. Оно было более глухое. Тут много ржавых пустых снарядных гильз. Дома по военному энциклопедическому словарю мы определили, что это гильзы раздельно-гильзового заряжания. Гильзы сильно заржавели, и пока не понятно, советские они или немецкие.

По всему видно, что в этих местах шли очень сильные бои. Наверно, здесь хотели прорваться фашисты из окружённого Витебска нашими войсками в 1944 году.

В этом лесу много остатков блиндажей, тайных постов. Здесь некоторые лесные дороги вымощены красным кирпичом. Их делали советские военнопленные. Немцы использовали такие лесные дороги в случае приближающейся опасности.

Недалеко от этого места на краю болота мы обнаружили немецкое кладбище. Многие могилы кем-то отрыты. Мы нашли также поверженный памятник погибшему молодому немецкому солдату. Больше памятников не было.

Охота за поездами

Меня очень интересуют поезда. Много времени мы потратили с дедушкой на наблюдения за ними. Мы их долго ждали на разных безымянных переездах и днём и вечером, в любую погоду. Я махал рукой машинисту и частенько получал в награду гудок для меня.

Дедушке обычно нравились безымянные переезды за городом в лесах. Я спросил:

– Почему?

Он ответил:

– На них всегда стоит замороженная тишина, здесь нет суеты и можно спокойно подумать о главном.

Много раз мы приезжали на станцию «Медвёдка». Там на запасных путях часто отдыхали товарные составы и ремонтные поезда. В непогоду мы заходили в здание станции. Там мне нравился большой макет пассажирского поезда с голубыми вагонами. Он как бы шёл по мосту через

бурную реку. Спустя два года в здании сделали ремонт, и поезд исчез.

Лебеди

Начались первые морозы. Сегодня 26 октября. Мы отправились на озеро Городно, что возле Сосновки. У берега первый лёд. Нам удалось несколько льдин отколоть и отправить в путешествие по озеру. Сильный ветер погнал их по волнам на середину озера. Я поинтересовался:

– А могут ли в этом озере жить русалки?

– Наверно, могут, – подумав, сказал дедушка. – В Беларуси наши предки всегда верили в русалок. Их даже хорошо описал знаменитый поэт Адам Мицкевич. Он их много раз наблюдал на озере Свитязь недалеко от Новогрудка. Озеро то было круглое и не очень большое, почти как это, на котором мы сейчас находимся. Его берега были усыпаны разноцветными камешками, а близ воды росло много красивых дубов и ив.

Больше всего русалки любят качаться на ветках деревьев над водой. Когда они видят проходящего человека, то стараются его заманить, говоря: «Иди к нам на арели (качели), будем колыхаться». Если кто поддастся на эту уловку, то они его зашекочут до смерти.

Немного помолчав, дедушка продолжил:

– Видишь, на той стороне озера есть сосновый борок, на самом берегу. Вполне возможно, что они там могут обитать. Но русалки далеко не всегда любят показываться на глаза людям.

Одна из отколотых нами льдин как раз плыла в том направлении. А вдруг русалки захотят прокатиться на нашей льдине.

Вдалеке на воде сидела стая белых лебедей-кликунов. Они, наверно, отдыхали перед дальней дорогой. Дедушка рассказал, что ещё есть лебеди-шипунуны, но у них шея выгнута сильнее. Спустя некоторое время лебеди стали мощными взмахами крыльев разбегаться по воде. Вскоре вся стая была в воздухе. Она полетела прямо над нами на юг. Мы побежали за ними и кричали:

– Колесом дорога, колесом дорога...

Так принято делать в Беларуси, чтобы птицы в дальней дороге не сбились с курса и весной снова вернулись на Родину.

На озере Шевино

30 октября 2014 года. Вместе с дедушкой мы побывали на озере Шевино в Малых Лётцах.

Около берега держалось немного льда, но тростник и лопухи были скованы больше. Остальная часть озера была ещё чистая ото льда. На самом краю льда сидела большая кучка уток. Кучка потому, что они сидели очень плотно друг к другу и были нахохлены.

Мы разожгли костёр и положили печь картошку. Мы представляли,

что идёт война и нам очень хочется есть. Пока горел костёр, я предложил освободить несколько деревьев от толстых «верёвок» вьюна. Картошка оказалась самой вкусной из всех, которые я когда-либо пробовал. Также мы поджарили по ломтику чёрного хлеба.

Всё это время на озере несколько человек в лодках ловили шук на кружки и довольно успешно.

На обратной дороге мы исследовали реконструкцию древнего славянского захоронения, расположенную у местного кладбища. Мне запомнились больше всего каменные кресты средних веков. Я хотел их все погладить, но дедушка сказал, что не следует, чтобы не собирать энергию царства мёртвых.

Иконка

Сегодня 15 ноября, суббота. Мы с дедушкой отправились в небольшое путешествие в район Сосновки. Мы расположились недалеко от полотна железной дороги на краю леса. К сожалению, окраина леса замусорена. Много пластиковых бутылок. Мы разожгли небольшой костерок. Костёр мы всегда распаливаем только на бывшем кострище. На новом месте нельзя. После войны в земле осталось лежать много боеприпасов и они под костром могут взорваться. Дедушка говорил, что таких случаев было немало. Когда угли нагорели, мы их разгребли, положили несколько картофелин и вновь их засыпали жаром. Пока ждали готовности, я случайно посмотрел на одну сосну и увидел, что на её стволе что-то виднеется. Мы подошли ближе и не поверили своим глазам: это была маленькая иконка с изображением Пресвятой Богородицы. Мы помолились. Наверно, это не случайность. Интересно, что иконка была закреплена на дереве на высоте около трёх метров. Иногда проходили поезда, и я бежал их встречать. Было весело. А вот и картошка готова. Какая же это вкуснятина – печёная картошка! Костёр почти весь догорел. Но для надёжности мы его притушили испытанным мужским способом.

P.S. Спустя некоторое время мы стали просматривать фотографии в фотокамере. Но фото с иконкой бесследно исчезло. Дедушка сказал, что в этом задействованы сверхъестественные силы. Наверно, Бог где-то рядом.

Позже дедушка рассказал, что встреча с иконкой ему тоже показалась неслучайной. Когда мы свернули с шоссейной дороги на грунтовую и он думал остановиться на запланированном месте, то этого не получилось. Дорога оказалась слишком узкой, так как по обе её стороны совсем недавно трактора вплотную перепахали поля с бывшей кукурузой. А позади оказалась машина, которая, как невидимая сила, подталкивала нас на необычную встречу.

Слякоть

Мне нравилось, когда дедушка говорил:

– А давай махнём куда-нибудь.

Вот и сегодня он так предложил. День сегодня хмурый, мокрый, всё оттаяло и кругом грязь: 21 декабря 2014 года.

Вначале мы съездили на озеро Добрино возле деревни Осиновка. На льду сидело несколько рыбаков, хотя во многих местах возле берега лёд полностью оттаял. Дедушка сказал, что они самоубийцы. На берегу лежало много красивых больших валунов. Хорошо, чтобы они сохранились, ведь их могут замуровать в фундаменты. На пригорке рядом с озером какие-то развалины. По мнению дедушки, это остатки бывших животноводческих ферм. Их снесли, чтобы не загрязняли озеро. Теперь фермы стоят в стороне.

Затем мы поехали на озеро Скрыдлёво. Оно побольше, чем Добрино. На берегу встретили новый памятник военному. Возле памятника приспущенный флаг десантных войск. На памятнике с фотографией молодого красивого лейтенанта написано, что он погиб в 2011 году, совершая ночной тренировочный прыжок с парашютом.

Картина та же самая. Вокруг грязь и вода. На слабом льду озера несколько рыбаков. Мы поехали по дороге дальше на деревню Лядище. Здесь, сказал дедушка, во время войны стоял большой немецкий госпиталь. Позже раненых стало так много, что они занимали все имеющиеся постройки в деревне: дома, сарай, навесы. Местность в Лядищах ровная, ничем не примечательная. Вдалеке виднеется озеро.

Домой мы возвращались другой дорогой через Сосновку. На возвышенности остановились, чтобы с высоты увидеть красивое болото – Городнянский Мох. Летом его так не увидишь из-за листвы деревьев.

Приехав домой, мы сыграли в тёплом уюте в новую игру «Литерный поезд».

Как сделать собаку счастливой

В зимнюю стужу или когда выпадает много снега, мы с дедушкой вечером выходим на улицу Шмырёва. С собой у нас припасены кости и другая еда. Мы выбираем неожиданные места и кладём пищу. Уже дома мы представляем, как поздно вечером по дороге уныло бредёт бездомная собака. В её грустных глазах безнадёжность. И вдруг она учует нечто вкусное и домашнее. Этой ночью ей будет немного веселее.

Иногда утром мы проверяли наши закладки. К нашей радости, они всегда были съедены. А вокруг отпечатки собачьих лап.

Птицы

Каждой зимой мы подкармливаем птиц, чтобы они дожили до весны. Весной тепло и появляется много корма. В кусте ирги у нас есть кормушка. Каждый день в неё насыпаем нежареные семечки, крошки батона. В основном, прилетают синички и воробьи. Воробьи к нам прилетают двух видов: домовые и полевые. Синички трёх видов: большая, московка и лазоревка. Частенько также прилетают некоторые лесные птицы: овсянки, пеночки.

Ранним утром, когда ночь только начинает сереть, первыми появляются синички. Этой порой ещё нет воробьёв и синички могут спокойно кормиться.

Оказывается, птицы тоже разные по характеру, как и люди. Например, синицы намного деликатнее и скромнее, чем воробьи. Синичка подлетает, берёт одну семечку и улетает на другое дерево, где аккуратно её расклёвывает. Затем снова летит за новой семечкой. Воробьи же садятся в кормушку и клюют всё подряд, пока не закончится корм. Зачастую они даже отгоняют синичек от кормушки. Жадные. Не зря, говорил дедушка, что раньше воробьёв называли «додики».

Иногда на нашем кусте может сидеть 50 и более птичек. Изредка прилетает какая-нибудь хищная птица: сова или коршун. Тогда все другие птицы мгновенно разлетаются в разные стороны. Даже вороны и галки отсиживаются в укрытии.

Когда прижимают морозы и большие снега, прилетает дятел Федя. Он любит подолбить кусочек несолёного сала, подвешенного на кусте. Дятел красивый, с красной шапочкой на голове.

Птицы знают дедушку и почти его не боятся. Дедушка умеет с ними разговаривать. Вот и сейчас синичка села ему на плечо и что-то рассказывает. Я пока ещё не понимаю языка птиц, но, думаю, что скоро научусь.

Танцы

Я совсем не уверен, что мне нужны танцы. Каждый раз, когда я с дедушкой три раза в неделю еду вечером на танцы, я говорю ему:

— Как мне надоели эти танцы!

Но он меня ненавязчиво уговаривает и мы всё же доезжаем до КДЦ «Витебск». Выходя из машины, я снова ему говорю, что не могу терпеть эти балльные танцы. Но дедушка как-то по особенному кладёт свою большую руку мне на плечо и вселяет в меня уверенность. А вот и ребята. Переодевшись, мы до начала занятий сумасшедше бегаем по залам и коридорам дворца культуры. Но вот наша преподавательница громко хлопает в ладоши, и мы парами выстраиваемся перед танцевальным за-

лом. Начинаются занятия.

Каждый раз после танцев я говорю дедушке, что хочу заехать на часок к ним домой в Лучосу. Дедушка иногда шутит и говорит:

– А, может, ты ещё передумаешь и сразу поедешь к себе домой?

На это я начинаю обижаться и хмуриться. Тогда дедушка хлопал меня по плечу и успокаивал.

Когда мы подъезжали, я сразу бежал в дом и громко кричал:

– Бабушка! Я пришёл!

Выходит бабушка и сразу меня обнимает. Вообще она часто говорит, что ребёнка надо обнимать не менее восьми раз в день, чтобы он был счастливым.

По моим наблюдениям, бабушка всегда тщательно готовится к моему приезду. У неё припасены разные полезные детские вкусности.

Но вот надо расставаться, так как уже поздно и звонила мама. Я всегда с грустью покидаю дом моих любимых дедушки и бабушки.

Однажды после занятий я пришёл в раздевалку и сказал дедушке, что его просит подойти наша преподавательница. Дедушка как-то сразу поднапрягся и стал волноваться, думая, что я сделал что-то плохо. Но всё оказалось гораздо лучше. Она предложила мне участвовать в городском конкурсе спортивных бальных танцев «Весна идёт» (2015) вместе с партнёршей Лерой. Мы согласились. И вот в субботу состоялся этот не совсем лёгкий конкурс. Мы с Лерой заняли третье место и получили дипломы и призы. Было приятно.

Теперь я думаю несколько по-другому:

– Не так уж и плохи эти танцы!

ГЛАВА 3

ДОРОГАМИ ЯНА БАРЩЕВСКОГО, ИЛИ 200 ЛЕТ СПУСТЯ

3.1. А что за тем поворотом?

Мне дорог Витебск, но также дороги места, к нему прилегающие. Особенно мил северный придвинский край, то есть правобережье Западной Двины. Наверное, потому, что меня как потомственного старовера-поморца тянет в глушь лесов, тишину озёр и рек, туда, где малолюдно, где ещё сохранились уголки настоящей природы.

Известно, что в состав Витебской губернии до 1924 года на севере входили уезды: Велижский, Витебский, Городокский, Двинский, Невельский, Полоцкий, Себежский, Суражский.

Для моей души очень важно осознавать, что северные леса нынешней Витебской области переходят в леса России, которые сплошняком идут до Беломорья. Мне менее интересно левобережье Двины, так как представляется, что леса там ограничены и в конечном итоге они растворяются в украинском степном безлесье.

К сожалению, я довольно поздно прочитал произведения Яна Барщевского, а может, и вовремя. 200 лет назад он описал места Полощины, Россонского, Невельского и Себежского районов, Пустошки, Идрицы.

Родители жены жили в Россонском районе в д. Дворище, и я его неплохо изучил, периодически бывая там с 1977 года.

Я еду с Ларисой и детьми Надей и Игорем или один на машине в Россонский район, как правило, через Полоцк. Для меня всегда была интереснее поездка, если климатические условия были экстремальными: ливень, метель, гололёд, мороз. Машина всегда была достаточно новой и надёжной. Кстати, дорога через Полоцк и Витебск на Русь в старину называлась Ольгердовой.

До Полоцка дорога не очень интересная. Вплоть до Оболя по обеим сторонам шоссе в основном поля, незначительные перелески. Вспоминается осень конца 70-х годов, не доезжая до д. Большие Лётцы, вблизи звериного перехода на поле наблюдаю огромный косяк лосей до 20 особей.

После Оболя новый отрезок дороги в 40 километров до Полоцка идёт через лес, который заболочен обольскими болотами, где известный витебский орнитолог Владимир Ивановский изучает крылатых хищников.

По-настоящему дорога становится интересной, красивой, увлекательной после Полоцка в направлении д. Зелёнка. Здесь ощущаешь дух

Яна Барщевского. Начинаются сосновые боры, похожие на настоящие леса. Похожие потому, что настоящих, то есть девственных у нас уже нет. Такие леса я, например, видел под Петербургом в направлении города Гдова, на границе Псковской и Тверской областей.

Проехав Зелёнку, я подъезжаю к д. Жарцы. Это Родина моих дедушки и матери. В ней живут в основном староверы. Здесь же в лесу и родовое кладбище с ещё сохранившимися могилами прадедов. Даю традиционный гудок.

Едем дальше, как будто по дороге, вымощенной жёлтым кирпичом из прекрасной сказки «Волшебник изумрудного города». Здесь интересны старинные деревни Чернея и Сестрёлки. Каждый раз проезжая деревню Сестрёлки я рассказывал детям очередную придуманную сказку о сёстрах, живших здесь. Следующая деревня Мостовуха. Она последняя перед границей с Россонским районом и здесь также проживали староверы. В д. Горбачево Россонского района мне рассказали реальную историю. Здесь в былые годы держал корчму один еврей. В один раз он, как обычно, поехал в Полоцк за товаром. На обратном пути в Мостовухе его поджидали местные староверы. Они потребовали у него водки. Однако еврей стал резко возражать. Тогда они пугнули его кнутом и взяли водку. С тех пор владелец корчмы сам за товаром не ездил, а посылал своего помощника.

К слову сказать, в Россонском районе проживало гораздо меньше старообрядцев, чем в Полоцком. В основном они населяли деревни Локти, Хотьково, Шнитовку, в небольшом числе Горы. В Шнитовке они хорошо валяли валенки.

Вскоре пересекаем границу Полоцкого и Россонского районов. Здесь же проходит мощная газовая трасса Ямал-Европа, которую на территории Беларуси строили поляки. Согласно контракту, весь лес от широких просек для трассы они вывозили в Польшу. Переезжаю чистую реку Дрысу, весьма значимую и ключевую для северного края. Перекресток – два направления к родителям жены в д. Дворище. Самая романтическая дорога на Краснополье. По обе стороны сплошной лес. Правда, в последнее время всё чаще встречаются лысины вырубок. Редкие маленькие деревни: Прибытки, Тофели, Череповка, Межно, Рюм, Прудок. Вырубки не спешат засаживать сосной, елью. Зато можно нарезать веток молодого березняка на банные веники. С правой стороны дороги плавно течёт Дрыса. Вода в ней очень мягкая и чистая.

Интересна деревня Межно. Здесь, с одной стороны, Дрыса, с другой – озеро Межно с лесными берегами. Озеро состоит как бы из двух частей, соединённых узкой протокой, где есть течение. До протоки рыба клюёт плохо, а в протоке и дальше – лучше. В протоке я поймал хорошую щуку на кружок вместе со своим товарищем Павлюченко Степаном Емельяновичем. До революции на берегу озера располагалось имение

пана. Здесь во время революционных перемен произошло трагическое событие. О нём мне рассказала бабушка жены Скуратова Анна Максимовна, царство ей небесное (фото 41).

Межненский пан был молодой и, наверное, не в то время решил жениться. На свадьбу собралось немало гостей, в том числе из местной знати. Но дух революции уже будоражил головы мужиков из окрестных деревень. Они напали и разгромили свадьбу, подожгли дом, гостей поубивали. Молодому пану удалось бежать с пистолетом на хутор к своим арендаторам. Они укрыли его в овчарне для овец. Пан даже надел на себя овечью шкуру. Но, к сожалению, была снежная зима, и местным следопытам не составляло труда выследить пана. Не пощадили, хотя он не стрелял и просил о пощаде. Наутро имение сгорело. В остове панского дома видели шкаф с посудой, где пытался укрыться от огня кто-то из гостей, но не спасся. Оставшееся имущество растаскали. Молодая пани тоже просила на коленях прощения, говорила, что будет учить бесплатно детей местных. Тоже не пощадили. Сегодня о пане напоминают заросли красивого шиповника, говорят, что это одичавшие розы, окружавшие имение. Я выкопал несколько кустов шиповника и посадил их возле своего дома. Теперь в них любят обитать птицы.

Анна Максимовна Скуратова также рассказывала, что пан заботился о порядке в лесу и периодически устраивал в нём субботники, в которых активно участвовали местные жители. За это они получали право беспрепятственно собирать ягоды и грибы. Тех же, кто не принимал участия в субботниках, если их панские лесники заставали за сбором лесных даров, били нагайками и выгоняли из леса.

В 1988 году я предпринял небольшую экспедицию в район озера Межно. Со мной были сын Игорь в возрасте 5 лет и дочь Надя – 8 лет. Мы пешком углубились несколько в лес с западной стороны озера. В этом месте было много земляники. Вдруг под ноги нам бросилась маленькая, но весьма злобная собака. Вскоре её одёрнул голос хозяйки. Мы приблизились к месту, откуда был голос, и увидели двух мужчин и женщину в шортах. Они вели какие-то раскопки и вырыли лопатами огромный котлован. По их скрытному поведению я понял, что это «чёрные копатели». В этих местах фронт в 1943–1944 гг. стоял девять месяцев. С этой стороны оборонялись немцы. Наверное, они искали медальоны, оружие, золотые коронки. Все это было как-то неприятно. Собирать землянику уже не хотелось. Было чувство, что здешнее красивое место осквернили.

Мы сели в автомобиль и поехали исследовать дорогу с восточной стороны озера от д. Межно к д. Триполье. Вначале дороги на берегу озера расположен музей партизанской славы, посвященный боевой деятельности П.М. Машерова и его боевых соратников. Петр Миронович до войны окончил Витебский педагогический институт. Когда я работал секретарём парткома института, мне неоднократно приходилось встре-

чать и принимать супругу Петра Мироновича Полину Андреевну и его двух дочерей. Они обычно принимали участие в торжествах, посвящённых памяти П.М. Машерова. У меня осталось впечатление об этих людях как простых, доступных и благородных.

На территории музея у самой воды построена просторная баня для гостей. Заведовал этим хозяйством друг моего тестя Синицы Василия Александровича – Рябинин Леонид Фёдорович. Он во время войны был командиром 2-го батальона партизан, в состав которого входили партизанские отряды имени Ворошилова. Тесть вместе с Рябининым иногда ловил рыбу.

Я остановил машину и зашёл к Рябину. Представился. Спросил, знает ли он про раскопки. Он пожал плечами и ничего не сказал.

Дорога сначала была хорошей. По обе стороны красивый добротный довольно глухой лес. Бывая зимой на охоте с местными ребятами в этих местах, я не раз видел натянутую колючую проволоку между деревьями, а также останки военной техники. Проехав где-то полдороги, мы зашли на очень красивое место – высокий и длинный мыс, вдающийся далеко в озеро. Мыс образовал живописный залив, который в народе почему-то называют «сраная лука». На мысу я обнаружил много медвежьего помёта. Дальше дорога резко ухудшилась и мы с трудом добрались до д. Триполье. Выручила проходимость «девятки» и её высокая посадка.

В деревне Прудок поворачиваю налево и еду в Дворище. Данный отрезок дороги в 6 километров тоже очень красив. Слева вплотную тянется интересное длинное и узкое озеро Должно. Тесть Василий Александрович знал толк в этом озере и частенько ловил рыбу небольшой сеткой. Озеро необычно тем, что оно из-за огромной заиленности имеет как бы двойное дно. Оно густо заросло водяными лопухами и другой травой. Рыбы не мало и разная. Попадались большие сазаны. Живут выдры. Но на удочку рыба клюёт капризно. Надо знать как. Летом неплохо можно половить краснопёрку в «окнах» среди лопухов.

На въезде в Дворище небольшое круглое озеро Полонец. Очень глубокое. В 70-х годах местные мужики хотели измерить глубину Полонца. Они связывали длинные жерди, но дна так и не достали. Говорили, что в озере водится особо крупная плотва – до локтя. Одно время в нём долго не ловили рыбу. И когда я попробовал ловить удочкой, то поймал много хорошей плотвы и окуней. На высоком берегу Полонца водятся виноградные улитки. За озером находится когда-то очень красивое урочище Красный Бор.

А вот и посёлок Булавки. Он является наиболее старой частью деревни Дворище. Здесь улица застроена только с правой стороны, с левой так называемый «сплав» – большая длинная ложбина. Считается, что когда-то это была древняя водная система, соединяющая озеро Не-

щердо с рекой Дрысой через озёра Полонец, Должно.

Можно попасть в Дворище и другим путём, держа курс на районный центр Россоны. Двигаясь в этом направлении, встречаем указатель направо на д. Озерцы. Напротив недалеко от шоссе озеро Глухое. К нему очень трудно пробраться, так как берега сильно заболочены. Ян Барщевский в рассказе «Рыбак Родька» приводит старинное сказание, в котором Глухое озеро предстаёт как самое страшное и загадочное. На территории Россонского района находятся два озера с одноимённым названием «Глухое». Одно из них расположено севернее д. Глоты и к данному описанию не относится, так как Барщевский подчёркивает, что то Глухое озеро находилось недалеко от речки, которая вытекает из озера Нещердо и впадает в Дрысу. Несомненно, что эта река Нещерда. Следовательно, к данному случаю относится озеро, у которого мы сейчас остановились возле д. Озерцы, так как сравнительно неподалёку течёт река Нещерда. Далее Ян Барщевский рассказывает, что когда-то на западном берегу озера Нещердо жил очень богатый пан. Его владения вместе с лесами простирались до самой Дрысы. Однажды зимой он вспомнил об этом труднодоступном озере. Нынешней дороги вообще тогда могло не быть. Поэтому зимой он решил отправить туда артель местных рыбаков половить рыбы в этом озере. Рыбаки очень сопротивлялись, так как о Глухом ходили различные страшные поверья. Но пан был непреклонен. Когда вытянули невод, то на льду озера вместе с неводом оказалось много чёрных небольших чертят. Они громко пищали. Все в страхе разбежались. Одновременно предание объясняет причину проявления здесь злого духа. В те времена возле Глухого озера обитало много злодеев, которых сюда с разных краёв собрал пан. Среди них даже были люди с тех мест, где ездят не на конях, а на собаках. Считается, что от этих злодеев на берегах озера поселился дьявол (**фото 42**).

Также следует заметить, что другое белорусское предание про Глухое озеро использовал польско-украинский поэт Александр Гроза (1807–1875) в поэме «Глухое озеро». Первый перевод с польского названной поэмы сделала сотрудник юридического факультета ВГУ имени П.М. Машерова Богданович Кристина Юрьевна. В своей поэме А. Гроза рассказывает, что когда-то на этом месте стояло село. Красивая девушка из вдовьей избы Юстына тайно стала встречаться в лесу с рыцарем, который появлялся возле неё необъяснимым образом. Каждый раз, расставаясь, рыцарь одаривал окружающую местность животворящей влагой и богатым урожаем лесных ягод и грибов. Но больше, чем Юстына, никто не мог собрать. Крёстные бедной девушки стали завидовать и выследили красивую пару. Рыцарь исчез, а с ним ушли и плодородный дождь и роса. Наступила жара. И тогда жители обвинили во всём Юстыну, назвали её ведьмой и хотели сжечь. Но вдруг грянул ливень и на землю хлынуло море воды. Всё осталось в мире по-прежнему.

Только на месте села образовалось озеро. Привожу окончание поэмы:

Окружѐнное со всех сторон лесами и горами

Стоит озеро с глухими водами.

В нём на дне рыба не дѣрнется,

И птица поверхность воды его не мутит,

И гроза по его воде скользит, как по льду.

Но поздним вечером слегка начинает озеро шуметь,

Может рыбка плюхнуться.

А когда весь мир уснѐт – тогда на волне

Появляется прекрасная девушка и молодой рыцарь

И рука в руке в свете месяца

Идут к кургану, а на кургане в семь поясов

С небес на землю бросят пояс радуги,

А с радуги сеют плодные посевы

На местные пески, мхи и кусты.

А когда они там, вскоре рыбаки

Несут к озеру свои сети

И ловят рыбу, которую никто не сторожит.

Озеро шумит каждый вечер,

Но не одно пройдет время,

Не один месяц и год пройдет,

Прежде чем молодая пара из озера выйдет.

Тогда бедный народ своими глазами водит по воде и молится,

Пока молодая пара из воды не выйдет, направится к кургану

И снова плодные посевы бросит на пески, мхи и кусты.

Отъезжаю от Глухого озера. До Россон остаётся 3 километра. Здесь перекрёсток, и надо сворачивать на д. Альбрехтово. Сами Россоны впервые упоминаются в 1552 году. Они начались всего с семи домов. Ранее деревню Альбрехтово в основном населяли евреи. После Альбрехтово следуют деревни Гречушино, Булынино, Поречье, Байдино, Дворище. В д. Поречье после моста через реку Нещерда есть дорога в лес, по которой можно проехать к лесному озеру Глыбочено. Попастъ к нему на легковой машине не всегда удаётся, так как дороги разбиваются лесовозами. Примечательно озеро тем, что вокруг него сплошной лес, вода тѐмная и наблюдаются большие глубины. О таком типе озѐр снова можно прочитать в произведениях Яна Барщевского. Из седой древности они окружались легендами, суевериями. Наверно, не случайно Барщевский собрал немало таких сказаний. Действительно, особенно на закате солнца, на глухих озѐрах на человека находит необъяснимое чувство смутной печали, а опускающийся туман вызывает самые необычные

фантазмагории.

Глыбочено богато рыбой. Это можно определить по крупной чешуе, которая остаётся от браконьеров. Хотя, слава Богу, немало просто людей, которые ловят только удочкой или спиннингом. На Глыбочено можно поймать крупных карасей.

В один из июльских дней в конце 80-х годов я поехал на Глыбочено. Стояла жара. Разделся до плавок и на резиновой лодке поплыл к противоположному берегу, где клевал хороший карась. Через некоторое время на небе появилась чёрная туча. Начиналась гроза. Вдалеке вижу, что к моей машине подъехала другая. Из неё вышли рыбаки, но, учитывая надвигающуюся грозу, они решили переждать.

Я надеялся, что туча вскоре пройдёт и можно будет снова рыбачить. Но не тут-то было. Туча проходила, но её снова разворачивало и молния с новой силой била над озером. Я подплыл к лесному берегу и укрылся под деревьями на мягком мху. Несмотря на жару, сам дождь был ледяной. Я стал замерзать. Туча как заколдованная разворачивалась снова и снова. Это было просто невероятно. Туча была только одна. Тогда я смотрел на происходящее глазами материалиста. Но, несмотря на это, у меня было вполне определённое чувство, что тучей управляет чья-то невидимая рука. Холод заставил меня сесть в лодку и под сильнейшую грозу пробиваться к машине. На берегу стояла «Волга» с минскими номерами. У меня зуб не попадал на зуб. Минчане участливо пригласили в свой автомобиль. Мне сразу предложили водки для согрева. Я не отказался. Гроза в таком же ритме продолжалась. Это был феномен. Немного согревшись, я сердечно поблагодарил добрых людей и поехал в Дворище. На середине пути встретил тестя на мотоцикле, которого отправили на поиски встревоженные моим долгим отсутствием родственники.

Была у меня ещё одна встреча с лесными или воздушными духами. Во второй половине 80-х годов я с товарищем, по приглашению хорошего парня из д. Горбачево Леонида Емельянова, оказался на озере Усвечье. Оно расположено севернее озера Нещердо на самой границе с Россией. В дальней стороне озера был установлен металлический понтон с небольшой деревянной будкой, где мы и жили. Мы ужинали. Стало смеркаться. Внезапно налетели несметные полчища комаров. Они облепили всё, что находилось на понтоне. Мы с ужасом подумали:

— Как же мы будем здесь спать?

Через минут сорок комары исчезли так же быстро, как и появились.

Ранним утром мы собрали снасти, сели в лодку и стали удочками ловить рыбу.

Днём надвинулись тучи и началась гроза. Мы причалили к берегу и укрылись в моей машине, которая стояла почти на самом берегу мыса, вдававшегося в озеро. Но вот небо просветлело, проливной дождь пре-

кратился, и мы посчитали, что гроза закончилась и можно идти продолжать ловить рыбу. Напарник налил себе рюмку и поднял её, чтобы выпить. Но не успел. Неожиданно рядом за спиной грянул электрический разряд огромной силы. Это было похоже на коварный удар ножом в спину. Напарник побледнел от испуга и поставил обратно полную рюмку. Мы молча сидели и каждый понимал, что нам сейчас очень повезло. Недалеко от нас на берегу стоял вагончик-бытовка для местных рыбаков. Когда произошёл затаившийся разряд, им показалось, что по крыше вагончика как бы ударили большим камнем. Они между собой решили, что, наверно, этим городским в машине конец.

Всё обошлось. После грозы рыба ловилась хорошо.

К вечеру мы вернулись на понтон, разожгли костёр и стали готовить ужин. Было тихо и умиротворённо. Вдруг совершенно непредсказуемо стал быстро усиливаться ветер. По озеру пошли белые барашки волн. Я посмотрел на небо. Издалека прямиком на нас двигалась большая чёрная-пречёрная туча, из которой сверкали стрелы молний. В голову сама собой пришла мысль, что мы находимся на полностью стальном понтоне, который торчит среди воды. Худшего места в грозу и не придумаешь. Я поделился этой мыслью с товарищем. Ему тоже поплохело. Дружно мы бросились к лодке, чтобы покинуть опасное место и переждать грозу на берегу. Но было уже поздно. Волны стали такой силы и так бросали привязанную лодку, что о плавании не могло быть и речи. Туча стала ещё ближе. Это была одна конкретная туча на небе. Я предложил молиться. Мы стали на колени и обратились к Богу. Вскоре мы заметили, что тучу как бы повернула чья-то большая невидимая рука, и она, немного не дойдя до нас, изменила направление.

Позже я неоднократно в мыслях возвращался к случаям на озёрах Глыбочено и Усвечье. Затем я лучше познакомился с белорусской мифологией, старинными преданиями и работами белорусских этнографов, в частности, А.К. Киркора. В многочисленных этнографических описаниях и исследованиях часто упоминаются хозяева лесов Лешие. Также я обратил внимание на то, что особенно в глуховатых местах отдельные местные люди и некоторые приезжающие дачники, в том числе и с учёными званиями, перед входом в лес становятся на колени и просят прощения и покровительства у лесного духа. В моём случае на озере я, видимо, вторгся в чужое пространство, ничего не дав взамен и даже не попросив прощения за беспокойство. Это и не понравилось лесным духам. Вспоминаю, как во время моих поездок в Улан-Удэ буряты на каждом перевале по пути к Байкалу оставляют скромное пожертвование, например, в виде цветных ленточек, и произносят специальные молитвы.

В Беларуси хозяевами лесов считаются лешие. Леший – это царь лесов. В преданиях утверждается, что лешие – это духи, которые упали в леса. У каждого лешего есть свой участок леса. Они сторожат его и

обходят. Лешие в Беларуси родственны с домовыми, водяными, русалками, с воздушными бесами (крутящимися вихрями). Леший в лесу ростом равен самым высоким дубам и другим деревьям, но когда появляется на поляне, то он равен траве. Он часто хромым и лысый, волосы у него зелёные. Он любит качаться на ветках деревьев. Лешие иногда могут принимать образы лесных цмоков, то есть змей, высасывающих у коров молоко. Они не боятся морозов. В сильную стужу они превращаются в демонов зимних выюг.

Леший любит пугать путников ночью. В частности, он переставляет их приметы и сбивает с пути. Иногда путник слышит в стороне душераздирающие крики или плач ребёнка или видит перед собой реку. Опытный белорус знает, что это проделки лешего, и поэтому его не разжалобят эти стоны и плач. Он не останавливается и не сворачивает в сторону, в том числе и перед речкой – он едет прямо. И горе тому, кто поверил. Тот или погибнет, или попадёт в такую трясины, что еле оттуда выберется на следующий день. Также леший любит пугать дикими звуками, иногда ржёт, как лошадь, мычит, как корова, лает, как собака, мяукает, как кошка. Может свистеть, хохотать, хлопать в ладоши.

У белорусов есть пословица: «И Бога хвали, и чёрта не гневи».

Спустя много лет, осенью 2015 года я собирал грибы в пригородном лесу в районе д. Крестьянка. С утра шёл сильный дождь и в лесу грибников не было. Незнакомая тропинка вывела меня в уединённый лесной уголок. В какое-то мгновение краем глаза я уловил движение чего-то, и одновременно раздались странные звуки. Сначала я подумал, что это зверь или грибник. Быстро взором окинул вокруг, но ничего не увидел. Странные звуки всё это время продолжались. Затем звуки перешли вверх и реализовались в падение еловой шишки на землю. Но ведь, в начале, я заметил движение, но не вверху, а на уровне глаз. Да и как шишка могла так долго падать? Видимо, меня решил попугать леший.

Современные белорусы в большинстве своём скептически относятся к своей мифологии. Они не склонны верить в леших и других загадочных существ, которые сопровождали наших предков. Здесь в значительной мере сказывается материалистическое советское воспитание, которое начисто отрицало и существование самого Бога. В данном случае следует помнить высказывание знаменитого русско-советского математика и физика К.Э. Циолковского: «Все наши знания – прошлые, настоящие и будущие – ничто по сравнению с тем, что мы никогда не будем знать».

Сам исследователь белорусской старины А.К. Киркор не очень-то верил в чудные истории о лешем, которые сам описывал. Но однажды он ночью возвращался из города домой в деревню в Климовицком уезде. Кучер был немолодой, опытный, хорошо знающий эти места, каждую тропинку. Но они всё равно заблудились в том дремучем лесу. Ко-

гда до дома оставалось полторы версты, поднялся сильный ветер, пыль, стало ещё темнее, и они полностью сбились с пути. Кучер истово закре-стился и сказал:

– Беда, батюшка, леший обошёл.

С большим трудом они выехали из леса иным путём и попали в другую деревню, где и заночевали. И только утром они, наконец, добрались домой.

В настоящее время обращает на себя внимание тот факт, что многие современные жители Беларуси как в сельской, так и в городской местности не особенно склонны к фантазированию, поиску и объяснению загадочных природных явлений. Стало типичным, когда обращаешься к людям с просьбой вспомнить что-нибудь необычное, интересное, в их жизни загадочное, слышать в ответ: что ничего такого особенного в их жизненной практике не было. Наших предков, напротив, отличали большая любознательность, знание и соблюдение традиций, а также упорное стремление к сохранению языческих обрядов. Будем надеяться, что в недалёком будущем и наш человек очнётся от гаджетов и захочет как когда-то слиться с великой природой.

Есть ещё один очень интересный и старинный маршрут, по которому можно проехать из Витебска в Россонский район. Это сугубо северный маршрут, идущий вдоль границы с Россией. Он пролегает через районный центр Городок, далее через д. Ивановка – посёлок Пролетарск, затем малозаметный поворот направо на д. Стадольница, далее через деревни Федоровка, Дюдьки, Владимировка, которые оказались для меня родными. Это Родина моей бабушки Анны Купреевны.

Начиная от д. Стадольница и до д. Краснополье Россонского района непрерывно тянутся лесные массивы, навевающие путнику мысли о древней старине. Конечно, дороги сейчас не сравнить с теми, что описывал Ян Барщевский. В его времена они были очень узкими. Со всех сторон над дорогой нависали размашистые еловые лапы, через которые не всегда пробивалось солнце. Всё это создавало для путников психологическую атмосферу тревожности, смутной печали. Сегодня дороги в Россонском и других районах достаточно ухоженные в любое время года, даже если они гравийные.

Во Владимировку я езжу в грибы. Там отменные места. Иногда я захожу в лес по лесной дорожке, которая ведёт в д. Званое и к одноимённому озеру. Со временем начало дорожки так сильно заросло густым осинником, что можно легко сбиться и заблудиться. Но если прошёл это место, то дальше тропинка видна чётче. В принципе, это медвежий угол. И ухо здесь надо держать остро. Там почти не бывает грибников, и царит полная тишина. Радует, что сюда люди ещё не смогли занести мусор и грибы можно собирать на чистом мху.

Возвращаемся на наш маршрут. За Владимировкой дорога поворачи-

чивается влево вдоль озера Орлея и одноимённой деревни. Перед озером есть ответвление дороги вправо. Она ведёт в заповедные места через д. Званное к лесным озёрам Большое Белое и Малое Белое. Здесь в своё время спасался от цивилизации бывший ректор Витебского медицинского института Медвецкий Евгений Никандрович со своей супругой. Они жили на пенсии в совсем маленькой лесной обители на берегу озера и, довольствуясь малым, вели гармоничный уединённый образ жизни.

Также ранее эта дорога выходила к озеру Осмота, но в годы войны мост через местную речку был взорван партизанами и теперь уже, наверно, нет смысла его восстанавливать. На большинстве послевоенных географических карт по-прежнему эту дорогу показывали как проезжую. Данный факт в своё время сильно подвёл меня, когда мы с сыном решили поехать на озеро Осмота этой дорогой. После Городка и посёлка Ивановка-Пролетарск мы поехали на д. Прудок, рассчитывая за ней повернуть к д. Осмота. В д. Прудок мы остановились перед архаичным мостом через речку Чернец. Брёвна моста были уложены внахлёст и могли зацепить днище автомобиля. К нашему счастью, из ближайшего дома вышел человек. Он оказался дачником и работал доцентом в Витебском ветеринарном институте. Я представился и сказал, что мы с ним коллеги. Человек оказался очень отзывчивым и принёс несколько специальных досок для укладки между брёвнами. Затем он дал несколько советов, как лучше проехать опасный мост. Невзначай он спросил, куда мы держим путь. Я рассказал. Он очень удивился и поведал историю про взорванный мост. Тогда мы внесли коррективы в свой маршрут, усложнив его, но обратно решили не возвращаться. Мы наметили проехать дальше на север и объехать большое озеро Свино и затем уже выйти к д. Осмота, где у нас на берегу стоял металлический гараж с лодкой «Кефаль». Гараж в своё время помог перевезти туда наш сосед Бобылёв Сергей Борисович.

С большой осторожностью мы переехали мост, который буквально нависал над самой водой и не имел никакого ограждения. Кстати, он и сегодня находится почти в таком же состоянии, что, видимо, устраивает дачников, поселившихся ещё дальше – в д. Белое: меньше ездят чужие. Дорога шла очень узкая, зажата лесом с двух сторон. Вскоре мы подъехали к большой песчаной горе, называемой в народе Сапун-Гора. С ходу мы её на своей «девятке» не взяли, но нашли хороший объезд. Вышли к д. Белое, расположившейся на юго-западном берегу озера Свино. Всё шло неплохо. Но вскоре мы подъехали к ручью, пересекающему дорогу с очень сомнительным мостиком, еле-еле захватывающим колеса. Склоны ручья были довольно крутые, и если машина сорвалась бы, то сидеть в ручье пришлось бы долго. Тем более, что никакого движения здесь не наблюдалось. Нас облепили тучи комаров, которые держались в зарослях возле ручья. Мы долго устанавливали возможные при-

способления из того, что нашли под руками. Максимально аккуратно и осторожно мы с большим трудом взяли эту преграду. Игорь, хотя и был ещё только подростком, помогал сильно и толково, совершенно по-мужски. Наконец, выехали к пустынной дачной деревне Чухилино. Здесь протекает речка Чернец, с которой мы уже встречались в начале пути. Через неё, видим, только построен мощный новый деревянный мост. Но заехать на него и съехать на легковом автомобиле было невозможно. Пришлось снова делать песчаную насыпь с двух сторон моста. Наконец, мы переезжаем мост и очень усталые добираемся до д. Осмота. Вытаскиваем лодку на воду, и Игорь, впервые, самостоятельно перегоняет её на вёслах к далёкому лесному мысу озера. Дело в том, что озеро Осмота состоит как бы из двух озёр, соединённых узкой протокой. Я на машине поехал на мыс во второй части озера, где будет наш лагерь и с тревогой смотрел в бинокль на протоку, откуда должна появиться лодка с Игорем. Слава Богу, он уже уверенно греб к берегу через глубокое озеро. На мысу никого не было. Мы одни. Начали сгущаться сумерки. Быстро заготовили дрова, распалили костёр, поставили палатку, приготовили простой ужин. В полночь мы проснулись от страшной ружейной канонады. Видно, местные охотники, а может и не только местные, устроили засаду на кабанов совсем рядом с нашей стоянкой. Не могу утверждать, была та охота организованная или браконьерская. Впредь такое в этом месте не повторялось, хотя мы приезжали сюда с Игорем достаточно часто.

Мы тщательно изучили озеро. В нём большие глубины: десять и более метров. Вода тёмная и очень мягкая. Посреди озера несколько усухов. В первые годы на них мы успешно ловили на удочки. Затем дома рыбу просаливали и делали вкусную тараньку. Позже на усухах рыбы не стало. Появились электроудочки. Как-то вечером сидим у костра. Видим, из протоки медленно выплывает лодка и двигает к усуху. В лодке двое начинают лов электроудочкой. Беру охотничье ружьё и бесшумно садимся в лодку. Взревел лодочный мотор «Ветерок-8М», и мы уже несёмся по тёмной глади озера. Далее всё происходило тоже молча. Лодка с браконьерами стремительно направилась к противоположному болотистому берегу. Вскоре двое выскочили из лодки и в панике, ломая напролом через тростник и топкое дно, стали пробиваться к берегу. Ещё долго было слышно чавканье от их сапог. Для острастки я дал в воздух два выстрела. Затем всё затихло. Мы вернулись на стоянку. До утра пришлось быть начеку.

Надо сказать, что в тех отдалённых местах больше встречались хорошие люди. Например, на мыс каждый год в августе-сентябре приезжала семейная пара: Иван Николаевич и Алла Семёновна. Глава дружного семейства работал механиком в автоколонне возле Полоцкого рынка в Витебске. У них не было своего автомобиля. Их привозили

вместе с имуществом друзья на грузовой машине, а затем забирали. Они ставили просторную палатку с большими навесами и наслаждались естественной жизнью. И сами они были естественными людьми от природы. Ловили рыбу, собирали грибы и ягоды. Делали заготовки на зиму. Мы с ними хорошо сдружились. Алла Семёновна частенько подкармливала меня с Игорем разной вкуснятиной.

В то же время в таких глухих местах не следует терять бдительность. Там иногда шныряют лица без определённых занятий, переходя от одной далёкой деревни к другой, заодно прочёсывая места стоянок рыбаков и немногочисленных туристов. Однажды мы с Игорем утром ловили рыбу рядом с нашим берегом. Алла Семёновна, наверно, из-за хозяйственных забот, в этот раз не пошла на лодку вместе с Иваном Николаевичем, как обычно, а осталась на берегу. В какой-то момент мне показалось, что я услышал её короткий вскрик. Игорь ничего не слышал и сказал, что мне показалось. Всё же я сел за вёсла и подплыл к берегу. Навстречу нам выбежала дрожащая Алла Семёновна. С большим волнением она рассказала, что только что пришли каких-то двое очень наглых типа. Они сказали, что им нужен бензин и колёса от нашего автомобиля и направились к нему. Но тут появились мы и они быстро исчезли на лесной дорожке.

Несколько раз нам посчастливилось ночевать на мысу весной. Сколько чарующих звуков, особенно ночью и утром. Огромное количество птиц, в том числе, больших: журавлей и серых цапель. Птицы издают самые невероятные сирены и пения и исполняют ритуальные любовные танцы.

Игорь хорошо помогал вести нашу лесную жизнь. Он много сил тратил на обеспечение необходимого запаса дров для костра, который он поддерживал всю ночь. С приходом вечера, когда наступает тишина и солнце садится за высокими прибрежными елями, зачастую может нахлынуть чувство смутной печали и необъяснимой тоски. Особенно, когда мы оставались на этом пустынном озере совершенно одни. И тогда именно костёр, его огонь и красные угли давали приятное тепло и возвращали душевное равновесие.

Когда рыба переставала клевать, мы частенько переезжали озеро на другую сторону. Там на возвышенности когда-то жили люди на хуторе. О них напоминают только сохранившиеся яблони. Углубясь в лес, на лесных тропинках мы собираем хорошие грибы.

Зимой мы тоже иногда приезжали на Осмота на подлёдный лов. Местные жители рассказали, что в одну очень снежную и морозную зиму волки съели всех собак в деревне. Последнюю самую большую и сильную тоже сожрали, приложив немало усилий, чтобы стаей вытащить её из будки.

Я слишком надолго отклонился от главного маршрута. Возвращаюсь. После Арлеи большой посёлок Труды. В нём примечательна большая разветвлённая сосна на перекрёстке. С левой стороны начинает тянуться большой заброшенный военный полигон «Дретунь» с возможными аномальными явлениями.

Проехав немного вперёд, видим поворот на д. Большое Ситно. За ней есть необычное озеро Глубокое. В 1989 году я организовал к нему экспедицию с сыном Игорем, товарищем Юшкевичем Олегом Петровичем и его сыном Валерием.

К моей «девятке» мы прицепили небольшой, но ёмкий автоприцеп, куда поместили наиболее громоздкие вещи и снаряжение: две надувные лодки, палатки и др. Отрезок дороги от перекрестка до озера Глубокое очень песчаный, и на одном из подъёмов мы забуксовали. Пришлось отцепить прицеп и катить его в гору вручную.

Вид озера завораживает. Цвет воды точно как у морской – голубой, лазурный, причём в любую погоду. По крайней мере, подобного в Беларуси, России, Украине, где я бывал, – не видел. Мы разбили лагерь, искупались и стали удочками ловить рыбу. Быстро определили, что рыба клюёт только в одном месте у берега, где лежала поваленная большая ель. При этом ловились только окуньки.

На следующий день я обошёл озеро по периметру, получив большое удовольствие. Местность усеяна песчаными горками, покрытыми прекрасным сосновым строевым лесом. Затем я надел ласты, маску с трубкой, взял подводное ружье и поплыл. Вода через стекло маски казалась такой же необыкновенной. Глубины большие. Рыба мне не встречалась.

В этот же день Игорь во время купания seriously поранил ногу, наступив на разбитую в воде бутылку. Наверное, во времена Яна Барщевского берега водоёмов в этом плане были безопаснее. Кстати, А.М. Дорофеев, рассказывая об этом озере, вспоминал, что в их лагерь со студентами-биологами «залетали» на мотоциклах местные подростки и стреляли из какого-то пистолета.

В 2007 году летом, проезжая из Дворища в Витебск этим маршрутом, я снова завернул в д. Большое Ситно. Она расположена очень на высоком берегу озера Ситно. Я подумал, что жителям не очень удобно добираться до озера по крутому спуску. Сама деревня навевает старину, отдельные дома имеют очень старый вид, чуть ли не вросшие в землю с узкими окнами, да и сами улицы весьма узкие. Как я понимаю, многие дома там сейчас принадлежат дачникам. Дай Бог, чтобы они берегли природу, рыбу, озеро. За деревней после ложбины снова значительная возвышенность вдоль озера, на ней неожиданно расположилось местное кладбище, довольно ухоженное. Пока я изучал местность, мимо меня несколько раз туда и обратно как-то странно проехала легковушка

с мужчинами, которые с нескрываемым любопытством рассматривали меня. Может, это контрабандисты. До границы с Россией считанные километры.

Продолжаем путь дальше на Краснополье. В д. Малое Ситно есть очень красивое место, там, где дорогу пересекает речка Полота, вытекающая из озера с названием Измок и ещё выше по течению из озера Неклочь уже на территории России. Каждый раз я останавливаюсь на мосту и долго смотрю на чистую реку, плавно бегущую среди зелёных лугов. Снова с волнением и восторгом бьётся сердце, а что за тем поворотом?

Впереди, ниже по течению Полоты, считается, существует аномальная зона. В той местности находится озеро Лешно и станция с таким же названием. Там почти одновременно в Полоту впадают речки Лешница и Лютая.

Подъезжаю к д. Алёща, которая одновременно является и железнодорожной станцией. Железная дорога связывает Полоцк с Невелем. В Алёще жили родственники жены: двоюродная сестра тётки, тётка Аня с мужем Валентином, переехавшие из Керчи после развала СССР. Здесь они вели гармоничный образ жизни, повседневно общаясь с природой. Собирали ягоды, грибы и т.д. Грибов здесь, как они говорили, – море. Тётка Аня подтверждала наличие в этих отдалённых лесах аномальных явлений. Позже супруг тяжело заболел, и они переехали в Полоцк.

После Алёщи вскоре развилка, если налево, то это в Дретунь, я поворачиваю направо на север, пересекаю железнодорожное полотно и еду к границе Полоцкого и Россонского районов. Граница проходит в знакомом месте. С левой стороны рядом с дорогой озеро Глыбочино, справа в полутора километрах от дороги большое озеро Ведето. Через десяток километров большой красивый населённый пункт Краснополье. В советские годы мы частенько из Дворища навещали сюда с целью посетить магазины и купить что-нибудь «дефицитное». В Краснополье было два продовольственных магазина, промтовары, хозтовары и даже магазин «Книги». В посёлке была столовая и там, как правило, в деревянных бочках продавалось пиво, не очень вкусное, зато бочковое. Теперь этой столовой нет. Вместо магазина «Хозтовары» открыта заново церковь. Посёлок Краснополье имеет ключевое значение потому, что здесь большая развязка дорог. Одна идёт в Россию на Невель через пограничную деревню Уклеенка, две – в Полоцк и третья – открывает путь в самую северную часть Россонского района к так называемому «пауку» – каскаду озёр: Глубо, Дрысы, Островцы, Волобо, Синьша, Донское, Пролобно. Из них вытекает река Дрыса. Все эти озёра соединены между собой в замысловатом узоры, почему их и называют «пауком». Там очень изумительные места: песчаные отмели, сплошной сосняк, многочисленные мысы.

Через Краснополье течёт Дрыса, на берегу есть святая криница. Важность данного водного пути в древние времена подтверждает находка на

берегу Дрысы вблизи Краснополя римской монеты 179 года н.э.

В 90-х годах знакомый орнитолог Виктор Бирюков рассказал мне, что на север от Краснополя есть очень интересное и красивое место рядом с деревней Мамоли. Он неоднократно выезжал туда с экспедицией для исследования птиц. Я предпринял небольшую поездку с сыном и дочерью. Действительно, места там отметные. На большой площади расположились значимые высоты, достигающие 224 метров. Все они были покрыты прекрасным сосновым строевым лесом. Это мы определили по свежим пням, которые сплошь устилали высоты. Лес уже был вывезен. Куда ни бросишь взгляд, только пни и песчаные дюны. Нас постигло глубокое разочарование. Мы стали свидетелями сплошной варварской вырубki. Никаких птиц мы там не слышали. В настоящее время в этом регионе находится ландшафтный заказник Синьша. Заказник был бы намного привлекательнее, если бы были сохранены леса на Мамольских высотах.

Проезжая дальше д. Мамоли по прямой, попадаем на северо-западную часть Россонского района. Здесь наиболее глухие места. Последняя деревня Шерстово. Дальше дороги нет. Здесь рядом граница с Россией. В Шерстово озеро Глубо начинается знаменитый каскад озёр. Эта деревня меня заинтересовала как возможное место для дачи. В деревне никто не проживает из постоянных жителей. Когда с сыном мы приехали туда, то смогли отыскать только одну дачницу из Петербурга. Кстати, дорога к деревне – глинистая. В советский период там проживало много дачников из Ленинграда. Большинство из них – бывшие белорусы. Они наслаждались тишиной, ловили рыбу, в большом количестве заготавливали грибы, ягоды. После развала СССР резко ограничились возможности и дачи стали пустующими.

Женщина, которую мы встретили в Шерстово, показала нам несколько продающихся дач. Все они стоят особняком друг от друга. Деревня сильно разбросана. В то же время нам показалось, что дачница из Петербурга хитрила и лучшие дачи нам не показала. Кругом всё заросшее деревьями и кустарниками, запустение. Дорога к озеру также оказалась непроходимой из-за сплошных зарослей. Одним словом, данная местность напоминает современную «Оптину пустынь». Случайно или нет, но 8 километров южнее находится озеро Оптино. Может быть, поэтому неподалёку в этой местности жили староверы. В настоящее время на озере Оптино расположилась экоусадьба. Сюда любят приезжать туристы. Возле озера Оптино проходит очень живописная дорога через лес на д. Перевоз. Именно в этом месте растут уникальные высокие красные сосны. Перед д. Перевоз лесная дорога пересекает по мосту озеро Дрысы в наиболее его узком месте.

Примерно в километре от моста на север находится полуостров Перевоз. На нём между устьем впадающей в озеро Дрысы речки Уща и

истоком выходящей из него реки Дрысы, как отмечал А.К. Киркор, находится одна из самых значительных земляных насыпей исторической эпохи – гора Рогнеда. Окружность горы имеет до 300 аршин, вышина пять с половиной сажень. По народному преданию, на этой горе был убит князь Рогволод ударом каменного молота, и потом здесь же была похоронена Рогнеда. В самой горе и в озере Дрысы находили каменные молоты и палицы.

Снова возвращаемся на наш основной маршрут в Краснополье. От Краснополя до Дворище остаётся всего 10 километров. На этом отрезке примечательны две деревни, стоящие вплотную друг к другу: Тродовичи и Амосенки. Здесь рядом с шоссе находится древнее Городище. Местные жители называют его Скориновским курганом. В Тродовичах также установлен памятный знак прародителям Франциска Скорины. Здесь его род владел именем и землями.

А вот и Дворище. Сегодня у меня здесь намечена встреча с молодой поэтессой Ларисой Трашковой (1975). Она уроженка этой деревни и очень любит свой родной северный край. Лариса прочитала несколько своих замечательных стихотворений и дала согласие на их первую публикацию:

Тут, дзе рэчак блакітныя стужкі
І зялёных дубраў караван,
Спяваюць бярозкі частушкі,
Тут чырвоных брусніц акіян.

Тут надыхацца нельга прыволлем,
Калі крочыш і бачыш палі.
Толькі тут, дакрануўшысь да глебы,
Адчуваецца моцнасць зямлі.

Той зямлі, што цябе гадала
І люляла, як быў ты малым.
Той зямлі, што заўсёды чакае
Цябе з доўгага шляху старым.

Посвящение бабушке Нине

Красным яблоком начался день,
Так как было вчера и давно.
От пушистого облака тень
Улеглась на реке, видя дно.
Хмурой, тёмно-зелёной стеной
За холмом возвышается лес,
Вековую прохладу храня,
Ценит каждой росиночки вес.

Океан из колосьев ржанных
Разреши́т расцвести васильку.
В нужный миг синеглазый цветок
Скрасит хлебную гриву ему.

В гнёздах будут чирикать птенцы,
И пчела опылит свой цветок.
Будут литься грибные дожди,
Так как было вчера и давно.

В мире всё на кругах своих:
Есть рассвет, и приходит закат,
Но когда-то наступит час,
Будет всё, но не будет нас.

Могучие горы, прозрачные реки,
Леса, океаны, пустыни, поля.
Всю красоту, что бывает на свете,
Щедро нам дарит планета Земля.
Быть благодарным за всё, что мы видим,
Должен любой на земле человек.
Помнить, что после и нас на планете
Жизнь быть должна – нескончаемый век.

Каб было ў мяне два крылы
Абляцеў бы тады ўсю зямлю.
Усім паведаў бы пра Беларусь,
Пра Радзіму тваю і маю.

Пра яе вельмі дзіўны народ,
Пра квітнеючыя гарады.
Як гісторыю продкаў змаглі
Пранясці кожны з нас праз гады.

Запрашаць буду ўсіх да сябе
Каб ведалі, чым ганарусь.
Каб убачылі ўсю прыгажосць
Той зямлі, што завуць – Беларусь!

Пора собираться в путь. Дорога делает новый поворот, руки привычно переключают руль, а что там впереди...

3.2. Нещердо

Одним из знаковых мест на севере Беларуси является озеро Нещердо. Его длина 12 километров, а площадь составляет 2471 га.

Этимология названия озера означает «лесное озеро» и имеет литовские, латышские, финские и карельские родственные корни. Иногда озеро называют Россонский Байкал. Может быть, потому, что из него вытекает только одна речка Нещерда. Впадает в Нещердо 7 ручьёв и речка Атлайская (на некоторых географических картах – Алтайская).

Глубина озера колеблется от 2,8 до 6,5 м.

Озеро имеет три острова, один из них значительный.

Берега Нещердо больше заболоченные. Видимо, поэтому сегодня непосредственно на берегу озера расположено всего несколько деревень: Горбачево, Лютьково, Гольница, Мураги. Другие прибрежные деревни стоят несколько поодаль: Старица, Латыши, Горы, Байдино, Поречье, Кривошапово, Покотино, Булынино, Игольница, Драгуново, Дворище.

Вместе с тем, старожилы рассказывают, что раньше берега озера были обжиты намного больше благодаря многочисленным хуторам и части уже не существующих деревень. К ним вело много дорог. В 30-е годы стала массово проводиться коллективизация, и все хутора снесли, наличие которых считалось проявлением индивидуалистических настроений. Сохранились названия некоторых прибрежных хуторов и не существующих деревень на восточном берегу: Домашково, Крешково, Полёк, Дейчено, Дарчено, д. Твары, д. Городок, д. Залучье, д. Морщаки (раньше говорили: «Хорошо живут в Залучье, а в Морщаках ещё лучше»), Подбыховцы, д. Старые Мураги, Гирино.

На западном берегу: д. Остров, д. Старый Остров, д. Моково, д. Асотня. Между озёрами Бродно и Нещердо находился Серусёв Хутор.

Отсутствие хуторов привело к зарастанию берегов тростником и затруднённому подъезду к озеру.

Нещердо в нескольких местах сообщается с главной водной магистралью данного региона – рекой Дрыса. Наиболее мощным и прямым сообщением является река Нещерда. Также существует сообщение в районе д. Байдино, так называемого Коренца озера. Здесь оно осуществляется через систему ручьёв, озера Семененки и Межно.

Дорога возле Коренца полностью насыпная. Ещё в 50–60-х годах она весной была непроездной на участке от д. Поречье до д. Байдино. В тот

период автомашины и автобусы через трясины перетягивали трактора.

Возможным старинным руслом, соединяющим Нещердо с Дрысой, было: речка из Крешковской луки – сплав у д. Булавки – озеро Полонец – озеро Должно – пруд в д. Прудок – Дрыса.

Река Нещерда вытекает из озера в его юго-западной части между деревнями Гольница и Поречье. Затем она пересекает дорогу Россоны – Краснополье и далее течёт в довольно глухой болотисто-лесной местности. Там в неё впадает река Жеремянка и речка из озера Глухое. Также река Нещерда двумя ручьями соединяется с лесным озером Россомачинское. Перед впадением в Дрысу Нещерда протекает через д. Долгоборье и пересекает дорогу Полоцк–Краснополье вблизи д. Прибытки. Река обладает интересным феноменом: она не замерзает даже в сильные морозы, по крайней мере в районе д. Поречье.

Около 1995 года я предпринял по реке Нещерда путешествие на надувной лодке с сыном Игорем. Лето было очень жаркое, и речка сильно обмелела. Накануне я съездил в д. Поречье с целью получить информацию о маршруте. Местные жители сказали, что по реке никто не плавает, так как она местами очень мелкая и завалена поваленным лесом. Также они подсказали, что в некоторых местах река разделяется на два русла, из которых одно образует ложный рукав. Это была важная подсказка.

На следующее утро мы с Игорем добрались до Поречья на местном автобусе. Выйдя из автобуса, я обратил внимание на довольно большую группу милиционеров. Они стояли прямо на мосту через речку и что-то обсуждали, показывая на направление, по которому мы должны были плыть. Невдалеке стоял их микроавтобус. В памяти всплыло, что на днях в Россонах кого-то убили с ограблением. В голове пронеслось: а может они обсуждают возможный путь отхода бандитов? На душе стало беспокойно. Вскоре милиционеры уехали, и мы с сыном начали наше небольшое, но трудное путешествие.

Пока речка протекала через деревню и окрестности, опасность представляли многочисленные сваи из брёвён, забитые в дно. Из брёвен торчали гвозди. Речка совсем не широкая. Поэтому приходилось «ювелирно» проводить лодку между сваями, чтобы не пробить резиновые бока и днище. Постепенно русло стало свободным. В отдельных местах русло раздваивалось и приходилось интуитивно выгадывать правильное основное направление, чтобы не попасть в ложное тупиковое русло.

Экстремальность этого маршрута обуславливалась отсутствием каких-либо дорог к речке, так как почти на всем протяжении берега речки сильно заболочены. В одном месте речка разделилась на несколько ручьёв среди тростника и высокой дикой травы. Практически вёслами через болотную грязь мы выгребли из опасного места.

При движении лодки из-под её носа периодически раздавались

громкие всплески испуганной большой рыбы. Скорее всего, на солнце грелись здоровенные щуки, которых до нас никто не беспокоил. В речке много раков. Всё чаще стали встречаться завалы из поваленных деревьев. Благо, лодка была резиновая и снаряжения мы с собой взяли самый минимум. Тем не менее, охотничье ружьё и боеприпасы для самосохранения у нас были. Бесконечное количество раз мы перетаскивали лодку по берегу и шли дальше. Игорь хоть и был ещё ребёнком, но помогал очень умело.

С трудом для ночлега нашли подходящее сухое место. Здесь проходила тропа через очень толстое бревно, соединившее оба берега. Скорее всего, это была тропа из д. Озерцы к озеру Россомачинское или к д. Долгоборье. Забросили удочку. Клёв сумасшедший. Но половить толком не удалось. Крупноватая рыба быстро запутала и порвала снасти. Запаса необходимых снастей у нас не было из-за экономии места в лодке.

Стали готовиться ко сну. Проблема была с дровами для костра. Игорь очень удачно нашёл, бог знает откуда здесь взявшийся большой поддон для кирпича. Мы его разбили на части и получили небольшой запас топлива. У меня из головы не выходила увиденная утром картина с милиционерами на мосту. А вдруг бандиты где-то в этих местах? Мы скромно перекусили. Я постелил Игорю на траву надувной матрас, и он уставший лёг спать. Я занял пост часового, всматриваясь в полную темень июльской ночи. Я стоял с ружьём в руках. На поясе был солидный охотничий нож. Вокруг стеной стояли тёмные заросли высокого тростника.

Костёр горел хорошо. Но я берёг дрова, чтобы растянуть до утра. Вдруг в ночи я услышал приближающийся рокот вертолёт. Откуда он здесь и почему глухой ночью? Сразу представилось, что это милиция разыскивает преступников, которые ночью могли разжечь костёр. Я подумал, что в таком случае в этом безлюдном месте нас могут принять за бандитов и здесь через какое-то время может оказаться спецназ. Напугают ребёнка. Я быстро потушил костёр. Вертолёт стал удаляться. Немного переждав, я снова разжёл огонь. Снова раздался гул приближающегося вертолёт. Стало не по себе. Он явно кого-то искал. Снова раскидал костёр. Вновь разжёл. Опять звук вертолёт. Так продолжалось большую часть ночи. Я с радостью встретил рассвет.

Мы продолжили путешествие. Лес отделился от реки, и оба берега были заросшими высоким тростником. Зато не было завалов. Продвигаясь вперёд, мы поднимали тучи уток. Вот что значит люди дали природе передышку. Вдруг видим, летит огромный орлан-белохвост и держит в когтях утку. Через некоторое время мы услышали через тростник сильный треск. Он приближался. Мы подумали, что на нас идёт кабан-секач. Я приготовил ружьё. К нашему удивлению, к лодке прибилась обезумевшая от страха утка. Наверное, та самая, которую нёс орлан. Он её выпустил, когда заметил нас. А утка стала искать спасение возле нашей

лодки.

Наконец, мы испытали облегчение: река вышла на открытое место и завалы прекратились. Кругом расстилались луга и покосы со свежей травой. Река здесь была достаточно полноводной. Мы отдыхали и наслаждались прекрасным пейзажем и наблюдением за самыми разнообразными птицами. Стали попадаться рачевни. Недалеко была д. Долгоборье. Вместе с тем, не доплыв до деревни несколько километров, река вынесла нас к берегу, сплошь заросшему осинником. Сразу стало сумрачно. Значительная часть осинника была повалена сильными ветрами и бурями и почти полностью перекрыла русло. С трудом мы добрались до конечной точки маршрута недалеко от д. Прибытки.

Интересно заметить. Осенью дети пошли в школу. Учительница по русскому языку в классе Игоря дала традиционную тему для домашнего сочинения: «Как я провел летние каникулы?». Мы вместе с Игорем описали наше путешествие. Учительница поставила только четыре балла (по пятибалльной шкале).

В настоящее время в связи с последними климатическими изменениями река помелела и стала сильно зарастать. В советские годы перед д. Поречье на реке был сооружён механизм регулирования спуска воды и при нём были устроены ловушки для угря.

Таким образом, на единственной надёжной водной артерии, соединяющей озеро Нещердо с рекой Дрысой, искусственно создавались препятствия для свободной миграции рыбы. Сейчас такие ловушки на реке отсутствуют.

Жители Россонщины с определённым почтением относятся к 17 огромным валунам на территории района и считают их знаковыми. Многие из них находятся в местности, прилегающей к озеру Нещердо. Назовём все россонские валуны, возможно, играющие свою сакраментальную роль в этом отдалённом крае:

- Великий камень Россонский;
- Цыбульский камень Заозерский;
- валун Гречушинский;
- Избишчинский Великий камень;
- Пилипенский Великий камень;
- валун Заозерский;
- валун Высоцковский;
- Лидин камень Гречушкинский;
- Кедровский камень Крестовский;
- валун Лапешчинский;
- Грушин камень Заозерский;
- Межновский Великий камень;
- Локтевский Великий камень;

- Сырный камень Россонский;
- Великий камень Фоминский;
- Великий камень Глазковский;
- Шатанский камень Россонский.

Считается, что Шатанский камень описывал Ян Барщевский в рассказе «Зухаватыя ўчынкі» и называл его «Цмокавым». Этот камень нашёл своё место на самом берегу Нещердо в 1,5 километрах от д. Лютьково. Местные жители называют его ещё «Гремучим». Мол, если стать на него, то он начинает ходить в земле и греметь.

Царь Иван IV (Грозный) любил говорить, что Западная Двина имеет возле Полоцка серебряные берега и золотое дно. Это когда в Полоцк съезжались на торговлю киевские и московские купцы (негоцианты). Зимой 1563 года царь с большим войском (60 тысяч человек) спалил Полоцк и окрестные деревни. Для закрепления на завоёванных землях москвиты строят на Полоччине систему замков-фортов: между реками Дрысой и Нищей – форт Сокол; на высоком берегу озера Ситно по дороге на Великие Луки – форт Ситно; на реке Оболь – форт Козьян; на реке Усвяча, где она впадает в Двину, – форт Усвят; на берегу озера Нещердо – форт Несчердо.

Форт Несчердо был построен на восточном берегу, на главном мысу озера Городок, который с трёх сторон омывается водой. 13 декабря 1579 года форт взяли и сожгли польские войска.

Позже в XIX веке Ян Барщевский писал, что на горе на мысу стоял маленький деревянный костёл и несколько сосен. В этом месте часто находили в песке стёртые веками серебряные монеты, стеклянные украшения, ржавые части старинного оружия. По преданию, на мысу когда-то существовал город. Однажды страшный разбойник-богатырь Княже с большой шайкой разбойников напал на город, разорил его, а жителей поубивали. Колокола с костёла разбойники утопили в озере, а сам костёл сравняли с землёй. За это Бог наслал на злодеев кару: они заражались чумой и умирали. Вожак Княже в страхе закопал в горе награбленные сокровища и бежал с несколькими друзьями. Однако недалеко за озером он погиб. В этом месте появился большой курган, который люди стали называть «Могилой Княжа».

В сентябре 2015 года совершаю поездку на полуостров Городок. С этой целью сначала еду в д. Горбачево к знакомым людям: Леониду Емельянову и Василию Васильевичу Крюкову. Вот и дом Емельяновых, необычно весь увитый лиловым виноградом. Леонид Емельянов (1951) вместе с приветливой супругой Татьяной Михайловной всю жизнь живут в этом районе, расположенном у северо-западной части озера Нещердо. Леонид опытный охотник и хороший рыбак, любящий родной край. В молодости он активно занимался спортом, являлся капитаном местной футбольной команды. Леонид всегда готов прийти на помощь

людям. Он повезёт меня сегодня на главный полуостров озера.

Отплываем от хутора Гирино и берём курс на юго-восток. Лодка казанка быстро рассекает водную гладь под умелым управлением Леонида. Вскоре показывается большой остров. Я называю его остров Родьки. В XIX веке Родька был совестливым человеком и лучшим рыбаком на озере. Он точно знал, когда, где и какая ловится рыба. Он постоянно проживал на острове со своей семьёй. Здесь у него была пахотная земля, скот, сад. У Родьки любил покупать свежую рыбу шляхтич Завальня из Мурагов. В послевоенные годы на остров стали завозить телят из местного колхоза. Их цепляли к лодкам, и они плыли позади. Всё лето телята питались подножным кормом, в том числе, объедая листву на деревьях и кустарниках и тростник в озере, докуда могли зайти в озеро. Сейчас остров прячет свою былую цивилизованность за густой растительностью.

С середины озера с восточного берега надвигаются две горы мыса Городок, покрытые лесом. Они заметны ещё издалека, если к ним плыть на лодке. От берега полуостров омывают две большие луки. Одна из них, которая южнее, называется Василиса, или Дядьковка, которая севернее – Чернуха, или Тварская. К южной луке с полуострова спускается гора под названием Красная Горка. Возможно, в былые времена её называли Городецкой. Если это так, то именно в этой луке, в которую впадает речка из озера Долгое, перед заходом солнца забрасывал свой невод рыбак Родька и всегда был с богатым уловом.

На западной стороне мыса останавливаем лодку и сходим на берег. Сразу же попадаем в царство боровиков. На подберёзовики внимания не обращаем. Когда стали подниматься на главную гору, то больше встречаются красноголовые подосиновики. На полуострове хорошо видны контуры двух дорог, которые затем сливаются в одну, ведущую в д. Старица.

В настоящее время о форте Несчердо на мысу ничего не напоминает. На западном склоне главной горы хорошо сохранилась длинная траншея, в которой держали оборону бойцы Красной Армии в 1943–1944 годах. На горе находится кладбище. Раньше здесь хоронили людей с окрестных деревень и хуторов. Сейчас новые захоронения отсутствуют. В былые времена полуостров не был заросшим деревьями и кустарником и с горы открывался изумительный вид на всё озеро. Несколько десятков лет тому назад на Троицу на кладбище прибывало много людей, в том числе приплывали на лодках из д. Горбачево. На кладбище сохранились кресты и памятники, на некоторых указаны фамилии: Бурнасенко, Журавлёвы, Ващенко, Беликовы, Емельяновы. Старинность кладбища подчёркивает наличие множества старых надмогильных камней. У Леонида Емельянова на этом кладбище похоронены его дед и друг юности. Я прочитал канон по усопшим, и мы помянули всех ле-

жащих на этом уединённом месте.

В отдельных местах на Городке виднеются шурфы, оставленные чёрными копателями. Местные рассказывали, что ещё в 90-х годах в этих местах плотно рыскали два человека с металлоискателями и на этом здорово обогатились. Позже они перебрались в Минск. В разговоре со мной один из молодых искателей отметил, что часто находятся фигурки людей из металла с татаро-монгольскими чертами.

Взревел мотор, и мы уже мчимся обратно в Горбачево. Пока, Городок!

По приезду благодарю Леонида за оказанную помощь в поездке и сразу иду к дому Василия Васильевича Крюкова. Вхожу в просторный и уютный двор. Здесь встречаю хозяина и его супругу Веру Леонидовну. Это очень отзывчивые и гостеприимные люди. Отец Василия Василий Иванович родился в д. Твары на том самом полуострове. Прошёл всю войну, был тяжело ранен, подхватил туберкулёз и от него умер в 1956 году. Дед Василия Васильевича Иван Романович Крюков всю жизнь проработал рыбаком на Нещердо. Мать Василия Васильевича Чапковская Ядвига Александровна (1924) родилась и долгие годы проживала в д. Мураги, затем в д. Горбачево. Мураги красочно описаны в произведениях Яна Барщевского. Она вспоминала, что до войны в Мурагах было несколько улиц. Одну из них полностью заселяли евреи. В Мурагах на самом высоком месте стоял костёл, также в деревне была православная церковь. Во время войны они были сожжены партизанами, чтобы не служили ориентиром гитлеровской авиации. В Мурагах хорошо делали нещердские лодки. Из последних тамошних мастеров-лодочников выделялся Филлипченко Константин Антонович, который мастерил лодки и все комплектующие к ним изделия только из дерева.

После недолгого приветствия собираемся и едем вместе с Василием Крюковым к местному краеведу Маликову Виктору Тимофеевичу. Он живёт почти на самом берегу Нещердо. Знакомимся. Простой и доброжелательный человек, отражающий настроения людей этого северного края. Вначале разговора Виктор Тимофеевич даёт краткую историческую справку о Горбачево. В 1848 году здесь была построена деревянная церковь пророка Ильи, также действовал костёл из камня, стоящий на самом высоком месте на берегу Нещердо. В настоящее время они не существуют. В 1866 году в Горбачево была открыта церковно-приходская школа. Её директором и учителем был В.Г. Кандыба.

В годы войны, в феврале 1943 года, в принещердском крае прошла жёсткая карательная экспедиция, которую фашисты «ласково» называли «Зимнее волшебство». Виктор Тимофеевич рассказал, что Горбачево партизаны освободили ещё в марте 1942 года. Но вот с запада снова пришли каратели. Они собрали всех жителей и предатель некто Хари-

тон назвал фашистам коммунистов, активистов и лиц, помогавших партизанам. Всего в деревне убили и сожгли живьём 101 человека. Каратели ушли, и тут пришли партизаны. Их командир зашёл в хату Харитона. Его жена стала кричать:

– А чем вы, партизаны, лучше...

Командир, молча, поднял автомат и застрелил Харитона, его жену и их четверых детей. Зимой оставшиеся в живых в деревне женщины не могли похоронить убитых и сожжённых, так как не было сил долбить мёрзлую землю. Весной, когда всё оттаяло, они собирали в корзины обгоревшие кости и хоронили в одной могиле. После войны в Горбачево осталось около четырёх хат. Позже В.Т. Маликов за свой счёт изготовил табличку для обелиска из нержавеющей стали, на которой увековечил имена и фамилии погибших жителей, среди них его дед Маликов Андрей Егорович, дядя Иван Андреевич, его жена Елена Сидоровна, а также Базылёвы, Емельяновы, Косаревские и другие.

Почти в это же время на противоположной стороне Нещердо в центре деревни Дворище тоже понуро стояли люди, которых сюда согнали фашисты. Среди жителей был Волков, который в 30-е годы особенно жестоко, как партийный активист, участвовал в разорении хуторов и насильном зачислении людей в колхозы. Гитлеровцы настойчиво предлагали желающим назвать коммунистов и их помощников. Напротив Волкова на снегу стояла Скуратова Анна Максимовна и в упор смотрела на него. Его глаза беспокойно бегали по сторонам и изредка встречались со взглядом Анны Максимовны. Он явно боялся и было за что. В 1937 году по распоряжению Волкова была раскопана хата на хуторе Крешково, где жила семья Скуратовых. Но в колхоз они не пошли. Вырыли землянку и в ней жили. Затем последовал донос Волкова, и главу семейства, прекрасного человека Василия Семёновича Скуратова, забрали органы, и больше его никто не видел. В положенные годы он был смертно реабилитирован. Но этого злодеяния Волкову показалось недостаточно. У семьи осталась лошадь, которую он тоже хотел прибрать к рукам. Лошадь-кормилицу Анна Максимовна тщательно прятала. Чтобы найти коня, Волков неожиданно поздно вечером или ночью приезжал на хутор. Но Анна Максимовна всегда была начеку и часто прикладывала ухо к сырой земле, чтобы вовремя услышать топот коня преследователя.

И вот сейчас студёным утром Анну Максимовну, оставшуюся с двумя несовершеннолетними детьми, мучила жгучая обида. Хотелось возмездия над подлецом. Но у неё хватило мудрости и хладнокровия. Она промолчала. В послевоенные годы она рассказала, что уже в мирное время Волкова всё равно не обошла Божья кара: умирал он в мучениях и в полном одиночестве.

До войны в Россонском районе проживало 37 тысяч человек, после

войны – около 17 тысяч.

Вечером прощальный вечер в доме Василия Крюкова. Сюда приходит и Леонид Емельянов. Выпиваем и разговариваем. Закусываем вкусными деревенскими разносолами, в том числе, кусочками филе нещеровского судака, приготовленного по сырой технологии: только соль и уксус. Всё, пора спать. Завтра на Витебск.

Во время Великой Отечественной войны, с октября 1943 года до начала июля 1944 года, линия фронта проходила через озеро Нещердо. Мать жены Татьяна Васильевна Скуратова, жившая на хуторе Крешково, расположенном на юго-восточном берегу, вспоминала, что на постое у них в этот период жили солдаты-казахи. Они, видимо, были из 101-й Казахской особой стрелковой дивизии Калининского фронта. Когда на хуторе начинали топить баню, с противоположной стороны озера с д. Гольница немцы тут же начинали обстреливать с миномёта, на что казахи тоже отвечали ответным огнём. Однажды у хуторян пропала пара валенок. В условиях войны и в зимнее время это была существенная потеря. Мать Анна Максимовна Скуратова обратилась к командиру, и валенки тут же вернули.

Также Татьяна Васильевна рассказывала, что весной 1942 года в их Крешковскую луку зашло несметное количество лещей на нерест. Она с родным братом Михаилом Васильевичем, взяв ости, на лодке не медля отправились на добычу. Огромные спины горбачей стояли практически вплотную друг к другу, и лодка, буквально, скользила по ним. Для хуторян это была большая удача и мощное подспорье для выживания. Они взяли очень много лещей. Рыбу сушили на печи и затем часть её обменивали на другие необходимые продукты и одежду.

Житель прибрежной деревни Байдино Александр Николаевич Малашенко вспоминал, что как-то во время войны мать приготовила бульбешники с капустой. К ним в хату зашли два немца и попросили поесть. Один из них был особенно голодный и злой. Он жадно набросился на еду. Через некоторое время его прохватил понос. Он разозлился и снова забежал в хату, схватил маленького брата Николая и бросил в огонь в русскую печь. В этот же момент другой немец выхватил его из огня и показал хозяевам пальцами, что у него в Германии тоже есть два маленьких «киндера». Таким образом, Николай Малашенко благополучно остался жить дальше.

Периодически значительная часть территории Россонского района была подконтрольна партизанам. И тогда жизнь робко пыталась пробиваться на мирную основу. Житель д. Дворище Михаил Александрович Трашков рассказывал, что в д. Булавки (ныне входит в д. Дворище) в одной из хат по праздникам и торжественным случаям устраивались вечеринки с танцами. В той хате незадолго до войны родился мальчик Лёня (1940 г.р.). Он был ещё совсем маленьким. И вот во время гулянок,

чтобы он не затерялся, его обычно засовывали в рукав тулупа и клали на печку. С тех пор на всю жизнь Леонид Александрович Ложанов получил прозвище «Рукавок».

Также М.А. Трашков поведал, что на месте нынешней школы в Дворище стояла церковь. В одно время она стала хорошим ориентиром для налётов немецким лётчикам. Тогда партизаны спалили церковь. Уцелевший большой и оригинальный крест, который стоял на церкви, забрал к себе домой житель деревни Мамеко Кирилл Павлович (1870–1961). Он приходится дедушкой М.А. Трашкову. Кирилл Павлович завещал после своей смерти поставить крест на могиле. Завещание исполнили, и сейчас данный крест стоит на его могиле на кладбище «Бродки».

Кладбище Бродки расположено возле большака между деревнями Дворище и Байдино. На Бродках похоронены жители деревень, которые расположены неподалёку от юго-восточного берега Нещердо: Байдино, Горы, Дворище, Триполье. Кладбище старинное. На его территории можно найти множество своеобразных надмогильных камней, многие из которых, видимо, ещё с языческих времён. Когда копали могилу Т.В. Скуратовой, то обнаружили большой колотый плоский камень, напоминающий то ли огромную стрелу, то ли сердце.

Больше всего людей собирается на кладбище по традиции, в воскресенье на светлый праздник Святой Троицы, или, как его ещё называют в том краю, Сёмуху. Люди встречаются, поминают, вспоминают. По старинному преданию этот день особый, и на кладбище следует внимательно наблюдать за окружающей обстановкой, чтобы успеть запечатлеть знак, который обязательно пошлют нам души наших предков. 31 мая 2015 года на Троицу мы с супругой были на Бродках. Согласно традиции, я ждал, когда души предков дадут знак. Долгое время ничего не проявлялось. И только когда подошло время начинать собираться покидать кладбище, между 14 и 15 часами, внезапно с южной стороны от небольшого болотца и озера Заслистинок (в народе Глистенки) прошёл необычный одномоментный порыв ветра. Точнее это было похоже на глубокий выдох облегчения. Их души нас услышали.

На обратной дороге мы заехали в деревню моих прадедов Жарцы. Мы медленно ехали по единственно сохранившейся улице с небольшими домиками. Былые большие Жарцы были полностью сожжены фашистами, а практически все жители уничтожены. Неожиданно на окраине деревни на одной из не высоких изгородей мы увидели совершенно необычную птичку. Она была небольшая и словно отлита из чистого золота. Я остановил машину прямо напротив птички. Она нас совершенно не боялась и долго не улетала. Мы подумали, что это тоже нам послан знак от наших предков.

Озеро Нещердо манит к себе не только своей красотой и широкими

водными просторами: оно всегда было богато рыбными запасами. В то же время Ян Барщевский в XIX веке отмечал, что с незапамятных времён все большие рыбные озёра Витебщины, включая Себежские и Невельские, сдавались в аренду местными панями из-за наживы так называемым остахам. Родом они были с окраин г. Осташков, который находится на севере Тверской губернии, на озере Селигер. Осташковцы были умелыми рыбаками и сильно зимой облавливали озёра. За это местный народ их недолголюбил и называл сумрачными остахами. В народе ходили слухи, что осташи якобы посылают под лёд злого духа и он загоняет рыбу в сети. А сами осташи, мол, являются колдунами и чертовыми братьями и что, мол, они зачастую вытаскивали не добрых лещей, а страшилищ с огненными глазами и с кожаными перепончатыми крыльями. Тем не менее, каждую зиму обозы тяжёлых саней, нагруженных рыбой и неводами, возвращались с остахами на север. Самых больших лещей они ловили на озере Свибло.

После войны вплоть до 90-х годов местное население на различные торжественные и поминальные случаи обычно заказывало хорошую рыбу опытным нещердским рыбакам, в частности, в деревнях Горы, Байдино, Поречье, Булынино и др. Когда нужно было поймать крупного окуня, то знающие специально ловили его на камнях. Нередки были судак и угорь.

Помню, в те годы ловлю рыбу на удочку на резиновой лодке в районе Домашково. Клюёт плохо. Показывается нещердская длинная деревянная лодка с рыбаком из Байдино, как потом оказалось с Тращенко Дмитрием Александровичем. Он окликнул меня:

- Откуда будешь?
- Из Дворища. Я зять Синицы.
- А, значит, Синицы Васьки. Хороший мужик.
- Возьми-ка у меня рыбы..., – и с этими словами достаёт приличную щуку.
- Да, спасибо, не надо, – говорю я.
- Бери, бери, я такую рыбу со своей бабой всё равно не ем.
- Вот это наша рыба, – и достаёт с днища лодки угря.

Он перебросил мне в лодку несколько щук и со словами:

- Передавай привет Василию, – повернул к берегу.

Это было поколение настоящих рыбаков, а не браконьеров в полном смысле этого слова. Теперь время изменилось. В этих деревнях осталось мало толковых рыбаков. Даже длинные дощатые нещердские лодки стали редкостью. Те люди вымерли, а их наследники переселились в города.

Наряду с этим, вокруг Нещердо всегда роилась категория людей хищных и корыстных, которым всегда хотелось взять из озера как мож-

но больше рыбы, в том числе, на продажу. Иногда между ними разгоралась острая конкуренция и целые маленькие войны. В 90-х годах жители д. Гольница рассказывали, что поздней ноябрьской ночью с озера раздавались отчаянные крики о помощи тонущих людей. Но помочь они им не могли, так как почти все были в преклонном возрасте, да и просто боялись плыть в ледяной мрак. Позже стало известно, что одна конкурирующая группировка из нескольких человек подплыла на лодке проверять сети другой группировки браконьеров. Но те в эту ночь не дремали и следили за первыми. Вооружившись, они не заметно подплыли в тёмной ночи и сбили двоих с лодки в воду. Говорили, что кому-то удалось уйти на лодке от погони и спастись. А вот те двое погибли, не доплыв до далёкого берега в ледяной воде.

На юго-восточном берегу Нещердо почти вплотную ещё два озера Круглое и Долгое. Они не большие, но рыбные. Летом я часто на них ловил на удочку. Добраться к озеру Круглое можно через деревню Горы. Дорога насыпная через болото, поэтому местами она в ямках, которые в дождливый сезон наполнены водой. По этой же дороге можно попасть в урочище Полёк, которое расположено на чистом песчаном берегу Нещердо. Между озерами Круглое и Долгое есть узкий перешеек, через который можно легко перетянуть надувную лодку. Также озёра соединяются заросшей протокой, но её на картах обычно не обозначают. На озере Долгое есть дорога через д. Латыши, по которой через небольшую дамбу реально попасть на узкий перешеек, отделяющий Нещердо от озёр Круглое и Долгое. Озеро Долгое соединяется с Нещердо проходимой речушкой. По ней я спускался на лодке в озеро Нещердо.

На летней рыбалке в полной тишине и спокойствии приходит наглядное понимание того, как сильно водная гладь Нещердо влияет на формирование погоды в регионе. Погода здесь может меняться очень быстро: буквально на глазах образуются причудливые облака и тучи. Особенно в июне-июле мгновенно формируются грозовые фронты и тогда приходится спешно сматывать удочки, так как грозы в этих местах бывают очень сильные. В этой связи вспоминается давний случай, наверно, ещё с 70-х годов. Мы с супругой пошли на концерт приезжих артистов в местный клуб в д. Дворище. Рядом со мной сидел колхозный пастух Саша. Это был простодушный, не испорченный современной цивилизацией человек. Он попросил меня купить для электропастуха изолянт. Я пообещал. Но через пару дней его убила молния. Во время грозы он был со стадом коров в поле и на груди у него висел работающий транзисторный приёмник. Наверно, он его и сгубил. Всё стадо осталось невредимым.

Хорошо можно половить рыбу на Нещердо зимой, особенно в марте по последнему льду. Ты свободен от необходимости иметь лодку и можешь ходить по всему озеру. Обычно я оставлял машину в д. Байдино возле дома Николая Малашенко и шёл к озеру около двух километ-

ров. В снежные зимы особенно ценна узкая протоптанная редкими рыбаками тропинка в снегу. Тут же рядом видны хорошо натоптанные дорожки большими волчьими лапами. У них постоянно свои дела, и они прокладывают себе путь больше ночью по прямой через озеро.

В целом, по этой тропе рыбаков ходило немного. Идёшь, обычно, один. Вот уже скрылась из вида редёющая д. Байдино. Начинаешь с некоторой тревогой посматривать на отпечатки больших волчьих лап. Однажды я задержался на озере. Был очень хороший клёв. Мартовское солнце быстро садилось за кромку леса на противоположном берегу. Чтобы ускориться, я решил срезать путь и пошёл с озера на прямую, чтобы затем выйти на основную тропу. Зима в этот год была особенно снежная. Я вышел на берег и стал в целик пробиваться к тропе. Вскоре я окончательно увяз в глубоких сугробах. В голову пришла не очень весёлая мысль, что в таком положении по пояс в снегу, с неуклюжей рыбацкой амуницией, я являюсь прекрасной добычей для стаи волков. Сумерки опускались на землю. Из всех сил стал выбираться обратно на озеро и уже потом по старому следу вышел на тропу.

В марте лёд часто становился чистым от снега и сухим. Это лучшее, что может быть для рыбака. Иногда, в зависимости от года, на льду стояла вода, или лёд становился двойным, когда верхний слой проваливался, и передвигаться было трудно. Да и клёв тогда обычно был плохим. Несколько лет действительно везло с погодой. Сидишь возле лунки. Лёд чистый и сухой. Небо синее, уже весеннее, светит солнце. Хороший клёв. К обеду иногда так припекало, что снимал тёплую куртку и ложился около лунки на лёд. Счастье.

Первые 10–15 лет на зимнюю рыбалку приезжало немало народу. Много было местных, в том числе пенсионного возраста. Многие выезжали прямо на лёд на запряжённых санях, мотоциклах, автомобилях. Затем незаметно рыбаков стало мало. Конечно, это идилия. Тебя никто не беспокоит. Вдалеке виднеются только точки редких рыбаков. Хотя иногда становится не по себе. В первые годы было страшновато, когда вдруг раздавался оглушительный гул и по синему льду пробегала трещина. До берега ведь далеко. Причём зачастую она проходила прямо под тобой. Этот феномен на других озёрах я не встречал. Возле Витебска на озёрах всегда полно рыбаков. Соответственно, хуже клёв. К тому же нет тишины, нет идиллии. Позже я понял, почему на Нещердо стало тихо. Те местные рыбаки просто естественным образом вымерли.

В какой-то год я снова на Нещердо. Конец марта, но зима поздняя. В Байдино всё в белых глубоких сугробах. Весны вроде и не чувствуется. Хотя, если внимательно присмотреться, к удивлению можно увидеть прямо в снегу уже оживших маленьких паучков и жучков. Погода тихая. Ветра почти нет. Это важно. Так как даже слабый ветер в деревне на большом просторе на озере превращается в сильный и путает все

снасти. Это теперь есть удобные компактные палатки, а тогда их и в помине не было. Сегодня мороз с утра жмёт -23° . Смотрю, издалека ко мне подлетает огромный красавец ворон иссиня-чёрного цвета. Он сел на безопасном расстоянии. Я понял, что он голоден. Подбросил ему выловленной рыбы и хлеба. Он не спешил. Долго и внимательно изучал меня, пристально глядя в глаза. Затем ворон сделал несколько взмахов крыльями и подвинулся ближе ко мне. Уже замёршая рыба его интересовала мало, ему нравился хлеб. В конечном итоге я отдал ему весь свой запас хлеба. Видно было, что ворон хорошо подкрепился, но улетать не торопился. Мне показалось, что между нами образовалось энергетическое поле сближения. Нам обоим, наверно, было приятно от того, что в то морозное утро на пустынном льду озера мы были не одиноки. На следующий день я снова на рыбалке. Мороз уже меньше. Слышу в воздухе прямо надо мной характерное крумканье. Поднимаю голову. Это летит мой ворон. Он приветствует меня. Я тоже сердечно машу ему рукой.

На память приходят эпизоды, когда на охоте охотники норовят при первом же удобном случае застрелить, как они говорят крумкача, то есть ворона. Они, мол, разоряют гнёзда лесных птиц с яйцами. Но ведь это природа и в ней всегда действует принцип выживания. Стреляя в воронов, мы не заслуженно уничтожаем древнейших и умнейших божеских созданий.

В последние годы в связи с климатическими изменениями почти невозможно подловить такую погоду под весну для зимней рыбалки, как в те годы. В марте на большом озере вообще нельзя выходить на лёд.

Озеро Нещердо тесно связано с именем известного белорусского писателя Яна Барщевского (1794–1851). Его дядя пан Завальня жил в д. Мураги, расположенной на северо-восточном берегу озера, и небогатый племянник частенько и подолгу у него гостил. Сегодня 12 июля 2015 года я еду из д. Дворище, которая является родиной жены, в Мураги по старой дороге пана Завальни. Дорога проходит через д. Горы. На её восточной околице открывается чудесный вид нещердской равнины. Далее поворачиваем на д. Латыши. Не в ней ли жил пан Латышевич, который любил навещать в гости к пану Завальня и где они за келишком вина и длинными беседами засиживались до полуночи. Из Латышей есть дорога в сторону озера, она ведёт в д. Старица и далее в д. Кривошапово.

Также с этой дороги можно уйти влево и попасть на самый знаменитый полуостров озера – Городок. В Латышах ныне почти никто не проживает. Хаты потемнели, врастают в землю и зарастают всевозможной растительностью. На улице ещё сохранились объявления с расписанием приезда автолавки и рейсового автобуса. Еду дальше, по обе стороны гравийной хорошей дороги буйные заросли. Успеваю заметить только очертания двух крупных диких животных, которые мгновенно исчезают в густом кустарнике. А вот и важный перекрёсток дорог

у д. Дутчино. Ещё 5–7 лет назад это была вполне живая деревня. Я помню, как тогда остановился узнать про дорогу у красивого волшебного домика с приветливой хозяйкой. Сегодня Дутчино напоминает д. Латыши. И нет здесь уже приветливой красивой кабеты, и домик её с былым цветущим палисадником теперь смотрится совсем не весело. Раньше пан Завальня из Дутчино поехал бы прямой дорогой на Мураги. Сейчас эта дорога не проездная из-за состарившегося мостика через речку Атлайская. Но это не беда. Есть другая ухоженная дорога из Дутчино на большой посёлок Голубово. В Голубово выезжаю на большак Горбачево-Заборье, поворачиваю влево и через пять километров вижу указатель на Мураги. Этот небольшой отрезок хорошо отсыпанной дороги проходит по заболоченным местам.

Как видно из произведения Я. Барщевского «Шляхтич Завальня», люди в его время больше перемещались по дорогам зимой. В другие времена года большинство дорог были непроезжими из-за сотен речушек, ручьёв и топей. Тем более, что в тот период люди не знали термина «мелиорация» и уровень воды во всех водных артериях был гораздо выше. Сам Завальня говорил, что в тёплое время года он в своих Мурагах отрезан от мира водой и болотами. Судя по описаниям, тогда основной дорогой из Полоцка на Россоны и далее на Горбачево был шлях через Азино, Соколище, Клястицы. Значит, на этом направлении был мост через Дрысу.

В Мурагах тоже малоллюдно. Сюда приезжают рыбаки из-за близости берега Нещердо. На возвышенности установлен памятный обелиск из природного камня Яну Барщевскому (1997) (**фото 43**). Барщевский писал, что в его время зимой по льду озера обычно прокладывалась ледяная дорога. По ней шли возы с лёном, пенькой и другими товарами из Полоцка на Ригу. В этой связи, главной мыслью в произведении «Шляхтич Завальня» было то, что пан Завальня в снежную бурю ночью всегда выставлял на своём окне фонарь, чтобы заблудившиеся путники могли его увидеть издалека и найти приют и убежище в его доме.

В начале 90-х годов на Витебщине стал возрастать интерес к творчеству белорусского писателя Яна Барщевского. Этому во многом способствовала активная деятельность первого проректора Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, профессора Анатолия Максимовича Дорофеева. На Россонщине и в Витебске были проведены четыре международные научные конференции, посвящённые литературному наследию Яна Барщевского. В их организации самое непосредственное и заинтересованное участие приняла известная белорусская поэтесса, заведующий кафедрой белорусской литературы, доцент ВГУ имени П.М. Машерова Русилко Ольга Ивановна. В настоящее время, чтобы сделать Мураги привлекательными для туристов и краеведов, следует обеспечить удобный подход к берегу Нещердо и восстано-

вить фундамент и домик пана Завальни. И тогда многие белорусы, заблудившиеся в вихрях жизненных бурь, смогут увидеть фонарь надежды шляхтича Завальни.

Песчаная горка

В тех краях в своё время я познакомился с двумя прекрасными людьми, родными братьями Владимиром и Василием Пятеренко. Они были родом из д. Булынино, которая расположилась недалеко от юго-западного берега Нещердо. Позже они проживали и работали в г.п. Россоны. Василий имел высшее педагогическое образование по специальности «История», работал учителем в школе, но затем по причине невысокой зарплаты перешёл на работу в районную систему энергетики и электрификации. Братья хорошо знали озеро Нещердо и прилегающие леса, являлись хорошими охотниками и рыбаками. Иногда после совместной охоты или рыбалки мы дружески сидели во дворе их родительского дома в Булынино под развесистой грушей. Рядом стоял колодец с чистой и вкусной водой. Мы вели долгие приятные беседы без наносной современной словесной шелухи и елейного восточно-средиземноморского юмора.

Как-то раз братья рассказали мне интересную историю, случившуюся с одним подростком. Парнишка жил в одной из деревушек в урочище Игольница, которая своим большим лесным массивом выходит прямо на западный берег Нещердо. Война закончилась совсем недавно и следы стоявшего здесь фронта ощущались повсюду. Родителей у него не было. Отец ушёл в партизаны и погиб в разведке. Мать и девушку застрелили немцы во время карательной операции. Мальчик остался жить с бабушкой. Его звали Петрок. Послевоенные годы особенно были трудными. Петру рано пришлось многие тяготы жизнеобеспечения не по возрасту взять на себя. Он хорошо изучил свой лес и старался максимально добыть в нём всё, что могло помочь для выживания. Поэтому местные стали его называть в шутку Петрок-Лесовичок.

Однажды по весне в апреле после долгой и снежной зимы, которая была обычной для того времени, парнишка пошёл в лес к болотине, чтобы добрать прошлогоднюю клюкву и выручить немного денег. Срочно нужна была обувь. Его старые разбитые башмаки совсем разлезлись и уже не подлежали ремонту. Как всегда, он шёл лёгким размашистым шагом, местами перепрыгивая с кочки на кочку, старательно обходя талую воду и грязь. В одном месте что-то его остановило. В глубине леса выступала знакомая ему песчаная горка. Но на этот раз из её покатога склона, недавно освободившегося от снега, виднелась часть бревна. Петрок обошёл горку и с противоположной от тропинки стороны увидел, что ручейками от стаявшего снега склон холма был частично размыв и немного провалился. Через провал отчётливо проступали

брёвна какого-то сооружения.

Влажный песок сначала хорошо поддавался рукам, но затем начался промёрзший слой. Петрок решил, что клюква подождёт и быстро пошёл домой за лопатой и пешней. По дороге у него в голове роились мысли:

- Что же это за строение?
- Больше похоже на блиндаж.
- После войны осталось немало блиндажей. Но они были доступные для входа.

- А этот, похоже, замаскировали под песчаную горку, местами покрытую мхом.

- Для чего...?

Он и не заметил, как снова вернулся к горке. Пешней ему удалось отколоть несколько крупных смёрзшихся песчаных глыб, которые с трудом отбросил в сторону. Ему повезло. Именно в этом месте стал явно просматриваться вход в сооружение. Попыхтев ещё немного, вскоре он смог протиснуться в открытую щель. Повеяло зимним холодом. В блиндаже было темно. Петрок пошарил в карманах и достал трофейную зажигалку, которую он забрал у убитого немецкого солдата и немного сухого мха. Их он всегда носил при себе. По рассказам взрослых, в этих местах легко можно было встретить волков и не всегда с добрыми намерениями. Ему на ум пришёл случай, произошедший совсем недавно. Из только что открытой школы в соседней деревне, которая размещалась в обыкновенной крестьянской избе, зимним вечером возвращалась домой в свою деревню учительница. По дороге её стала преследовать стая волков. Учительница добежала до скирды соломы и подожгла её. Это была последняя надежда. Волки огня боялись и близко не подходили, но и не уходили. Они сели в круг и ждали. Умные твари. Учительница поняла их кровавую затею и стала бросать в них горящие пучки соломы. Но волки только слегка отбегали и снова занимали выжидательную позицию. Она, наверно, громко кричала, но тёмным вечером её никто не слышал. До деревни оставалось ещё три километра. Утром на снегу местные нашли остатки одежды и потёртые, но красивые женские ботиночки.

- Но всё-таки с огнём шансов выжить больше, – подумал Петрок.

Привычно щёлкнул зажигалкой и запалил мох. Быстрым и цепким взглядом он успел рассмотреть, что блиндаж довольно большой и состоит как бы из двух помещений. В переднем, куда он проник, стоял небольшой, но массивный стол. На нём в подставке из гильзы, толстая парафиновая свеча. Немедля он запалил её, и мягкий свет наполнил уже почерневшие стены. Блиндаж был добротный, сделан с немецкой дошностью и аккуратностью. Фрицы ценили комфорт. Вдоль двух стен были сделаны лежаки. Между ними стоял немецкий радиоприёмник и несколько канистр, как потом выяснилось, со спиртом. В стороне раз-

местилась портативная печка на мазуте.

Затаив дыхание, мальчик взял свечу и заглянул во второе помещение. Все его стены были обставлены грубоватыми, но прочными стеллажами. На них и на полу стояло много по-армейски крепких ящиков, оббитых по краям металлом и с удобными ручками для переноски. Ящики были выкрашены в серый цвет. На них виднелись чёткие надписи на немецком и отличительные знаки вермахта с орлами.

Безусловно, у нашего героя от всего увиденного перехватило дыхание. В трудные послевоенные годы, когда большинство товаров даже первой необходимости являлось дефицитом и при фактическом отсутствии денег, особенно в сельской местности, увиденное в блиндаже представлялось несметным богатством. Первым делом хотелось поесть. И Петрок стал быстро обшаривать полки. Ему повезло. Нашлись немного отсыревшие, но вполне съедобные галеты и совсем уже невиданно роскошные консервированные тонкие сосиски в жестяных баночках с красивыми наклейками. Ещё были большие банки с тушёным мясом, но он их оставил на потом. Особо порадовали немецкие сигареты, которые надо бы подсушить. Но всё же одну он с трудом раскурил.

По всему было видно, что он нашёл блиндаж-склад. Причём склад особый. Видимо, о котором не знали даже сами немцы, за исключением тех, кто его организовал и имел доступ к снабжению. Скорее всего, это были командиры-интенданты с большими полномочиями. К 1944 году вермахт испытывал большие трудности в снабжении. Большинство солдат не доедали и всеми способами пытались добыть пропитание у местного населения. А здесь такое изобилие!

По отдельным признакам можно было предположить, что в блиндаже какое-то время жило несколько человек, возможно, переживая какой-то опасный период. Затем, возможно, они выбрали подходящий момент и попытались затеряться в общем хаосе. Удалось ли?

Петрок сытно перекусил и прилёг на лежак. У него были свои жизненные планы и мечты. Он хотел получить образование, закончить мореходку и стать капитаном дальнего плавания. Забрать с собой бабушку в какой-нибудь южный город-порт и жить там. Для этого нужны были деньги. А они уже замаячили, практически перед носом. Он решил, что многие вещи можно аккуратно реализовывать на базаре в Полоцке и в некоторых других местах.

— Главное — не засветиться, всё делать продуманно и осторожно, — рассуждал Петрок.

И вот пришёл день, когда он в дырявых башмаках, перехваченных верёвками, в обрезанной выгоревшей шинели с вещевым мешком за плечами впервые появился на базаре-толкучке в Полоцке. Здесь его сразухватило в гигантский круговорот людей: все что-то продают, поку-

пают, меняют. У него сходу купили качественные длинные немецкие спички в герметичных упаковках, толстые парафиновые свечи и несколько банок консервов. В руках захрустели хорошие деньги.

В блиндаже Петрок обнаружил резиновую надувную ванну для офицеров. Он её приспособил как лодку и успешно ловил с неё на озере Бродно увесистых линей, окуней и щук. После войны рыбы в озёрах было много. Жизнь стала налаживаться. Он хорошо поддерживал и подкармливал любимую бабушку. Отдать ей должное, она не задавала лишних вопросов. Возможно, потому, что привыкла к тому, что Петрок уже давно взвалил на себя взрослые заботы и неплохо с ними справлялся.

У него было ещё одно заветное место: заброшенный хутор в урочище. Сам дом кто-то разобрал и перевёз на другое место, но крепкие хозяйственные постройки остались. Они стали тоже его второй базой. Сюда он перетащил часть имущества из блиндажа и тщательно спрятал. На хутор он ходил ещё раньше, чтобы вдоволь поесть яблок и иногда уже перезревших, но очень вкусных, ставших уже вялеными – вишен, которые были намного слаще обыкновенных. Петрок на всю жизнь запомнил случай, когда поздней осенью он зашёл в хуторской сад и стал собирать яблоки. Вдруг явственно услышал чавканье с прихрапыванием. От испуга он присел и в дальнем углу сада на большой яблоне рассмотрел медведя, который с упоением и хрустом уплетал сочные яблоки.

Парнишка любил бывать в блиндаже. В холодное время он разжигал печку на мазуте, включал приёмник на аккумуляторных батареях, ложился на палати и долго мечтал о будущей жизни, море, кораблях. У него уже скопилась приличная сумма денег, которую он хранил в стеклянной банке в сухом месте на хуторе. Одеждой он по-прежнему не выделялся, разве что теперь на ногах у него были крепкие военные американские ботинки, а вместо рыжей шинели – удобный бушлат. В блиндаже у него лежало несколько немецких автоматов и карабинов, а также много коробок с патронами. Но оружие он не трогал, не зная, что с ним делать.

Петрок старался вести себя неприметно и не привлекать к себе внимания. Иногда он менял дислокацию и ездил на базары в Глубокое, Витебск, Невель. Но чаще наведывался в Полоцк. В то же время парнишка из отдалённой деревни, без достаточного жизненного опыта и доброго совета близких людей, не мог в полной мере учесть того, что на всех послевоенных базарах и толкучках находилось множество матёрых блатарей и их «шестёрок», которые в то время особенно распустили «хвосты» и жили довольно привольно. Их очень привлекали любые трофейные вещи, спиртное и, конечно, деньги. Немало боевых офицеров и солдат, прошедших все кровавые дороги войны и доживших до победы, нашли свою смерть от рук блатных только из-за того, что имели при себе деньги или трофейные вещи. Жадные глаза бывших «уроков» зорко просматривали и прощупывали всё пространство на рынках и прилегающих

территориях, вокзалах. В их поле зрения не мог не попасть щупленький парнишка, который всегда имел дефицитные предметы для продажи. За ним стали следить. Возможно, Петрок что-то почувствовал, но было поздно. Якобы кто-то видел, как к нему на базаре подошли двое одетых по блатному в фарцовых пиджаках, в низких хромовых сапогах, смятых в гармошку, на узкие лбы надвинуты кепки. Они приставили ему в бок финку и куда-то увели. Наверно, блатным очень не терпелось узнать, откуда ходовой товар, но Петрок, видимо, не рассказал. Его пытали. Ранним утром его нашли зарезанным в мрачноватом посёлке Громы на окраине Полоцка в районе железнодорожной станции.

Так закончилась эта хорошо начавшаяся история. Прошло время. И не сидим мы уже под развесистой грушей у чистого колодца в Булынино с Владимиром и Василием Пятеренко. Они в другом мире.

3.3. Лебединый Мох

Ночью раздался стук. Барсук приподнял голову. Кого это могло принести в такую поздноту? А, может, лихие люди? Вон у соседа Михаила Шмелёва подожгли гараж. Не зря в народе говорят: «Россония – страна лесов и беззакония». Тем более, что их деревня Железники стоит на отшибе, на берегу реки Дрыса, на краю большого и глухого лесного массива под названием урочище Лебединый Мох.

В последнее время между деревнями болтаются ватаги местных пьяниц, которые способны на многое плохое. Это, как правило, асоциальные лица, нигде не работающие и главным смыслом жизни которых стало спиртное. Они прилипчивы, докучливы. От них нелегко избавиться. Они промышляют воровством. Известны, например, случаи, ранее небывалые в обыденной жизни крестьян, когда некоторые люди, помогавшие в посадке картофеля за деньги, уже этой же ночью его выкапывали себе на еду.

Барсук открыл дверь и увидел на фоне тёмной ночи своего младшего сына Ивана.

- Вот уж не думал увидеть тебя, – на глазах у отца появилась слеза.
- Люди-то поговаривали, что тебя и вовсе нет в живых.

Поднялась мать, запричитала. Барсук суровато приказал накрыть на стол. Молчание затянулось, каждый думал о своём. Хозяйка выставила на стол не мудрёную, но качественную крестьянскую еду: тушёную в печи картошку, слабосолёные огурцы, жареную рыбу, добрый кусок сала, мёд в сотах.

Барсук – было прозвище хозяина, а по-настоящему он являлся Василием Глазкиным. В тех отдалённых и малонаселённых местах до сих пор существуют фамилии и прозвища, перекликающиеся с языческими. И в настоящее время Россонский район является самым малочисленным

в Беларуси. На 1 января 2013 года численность населения в нём составила всего 10,2 тысячи человек. Из них 5,2 тысячи проживают в районном центре Россоны и только 5,0 тысяч населяют остальную территорию района. Поэтому на большинстве просёлочных дорог Россонщины царит умиротворённая тишина. Редко проедет автомашина или мотоцикл, иногда пройдёт человек.

Барсук сходил в сени и принёс бутылку мутноватой самогонки. За столом Иван, слегка запинаясь, рассказывал о своих злоключениях. Все считали его пропавшим без вести. Почти два года от него не было никаких известий.

Когда-то он хорошо учился в школе и до сих пор сохранил грамотное письмо с красивым убористым почерком. После окончания школы Иван не осел в колхозно-крестьянской жизни, как большинство его сверстников, а поступил и успешно окончил вертолётное училище. Жизнь пошла вверх. Со временем он стал служить в достаточно элитном подразделении по чрезвычайным ситуациям, которое действовало на всей территории СССР. Эта работа хорошо оплачивалась. Надо сказать, что в тот период больше других работников ценились белорусы, которые отличались большим трудолюбием, покладистым характером и ответственным отношением к делу.

Иван приоделся, несколько приосанился, в кармане появились неплохие деньги. Но, как в жизни часто бывает, хорошее не всегда закрепляется и продолжается. В очередной командировке, в одном из северных городов России, Иван в свободное от полётов время зашёл поужинать в ресторан. Вскоре к нему подсели двое незнакомых мужчин. Завязался разговор. Стали выпивать вместе. Подобное явление было очень распространено в бывшем Советском Союзе, когда совершенно незнакомые люди легко находили общий язык, сходились в различных местах: на вокзалах, в поездах, ресторанах. Наверно, это можно объяснить тем, что в тот период в огромной многонациональной стране сформировался особый феномен – советский народ. Люди были достаточно открыты. Но, как и в любом другом обществе, всегда находились негодяи, зачастую ловко использующие доверчивость простых людей.

По натуре Иван был доброжелательным, беззлобным человеком с простой открытой душой парня из глубинки. Те двое, наверно, это сразу поняли и решили поживиться. Позже под каким-то предлогом они затеяли драку. Подонки сильно избили Ивана, забрали деньги, документы. Очнулся он в больнице с частичной потерей памяти. Выздоровливал долго, но память его полностью не восстановилась. И вот он снова в родном родительском доме.

На семейном совете решили, что Иван не пойдёт на работу в местный колхоз, а будет помогать вести хозяйство. Тем более, оно у них не-

малое: большой участок земли с садом, корова, несколько свиней, овцы, домашняя птица. Своя пасека тоже приносила неплохой доход. Мёд у Барсука всегда был качественный, настоящий. И многие люди даже издалека с удовольствием его покупали. В то время в их семье водились хорошие деньги ещё и потому, что сам Василий Глазкин долгие годы работал заведующим магазином в деревне Прудок, расположенной на большаке Полоцк–Краснополье. В настоящее время магазин не действует, но сохранилось его здание: потемневший от времени сруб. Вместе с отцом Иван стал ставить капканы, ловить рыбу в Дрысе и на глухих озёрах. Благо у Барсука был престижный, по тем временам, тяжёлый советский мотоцикл К-750.

Летом в их деревню из Москвы постоянно приезжали знакомые дачники. Ивану нравилась их красивая машина – ГАЗ-21«Волга». Она была нежно-зеленоватого цвета с оленем на капоте. Москвичи активно отдыхали: заготавливали ягоды и грибы. Иван водил их в лес, показывал места и благодаря этому немного подзарабатывал. Иногда москвичи брали напрокат у Барсука лодку с мотором и Иван вёз их вверх по течению Дрысы аж в самый «паук». Пауком здесь называют каскад прекрасных озёр, соединённых между собой замысловатыми протоками, в которых можно легко запутаться. Иван с гордостью показывал гостям изумительные песчаные отмели бесконечных мысов с чудесными борами, где грибы можно косой косить.

Но время быстротечно. Оно даже быстрее, чем река Дрыса, что течёт среди сосновых боров, тёмных ельников, болот и заливных лугов. Родители Ивана постарели. В их доме за печкой давно жил сверчок. Периодически он издавал характерные звуки – «цвиркал». К сверчку все привыкли и считали его чуть ли не домочадцем. Однажды зимой под вечер сверчок показался из-за своего укрытия и стал летать по хате. Барсук, увидев это, нахмурил брови и помрачнел. Он знал местную примету, что летающий сверчок как бы предупреждает о приближающейся неприятности. Действительно вскоре хозяйка тяжело заболела и со временем ушла в мир иной. Барсук сильно переживал потерю супруги. Он как-то сразу осунулся, стал безразличным. Такое тяжёлое психологическое состояние видимо значительно ускорило процесс прохождения им своего последнего отрезка жизни. Иван остался один. С этого момента все в округе однозначно стали называть его Барсучком. Былое добротное хозяйство свелось на нет. Барсучок уже не был таким адаптированным и приспособленным к жизни, как раньше. Сказывались последствия тяжёлых травм. Он так и не восстановил документы. Лишь спустя много лет он стал получать небольшую социальную пенсию, которую ждал не только он, но и потерявшая всякую совесть местная пьянь. Эта опасная социальная группа людей возникла после развала СССР в 90-х годах прошлого века. В советском законодательстве была

статья, предусматривающая уголовную ответственность за тунеядство. Позже страны СНГ её исключили как нарушающую права человека. И вот появилась часть людей, которые демонстративно нигде не работали, но постоянно желали утолить свои низменные физиологические потребности с помощью спиртного. Это были чаще всего плодово-ягодные вина низкого качества, продающиеся в местных сельских магазинах, а также различные суррогаты. Эти лица, как правило, сбивались в группы и мобильно перемещались от одной деревни к другой. Они по-звериному очень наблюдательны и чувствительны к любым изменениям в окружающей их социальной среде.

За пенсией Иван один раз в месяц приходил за шесть километров в прохудившихся резиновых сапогах на почту в деревню Дворище. Затем заходил в магазин и покупал самые необходимые продукты: хлеб, сахар, консервы. Здесь его и поджидала опасная компания. Она само собой ждала угощения от бедного Ивана, хотя формально он ничего этим людям должен не был. Иван выставял вино. Иногда он засыпал где-нибудь в заброшенном сарае или старой бане в Дворище. На утро, когда просыпался, зачастую уже не обнаруживал ни денег, ни купленных продуктов.

Оставшись один, Иван стал жить больше с леса, который хорошо изучил. Особенно трудным было пережить зиму, когда в лесу не было ни ягод, ни грибов, ни лекарственных трав, которые можно было бы продать. Поэтому зимой он старался заработать хотя бы бесплатный обед, помогая по хозяйству одиноким и престарелым людям: чистил снег, колол дрова, выбрасывал из хлева навоз и др.

Весной Барсучок отживал. В его усталых глазах зажигался огонёк. Ранними утрами с замиранием он вслушивался в шум просыпающихся боров, с наслаждением внимал соловьиные трели в зарослях над полноводной Дрысой, глуховато-громкие всплески крупных рыб на быстрине реки. Но, в целом, в лесу ещё не было того, что можно было собрать и затем выручить деньги. Поэтому Барсучок нарезал ветви деревьев и вязал мётлы, которые предлагал местному колхозу и жителям. Но спрос был небольшой. Иван терпеливо ждал конца мая и начала июня, когда на лесных полянках и по берегу озера Должно появлялась земляника, а на песчаных отмелях вырастали первые грибы – строчки и сморчки. Надо заметить, что Россонский район далеко не всегда радуется ранним весенним теплом, так как он является самым северным регионом Беларуси.

И вот наступал момент, когда Иван надевал за спину большую корзину-заплечницу и в своих видавших многое резиновых сапогах с дырками вступал в лес. Он практически начинался сразу от его хаты. И в грибной сезон за огородом можно было нарезать отборных боровиков и маслят, если не опередили досужливые дачники, которые уже многое поделили и распределили между собой. Находятся даже такие, которые

не хотят, чтобы кто-либо ходил по берегу Дрысы напротив их участков.

– Раньше, – рассуждал Иван, – соседка Ганна Федотовна Синица, не спеша, с палочкой обойдёт утром по меже свой огород и насобирает добро маслят. Как хорошо она их мариновала!

Урочище Лебединый Мох представляет собой большой и глухой лесной треугольник среди населённых пунктов Дретунь, Краснополье и Межно. Основание треугольника отграничивает извилистая и загадочная Дрыса, на которой с ближнего берега расположились две деревни: Железники и Рудня. Они как форпосты охраняют вход в болотно-лесную глушь. Две другие стороны треугольника составляют дороги, связывающие Межно и Краснополье с Дретунью. Дорога Межно–Дретунь вымощена старинным булыжником и, видимо, немало повидала на своём веку. По другую сторону этой заброшенной и навевающей печаль дороги подпирают огромное болото с голубыми блюдцами озёр и урочищами Конный Бор и Гогалица.

В урочище Иван изучил все лесные дороги, просеки, еле заметные тропинки и звериные тропы. Ивана хорошо знали местные звери. Они безошибочно издалека определяли его лёгкую поступь, его запах, отдающий дешёвыми сигаретами и грибами. Вот в ложбине недалеко от озера Кривое отдыхает большой косяк лосей. При приближении Ивана они только приподнимают головы. Вот в болотце между озёрами Недружно и Белое в грязи дремлет большое стадо кабанов. Они тоже спокойны и только вожак, громадный секач серого цвета с подпалинами гулко чмыхнет, как бы давая добро на проход старому знакомому.

Однажды Иван стал свидетелем, как стая матёрых волков из-под озера Межно пыталась отбить молодняк кабанов. Схватка была смертельной. Всё разворачивалось очень быстро. Из-под копыт кабанов и лап волков во все стороны летели комки грязи и клочки мха. От страха Иван спрятался за толстой елью и оттуда наблюдал за сражением.

Волки избрали тактику отсечения молодняка от стада. С этой целью они разбились на две группы. Одна атаковала свиноматок с кабанятами, другая попыталась отвлечь внимание главной силы стада – секачей. Но вожак стада был опытен и, видимо, хорошо знал уловки серых разбойников. Он был громадного роста и напоминал каравеллу. Он очень ловко управлял обороной. Едва заметными движениями тела и короткими, но ёмкими звуками, напоминающими пыхтение паровоза, кабан умело направлял секачей на защиту стада. Вот одному из волков удалось впиться зубами в холку свиноматки. Тут же большой секач возник сзади и сходу вонзил клыки в бок волка. Зафонтанировала кровь. Волк сразу обмяк и в мгновение его уже топтали копыта других кабанов.

Три волка попытались блокировать вожака стада. Но опытный вожак мгновенно занял удобную позицию. Задом он прижался к стволу толстой ели, за которой прятался Иван. Громко щёлкая клыками, секач

отбивался от волков. У волков тоже срабатывал инстинкт самосохранения и при всей своей наглости они всё же опасались попасть на страшные секачи клыки. Иван потом всю оставшуюся жизнь изумлялся необыкновенной прыти и скорости реакций кабанов. Ведь обычно они казались такими нескладными и неповоротливыми. А здесь, буквально, они летали. Всё закончилось также быстро, как и началось. На мху неподвижно остался лежать один из волков. У кабанов сохранился весь молодняк, но двое из сеголеток получили раны, сочившиеся кровью.

Ранним июльским утром Иван вышел в лес. Прошёл ближними молодыми борками и подошёл к основному массиву. Поклонился в пояс лесу, мысленно попросил удачи. Сегодня он намеревался сдать в райпотребсоюз в Дворище лисички, за которые неплохо платят. Говорят, что их потом продают за границу в Польшу и Литву ещё намного дороже. Если повезёт, можно ещё сдать дороже частным перекупщикам, если они объявятся в деревне.

— С другой стороны, — подумал Иван, — желание людей заработать на лесных дарах привело к уменьшению в лесах ягод и грибов. Вон некоторые люди стали уже собирать лисички граблями, чтобы ускорить процесс. В результате нарушается грибница и мох. Люди говорили, что на этой основе уже были стычки местных жителей возле деревни Алёща с приезжающими сюда такими собирателями лисичек на поезде с Невельского района.

Чернику, бруснику и даже клюкву многие давно собирают «комбайнами». Комбайны — это механические приспособления, напоминающие большую пустую консервную банку, к которой с одной стороны припаяны тонкие металлические пруты. Эти пруты запускаются в куст ягодника и продирают его. Ягоды падают в банку. Но при этом ягодники ломаются и частично вырываются с корнями, что снижает урожай в будущем.

Пройдя борки, Иван свернул влево в направлении к небольшому заболоченному озерцу Яменок. Дорога долгое время тянется среди низины. По обе стороны заросли осинника, ольхи и берёзы.

На них Иван обнаруживает огромное количество летних опят. Опята все молоденькие и упругие. Самые подходящие. Но его удивило то, что в этом году они выросли на деревьях очень высоко, до трёх метров, а то и выше. Иван методично наполняет большую заплечницу. Через час-полтора она полная. Сборщик смахнул пот и припрятал корзину в зарослях.

Он продолжает путь. Впереди справа показался Яменок. Озеро уже сильно заросло ряской и камышом. Подойти к нему можно не везде. Под ногами зыбает трясина. Когда-то до войны здесь был сенокос соседа Синицы. Теперь всё заросло. А ещё Синица хорошо знал проход среди трясин к маленькому сухому островку недалеко от Яменка. Во вре-

мя войны в этом глухом уголке Синица прятал радиоприёмник на батареях. Немцы установили жёсткий новый порядок. И за несданный приёмник властям однозначно грозила смертная казнь.

Иван подумал, что всегда находятся смелые люди, которые, не боясь смерти, стремятся к воле, риску. Зато Синица в этой россонской глухомани всегда был в курсе последних военных сводок, слушая совинформбюро.

Дорога постепенно превратилась в лесную тропинку. Места стали повыше. Среди ельника открылся чистый мох. Он весь был покрыт жёлтыми «звёздочками». Иван с удовлетворением подумал: «Сегодня у меня будет большой сбор, и я смогу неплохо подзаработать. В последнее время здесь давно не было столько лисичек».

Собирая лисички, Иван в то же время старался сохранять самоконтроль и вести наблюдение за окружающим. Дело в том, что этот уголок леса был не совсем обычным. Здесь вроде и не было высоких деревьев, а над мохом царил постоянный полумрак, какая-то дымка. Здесь было царство полутеней. Единственная тропинка в любое время могла потеряться из вида. Скорее всего, это когда-то была старая тропа в лесные деревни Малые и Большие Осётки. Всё это создавало в данном месте у грибника определённую напряжённость и смутную тревогу.

Иван вспомнил, что Ян Барщевский описывал в своих произведениях эти деревни, расположенные на противоположном берегу Дрысы от имения Краснополь. В своё время одна учительница из местной школы в деревне Дворище подарила Ивану книгу Барщевского «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах». Книга читалась легко и, на удивление, приятно. Иван с изумлением обнаружил, что в ней автор описывает природу, быт людей и старые легенды его родного края. По мере прочтения книги он стал внимательнее относиться к тому, что его окружало. Он невольно стал сравнивать, что было тогда, почти 200 лет назад, и что стало теперь.

В одной из названных деревень жила недобрая чаровница Прокседа. Немало бед она принесла местным жителям: и молоко у коров пропадало, и другие тёмные дела творила.

— Наверно, в этих местах, — подумал Иван, — охотился сам князь Бой из Краснополя со своими большими и загадочными чёрными псами, которых звали Ставр и Гавр. Это же надо, что и после их смерти крестьяне тайком отмечали их день памяти на Сёмуху, то есть Троицу.

Ещё ему вспомнилось, что в такой глухой местности Прокседа однако держала корчму. В те времена корчма была чуть ли не в каждом населённом пункте. И, несмотря на беспросветную бедность, крестьяне находили немного грошей посидеть вечером в компании односельчан, пообщаться, выпить водки или вина. Здесь же можно было сплясать, а также спеть грустные, как правило, и жалостливые песни. С тех пор

прошло много времени, и произошли разные события, зачастую очень жёсткие. Теперь в этих местах поют другие песни и то редко, потому что всё меньше остаётся трудоспособного населения. Иван, с сожалением, подумал, что время шинков и закусовых прошло.

Он наполнил большой мешок. Снял рубашку, связал рукава, и тоже вскоре она была полной. Иван стал думать, как всё это, да и ещё заплечницу с опятами донести до дому. Мысленно он погоревал о своей доле:

– Не могу купить даже подержанный велосипед. А он-то мне сильно пригодился бы. Много из отцовского наследства ушло без толку. Мотоцикл продал дешево. Водительских прав у меня всё равно нет. Жаль куда-то запропастилось ружьё отца. Наверно, его украл кто-то из «добрых» собутыльников. Сейчас оно было бы кстати. Вон на Яменке всегда плавают жирные утки. Или даже те лоси в ложбине, которые совсем меня не боятся. Ведь не будет большого греха, если бы я, голодный человек, редко кушающий мясо, убил бы одного из них.

Иван засобирался в неблизкий путь. Не без труда он добрался в Дворище. Там ему повезло. На перекрёстке стояла машина знакомого предпринимателя, который сразу купил всю партию грибов по цене выше, чем в райпотребсоюзе.

Лето 1998 года выдалось не грибным. Мало дождей. Иван встал рано. У него был заказ на грибы. Надо было идти в одно из беспригрышных его мест, где всегда можно найти боровики и красивые красно-головики – подосиновики. Начало августа. Ещё тепло. Но утренний туман с Дрысы даёт холодок, как бы напоминая о приближении неминуемой осени. Зачерпнул эмалированной кружкой из ведра воды, выпил. Привычным движением надел заплечницу и в путь. В кармане из еды несколько засохших ломтиков чёрного формового хлеба.

По накатанной дороге он шёл до Рудни. Эта деревня последняя перед большим лесным массивом и как бы вклинивается в него и открывает доступ в дебри. Дорогу в деревне пересекает живописная и всегда прозрачно чистая речка Кривлянка. Она вытекает из озера Кривое и впадает в Дрысу. Через неё сделан прочный мосток из толстых сосновых стволов. Это потрудились солдаты, когда ещё в советское время проходили большие военные учения «Двина» на Дретуньском полигоне. Мост получился грубоватым. Он был предназначен для тяжёлой армейской техники. Поэтому легковые машины проезжают в брод. Благо дно у речки твёрдое и песчаное. В мосту живут змеи. Вот и сейчас их гибкие тела раскачиваются над брёвнами.

После речки красивый пригорок без леса. Здесь всегда можно собрать лекарственные травы высокого качества: бессмертник, зверобой. В лесу Иван берёт направление на озеро Лебединое. Это озеро выделяется среди других лесных озёр в треугольнике. Их берега, как правило,

сильно заболочены, к ним бывает непросто добраться. У них чёрно-коричневая, как смоль, вода и такая же чёрно-золотистая рыба. Глухие лесные озёра обычно навевают грусть.

Лебединое совсем другое. Оно расположилось как бы на небольшом плато среди бесконечных низин и болотин. От него веет светом и радостью. Оно всегда белое от множества кувшинок. Поэтому кажется, что на глади воды много лебедей. Ивану определённо нравилось это место. Несколько лет тому назад он возле Лебединого собирал на корточках клюкву. На шее висел свисток, на случай если встретит медведя. Вдруг он ощутил беспокойство и почувствовал на себе чей-то взгляд. Поднял голову и обмер. Облокотившись на не полностью поваленную сосну на него пристально смотрел большой бурый медведь.

Ему особенно запомнились его глаза: тёмные, как бусинки, и немигающие. Иван забыл про свисток и только старался смотреть прямо в глаза медведю и не делать резких движений. Так продолжалось несколько минут. Постепенно и медленно, не вставая с корточек, он начал пятиться назад, продолжая не отводить взгляд. Медведь, как бы чувствуя безвредную сущность этого человека, не проявлял никакой агрессии. И всё обошлось.

Иван круто свернул с дорожки вправо и стал подходить к западному берегу озера. Этот берег был самым высоким. Именно здесь он нашёл множество подосиновиков, правда, не только с красными, но и с жёлтыми шляпками.

Собирая грибы на возвышенности, он подошёл к углублению в земле. Это когда-то было землянкой. Иван от родителей знал, что в этом месте во время войны находилась база особого диверсионного отряда. В народе отряд называли «Москвичи». По всей видимости, это был очень хорошо подготовленный небольшой, но мобильный отряд. Местные рассказывали, что «Москвичи» действовали смело и дерзко. Особенно отличался их командир. Однажды он верхом на лошади один ворвался в деревню Дворище, где в это время было полно фашистов и, стреляя на ходу, успешно скрылся. В то же время «Москвичи» бдительно следили за ситуацией среди местных жителей и жёстко пресекали все попытки сближения с немцами. Так было с одним мужчиной из местных крестьян, за услужливость фашистам они расстреляли его у Дрысы, а тело сбросили в реку.

Солнце пекло всё сильнее, и Иван присел в тени отдохнуть. Достал сигарету «Астра» и сделал глубокую затяжку. Живот заурчал и напомнил о своей сегодняшней пустоте. Вспомнился и вчерашний день, когда на Бродках (кладбище) хоронили земляка из Дворище: хорошие были поминки. Богатое угощение, в том числе, горячие «камы» с доброй начинкой из свежей свинины.

Его взгляд переместился на высокую сосну недалеко от землянки. На ней в своё время он обнаружил провода, которые, видимо, служили

антенной для радиции «Москвичей».

– Да, немцы сюда не доходили. Боялись, – подумал Иван. – Интересно, а заходили ли они сюда зимой 1942–1943 гг., когда фашисты затеяли несколько крупнейших карательных операций против партизан и заодно против местного населения. Эти операции гитлеровцы называли: «Заяц-беляк», «Зимнее волшебство», «Генрих», «Пантера» № 32. Люди рассказывали, что той зимой лежал очень глубокий снег. Но немцы шли сплошной цепью по пояс в снегу. Они шли и по полям, и по лесам, и по замёрзшим болотам. Сколько невинного народа тогда погибло?!

Многие находчивые люди не стали смиренно ждать прихода карателей и уготованной своей участи. По мере их приближения жители уходили дальше, прибавались к небольшим лесным деревням, куда ещё не дошли каратели, как, например, в Мариницу. В каждую хату набивалось полно беженцев. Но главное было не остаться на морозе. В то же время большая часть людей оставалась на местах в своих хатах. Иван вспомнил удивительный маленький рассказ жительницы Дворище Скуратовой Анны Максимовны. Она тогда с семьёй проживала на хуторе Крешково, на восточном берегу озера Нещердо. Как раз в то время она пошла в Байдино узнать, что слышно про карателей. А ей местные говорят:

– Зачем ты сюда пришла? Уходи. Нас сегодня палить будут.

Анну Максимовну такое отношение людей к себе удивило на всю жизнь. Она быстренько вернулась обратно на хутор. Там она мгновенно собрала родных, и они побежали в сторону, противоположную той, откуда шли каратели. Это их спасло. А вот тех, кто в Тродовичах и Байдино остались, сожгли или расстреляли. Всего около 140 человек. Так это только в двух деревнях и только во время одной карательной операции «Заяц-беляк».

– Да, сильно прокатилась война по белорусской земле, – рассуждал Иван, – все леса перекопаны траншеями и окопами. Сколько солдатского пота пролито. Попробуй в лесу вырыть сапёрной лопаткой траншею, когда в земле всё переплетено корнями. А сколько человеческих судеб искривила война? Взять хотя бы соседа по Железникам Михаила Шмелёва.

Иван углубился в воспоминания. Эту историю он знал хорошо от родителей и односельчан. Когда пришли немцы, они стали в деревнях назначать старост. В Железниках выбор пал на отца Михаила Николая Шмелёва. Без большого удовольствия он дал согласие, так как отказываться было небезопасно, а может быть и смертельно опасно.

В Россонском районе быстро стали формироваться первые партизанские отряды. Немало бойцов Красной Армии вырывалось из окружения, и они тоже примыкали к партизанам. Староста из Железников стал контактировать с разными партизанскими отрядами и, по возможности, чем мог, помогал им: информацией, продуктами питания,

одеждой и др.

Однажды надёжные люди предупредили старосту Николая, что, буквально, в ближайшую ночь партизаны из одного якобы стихийного отряда придут ликвидировать его и семью. Какой именно отряд принял такое решение, сведений не сохранилось. Николай, наверно, не очень поверил в это предупреждение и к тому же чувствовал свою правоту, поэтому решил с двумя сыновьями, в том числе с Михаилом, остаться дома. А вот жена категорически стала собираться с дочкой уходить.

Не дожидаясь вечера, они известными им глухими дорожками в лесном треугольнике покинули Железники и вскоре оказались в Дре-туне, где стоял немецкий гарнизон. Позже они каким-то образом перебрались в США и жили в Чикаго.

Николай свет в хате не запаливал. Сидел сумрачно за столом и слушал. Двух сыновей он предусмотрительно спрятал под печью. Вот вдалеке ухнул филин. Через некоторое время замолкла птица дергач. Чуть позже залаяли собаки. Николай встал и пошёл к двери. Молния выстрела ослепила его. Николая не стало. А вот рискованный ход, придуманный в отношении сыновей, сработал: оба они остались живы.

Иван спохватился:

– Засиделся я здесь. Давно пора уже быть в Дворище.

После получения травмы Иван всё сильнее становился забывчивым. Наряду с этим, он стал замечать за собой странную особенность, которая заключалась в периодическом понимании им языка птиц и зверей. Возможно, это было проявление синдрома «саванта», который заключается в проявлении особых способностей в какой-то одной области. Этот феномен, как правило, наступает после травмы головы.

Нельзя сказать, что он всегда и всё понимал, о чём говорят птицы и звери. Но в особенные и важные моменты лесной жизни понимал. Впервые Иван почувствовал язык птиц, когда как-то в конце июня вышел на опушку леса и отчётливо услышал голос: помоги, ну помоги же. Он испуганно повернул голову и на ветке орешника увидел сойку с ярко-голубыми и чёрными полосками на крыльях, так называемыми «зеркальцами», по бокам от её клюва выразительно виднелись чёрные усы. Сойка внимательно посмотрела в глаза Ивана и, убедившись в отсутствии агрессии с его стороны, быстренько взлетела с ветки и опустилась на опушке под деревом. Присмотревшись, Иван увидел рядом с ней беспомощного птенца, который, по всей видимости, нечаянно выпал из гнезда. Он всё понял и спросил:

– Где гнездо?

В ответ услышал:

– Следи за мной!

Сойка взмахнула крыльями и залетела на дерево, стоящее немного

в глубине леса от опушки.

Иван снял корзину, сапоги. Нежно поднял птенца, аккуратно положил его за борт старого пиджака и полез к гнезду, благо на дереве удачно расположились сучки. Ивану запомнилось, что всё это время мать птенца вела себя очень спокойно, как будто заранее знала, что всё закончится хорошо. Когда он слез с дерева, то снова отчётливо услышал:

– Благодарю.

Иван вспомнил, что когда-то в Железники заехали библейские проповедники. Ему понравились приятные молодые люди: Виктория и Павел. Это была семейная пара. Они называли себя Свидетелями Иеговы и рассказывали крестьянам, как нужно понимать Библию. При расставании они подарили несколько брошюр. Одна из них досталась Ивану. В ней ему понравился небольшой раздел, который назывался «Понаблюдайте за небесными птицами». Особенно запомнились слова Иисуса Христа в Евангелии от Матфея 6:26: «Понаблюдайте за небесными птицами: они не сеют, не жнут и не собирают в хранилища, но ваш небесный Отец кормит их. Разве вы не ценнее их?». Эти слова вселили в Ивана уверенность в том плане, что не следует излишне тревожиться о средствах к существованию.

– Прорвусь как-нибудь в этой жизни, – решил Иван.

При этом он знал, что зимой 8 из 10 синичек погибают от голода и холода. Но с тех пор Иван стал внимательнее относиться к птицам, да и к другим лесным обитателям.

О случае с сойкой никому не рассказывал. Он знал: в его среде не поверят и засмеют. А во-вторых, он интуитивно хотел, чтобы это было его тайной. Спустя много лет он рассказал об этой своей способности только одному человеку, который иногда приезжал в Дворище из Витебска к родственникам своей жены. Его звали Андрей. Когда находилось время, Андрей брал его в свою машину, и они уезжали в лес. Иногда он угощал Ивана, но не спаивал. Ему нравилось, что Андрей живо интересовался его жизнью, много расспрашивал о лесе, любил послушать интересные истории. При этом он никогда не высмеивал.

Как-то раз Андрей приехал на новой машине «Волга» зелёного цвета. Тогда в 90-х годах XX века она была ещё престижной. Ивану запомнился номер 22-77, на который с уважением посматривали даже местные гаишники. Андрей сказал, что хотел бы привезти домой пару молодых сосёнок на память о зелёном лесном треугольнике. Они отправились к озеру Лебединое, на его высокий западный берег, где выкопали несколько маленьких стройных сосёнок и положили их в багажник.

Затем решили пособирать грибы и разошлись в разные стороны. Пробираясь по склону и срезая по ходу крепкие подосиновики, Иван слышал шипение и почти сразу ощутил звуковую вибрацию:

– Не спеши, остановись.

Он обомлел и замер. В трёх метрах от него поднял голову огромный уж. Таких он никогда не видел. Это был очень большой и необычный уж. Его длина была не менее двух метров, а толщина тела составляла около 10 сантиметров. Несмотря на сильный дистресс и скованность Иван успел про себя прочесть «Отче наш».

У обычных ужей на голове два жёлтых пятнышка, а у этого чётко выраженная жёлтая изогнутая линия в виде короны.

– Господи, неужели это сам Король ужей, – пронеслось в голове. И сразу вспомнилось произведение Яна Барщевского «Ужовая корона».

Уж не спешил. Он внимательно изучал этого человека. Судя по всему, это не было случайным. Наконец, Иван услышал вибрацию:

– Сейчас многое изменилось. Люди толком не знают, чего хотят. А если и хотят, то больше денег и развлечений. Правительства большинства стран готовы подыграть им и ради сиюминутной материальной выгоды легкомысленно жертвуют лоном Земли. Леса наши быстро истощаются, влага уходит, дух леса нарушается. Земля сейчас болеет, её температура повышается. Ты любишь лес. Это хорошо. Но ты ещё не научился полностью руководить собой. Когда сможешь, то возможно станешь проводником лесного духа к людям. А теперь ступай.

Уж опустил красивую голову и пополз в сторону молодого сосонника. Полз он тоже необычно: не как обычные змеи, извиваясь, а полз, держа тело совершенно прямо. К машине Иван возвратился задумчивый. Но о том, что произошло, пока решил не говорить. Дома он открыл книгу Барщевского и прочитал, что Короля ужей видели на Лосиной горе.

– А где она эта Лосиная гора? Не знаю. Ну да ладно.

Через полгода от Андрея узнал, что три сосны успешно прижились и радуют его глаз возле своего дома в Витебске.

Стояла середина осени. Прошёл большой праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Во многих деревнях люди по традиции с большим пирогом обошли свои подворья, прикладывая пирог к постройкам, чтобы защитить их от бурь и ветров.

– Кроты продолжают точить землю, – подумал Иван. – Наверно, к снежной и морозной зиме.

Настроение у него было сегодня не самое лучшее. И не потому, что скоро завьюжит, прижмут морозы и его жизнь и его возможности резко ограничатся этими вечными неизбежностями. Он был ещё грустным с вечера, когда узнал, что умер полковник. Он был выходцем из этих мест. Офицер мотался по разным гарнизонам СССР. И всё же смог дослужиться до полковника. Осел в Ленинграде, получил там квартиру. Когда ушёл в запас, потянуло на Родину, в прохладу озёр и тишь лесов.

Много сил и энергии потратил он на постройку добротной усадьбы в Прудке. Не одну сотню километров наездил полковник на своих «Жи-

гулях» первой модели, вращаясь между лесничеством, пилорамами и строймагазинами. Много вложил он в стройку и своего личного труда наряду с шабашниками.

Место подобралось спрытное. Тут тебе и река Дрыса, и лес, и озеро Должно. Приехала сюда супруга. Завели скот, пчёл, заложили отборный сад. Так долго они и жили.

– Хорошо, когда у мужчины есть надёжный друг – жена – подумалось Ивану.

– Особенно если жена единомышленник.

Жена помогла полковнику удержать свою независимую позицию в отношении группы рисковых и опасных людей, блуждающих между деревнями.

Спустя много лет что-то в их жизни изменилось. Жена уехала в Петербург. Полковник остался один. Это его и сгубило.

– У нас хоть и не сельва, как на Амазонке, – про себя рассуждал Иван, – но глушь и отдалённость россонская всё равно засасывает людей, как трясина на болоте. Одному здесь не удержаться. Группа риска обволакивает одиноких, словно осенний туман лощины, и никак от неё не отделаться. Так постепенно окутали и полковника.

Невольно на ум Ивана пришло ещё одно воспоминание, но уже про другого полковника. Тот тоже после службы купил себе домик под дачу в Байдино. Место хорошее: меньше двух километров до озера Нещердо и до трипольского леса недалеко. Наверно, этот полковник надеялся неплохо провести время на склоне лет. Пенсия хорошая. Лови себе рыбу, собирай грибы. Да не тут-то было. Как-то раз пригласил он на ужин двух молодёжь из соседней деревни Горы. Наверно, так ему было веселее и приятнее. Но позже всё пошло не так. Может, он хотел по-мужски обнять и приласкать одну из кабет после выпитого горячительного спиртного. Только одна из них схватила нож со стола и убила романтического полковника.

– Нет, наша глухомань так просто не принимает и не отпускает новых людей, – сделал вывод Иван.

Сегодня утром Иван сварил щолок и стал чистить посуду. Щолоком в здешних краях называют сваренную золу. Щолок хорошо справляется с жиром и копотью. Посуда у него не мудрёная, в основном, эмалированная. Всё, что было из алюминия, ушло на сдачу как цветмет. Про себя подумал:

– Да, если бы сам не сдал, всё равно другие бы украли. Поди, вон у людей сколько попропадало тазиков, кастрюль, бидонов и другой хозяйственной дробези. При Советском Союзе это никому не нужно было. А потом лихие 90-е дали о себе знать. Появились частные приёмщики металлолома, и им понесли всё, что плохо лежит. Дошло до того, что стали

обрезать провода с линий электропередач, особенно заброшенных.

Иван прервал свои внутренние рассуждения и прислушался. Приближалось завораживающее курлыканье журавлиного клина, разрезающего небесную синь.

– Не рано улетают, – подумал Иван. – Значит, до Артемьева дня морозов ещё не будет. Хорошо.

Он вспомнил как в детстве в такую пору взрослые и дети долго бежали за журавлиным клином и кричали: «Колесом дорога, колесом дорога...», чтобы журавли весной снова вернулись домой. При этом на летящих птиц запрещалось показывать пальцем, так как считалось, что они от этого могут заблудиться.

Вдруг Иван ощутил сильную давящую боль в груди. Током она отдалась в левом плече. Он присел на старенькую скамейку во дворе и спиной прислонился к берёзе. Постепенно стало лучше, но глаза покрылись поволокой. Иван понял, что он уходит и успел подумать:

– Никогда не знаешь, что это в последний раз...

3.4. Глухарь. Болото

Осенью в начале 80-х годов прошлого века Синица Василий Александрович организовал поездку за клюквой на болото, расположенное на границе Россонского и Полоцкого районов.

Утром мы выехали в направлении деревни Межно. Вскоре за Межно есть безымянный перекрёсток. На перекрёстке заброшенная автобусная остановка. Я помню как-то раз мы с женой и двумя детьми, Игорем и Надей, ехали из Витебска в Дворище и среди бела дня увидели прямо на остановке волка. Я остановил машину. Волк не уходил. Сместив взгляд немного в сторону, я увидел в лесу стоящих волчицу с волчонком. Через некоторое время звери ушли.

На перекрёстке мы свернули влево, переехали мост через Дрысу и поехали по старой дороге на посёлок Дретунь. Дорога вымощена брусчаткой. По обе стороны очень глухие места. В начале пути слева от дороги в лесном уголке запряталась маленькая деревушка Мариница. В ней раньше жила родственница супруги и у неё во время войны прятались люди от немцев.

Неожиданно прямо на дороге встречаем сидящего глухаря. Он тоже, наверно, удивился и не спешил взлетать. Я приостановил машину, и мы полюбовались красавцем. На раннем солнце его шея в нижней части блестела металлическим синевато-зеленоватым отливом. Шикарный чёрный хвост оттенял мраморный рисунок с белыми пятнышками. И всё же: почему он не спешил улетать? Эта мысль невольно сидела у меня в голове.

Надо сказать, что глухаря в Беларуси не так уж много. Например, в 1988 году в Витебской области в среднем насчитывалось 1,8 экземп-

ляра на 1000 га лесопокрытой площади. Для сохранения популяции необходимо, чтобы рубки леса были в пределах допустимых норм, не сплошные, а выборочные. В крайнем случае, следует проводить выруб- ки в шахматном порядке.

Честно говоря, мне до сих пор стыдно перед глухарями, когда мно- го лет назад перед входом в урочище между озёрами Белое и Межно со стороны деревни Рюм я увидел две пары глухарей. Позже я снова их там встречал. Стыдно было за бардак, который оставили за собой лесо- заготовители. Оставили они несколько больших вырубок без посадки нового молодняка. Кроме этого, с помощью тяжёлой техники сохрани- лись безобразные завалы из оставшегося от леса. К этому бесхозяйст- венному месту ведут глубокие колеи от лесовозов, которых я называю «лесоубийцами». Не знаю, может, в наше время там уже всё исправле- но. Дай бы Бог.

Наблюдая абсолютную тишину и безлюдье вокруг, я сказал:

– Наверно, на этой дороге всегда царят тишина и покой.

На что тесть заметил:

– Далеко не всегда на этих лесных дорогах было малоллюдно и спо- койно.

Помолчав, рассказал печальную историю. В первые дни фашист- ской оккупации он вместе со знакомым, Семёном Фёдоровичем Горели- ковым, оказался непосредственно вблизи шляха Дретунь–Краснополье. Дорога, по которой мы сейчас едем, вливается в него. Была вторая по- ловина июля, стояла сильная жара. Со стороны Дретуни на Краснополье и дальше на Невель бесконечными колоннами шли танки и автомобили с захватчиками. По обочине дороги немцы гнали колонны пленных красноармейцев. Вдоль дороги стояли женщины из местных деревень с надеждой найти своих. Некоторые находили. С конвоирами можно было договориться за десяток яиц или «кавалак сала». Конвойных сол- дат было мало. И они были ещё не агрессивные: видимо, считали, что война почти уже закончилась. Вокруг леса. Некоторые сбегали. Но ос- новная масса пленных шла дальше, доверившись горькой судьбе. А зря. Надо было бежать. Потом всё стало гораздо хуже и сложнее. Их загнали на место бывших свинарников напротив деревни Демех и стали уже при- стально охранять. Пленных практически ничем не кормили. Женщинам разрешали бросать им только ботву от бураков. Здесь был перевалоч- ный лагерь. Многих расстреливали.

Все в машине молчали. Потом кто-то сказал:

– Какой удивительный феномен. Можно бежать и получить свобо- ду, но люди выбирали участь. Может, они тоже думали, что война поч- ти закончилась.

Через некоторое время мы свернули вправо и вышли к огромному болоту, которое уходило за горизонт. Позже я понял, что это то самое

болото, возле которого жили мои предки в деревнях Жарцы и Лонница. Просто в данный момент мы заехали с противоположной более глухой стороны. На болоте много маленьких озёр. Они, как синие блюдца, под осенним таким же синим небом. Но есть два озера побольше: Звериное и Страдань. Это место называется урочищем Гогалица.

Болото, по замечанию тестя, уже не то, что было когда-то. Сказались последствия мелиорации. Правда, было непонятно, зачем в такой глухомани вмешиваться в природу и «закапывать» деньги. Вместе с тем, мы насобирали много отборной крупной клюквы. Кроме нас в этом месте в тот день никого не было.

Местность казалась необычной и очень интересной. Я решил, пользуясь случаем, немного её происследовать. Пройдя совсем немного, я обнаружил колючую проволоку на кольях, которая разделяла советские и фашистские позиции во время войны. Оказывается, фронт стоял даже в этом большом болоте. Позиции располагались совсем недалеко друг от друга, буквально, несколько десятков метров. Я подошёл к одной линии траншей и тут же нашёл несколько советских гильз. Аналогично на другой стороне я уже держал горсть немецких. Скорее всего, в этих местах также стоял фронт девять месяцев. Этот фронт образовался после того, как советские войска Калининского фронта вышли на линию: озеро Нещердо–Межно–Дретунь и остановились.

Погода стала неожиданно быстро меняться. Подул ветерок и из ближнего леса стал надвигаться бело-синий туман. Стало тихо. Увлёкшись, я оказался на некотором удалении от родственников, по-прежнему собирающих клюкву. Туман, как у Яна Барщевского, навевал чувство смутной печали. Неожиданно через туман, мне так показалось, я почувствовал некую звуковую вибрацию. Отдалённо она напоминала человеческие голоса. Я прислушался, до максимума обострив свои органы чувств. Но ощущалась только еле заметная вибрация через туман. Чуть позже слышалась, как в старых кинофильмах про войну, гортанная немецкая речь. Лёгкий порыв ветра образовал размыв тумана, в котором я увидел группу солдат и несколько офицеров в форме мышинного цвета. Они о чём-то рассуждали и показывали руками в направлении деревни Конный Бор. Раздался скрип телеги и одновременно голоса на белорусском языке с местным диалектом времён первой половины прошлого века.

Я замер. В висках застучало. Двое или трое мужчин, которых я не разглядел в игривой и немного заискивающей форме, стали общаться с немцами. По разговору стало понятно, что это полицейские из Дретуни привезли самогонку и угощение. Это было невероятно. Я ущипнул себя, надеясь, что сейчас проснусь и всё станет на свои привычные места. Но не тут-то было, все мои ощущения окружающего сохранились. Да, это не сон. Одновременно я почувствовал спиной, что на меня кто-то смотрит. Чувствовать спиной меня научила жизнь. Мой дедушка в советские

годы был священником. И в этой связи, начиная с детства, я имел немалый опыт негативного отношения к себе части как сверстников, так и взрослых. Со временем выработалась интуиция хорошо чувствовать людей, даже если их я в данный момент непосредственно не вижу.

Я обернулся и увидел совсем близко глухаря. Он сидел на невысокой сосне и внимательно смотрел мне в глаза. Меня осенило – это тот самый глухарь, что утром сидел на дороге. Это я понял по окрасу его оперенья в области зоба и груди. Ещё утром меня удивило, что вместо обычного чёрного или светло-каштанового оперенья в этой области у этого глухаря оно было малинового цвета. Каким-то почти невидимым движением головы глухарь указал мне уходить. Соблюдая осторожность, чтобы под ногой не треснула сухая ветка, я стал удаляться. Вскоре я увидел своих. Обеспокоенные моим отсутствием, они громко аукали.

Через два года (1983) ранней весной в марте месяце я договорился с местным жителем Егором Данченко поехать на зимнюю рыбалку на озеро Страдань. Егор – добрый человек, который родился и значительную часть жизни прожил в деревне Горы. Эта деревня как бы открывает путь к озеру Нещердо. Здесь раньше традиционно жили опытные рыбаки, понимающие толк в непростой ловле на большом озере.

Решение о поездке было принято накануне вечером в пятницу. По северо-восточной белорусской традиции после бани мы сидели за столом в доме Егора. На столе обычная вкусная еда белорусов: картошка, томлённая в печи, поджарка, солёные огурцы, маринованные помидоры и засоленные чёрные грузди, приготовленные холодным способом. Полежав в засолке, они приобретают аппетитный тёмно-малиновый цвет. Выпив несколько келишек водки и хорошо закусив, мы разошлись до утра.

Проснувшись ранним утром и выглянув на улицу, я увидел, что за ночь выпало довольно много снега. Был выходной день. На дороге ни одного следа от автомобиля или повозки. Мы отправились в не очень близкий путь. Жигули «девятка» – достаточно проходима машина – уверенно преодолевала снежные заносы.

По дороге мы разговорились и стали обмениваться мнениями о той местности, куда держали путь. Я напомнил, что Ян Барщевский в своих произведениях называл речку Страдань и Ситнянские леса. Он описывал старую легенду, согласно которой холмы, находящиеся там, якобы были насыпаны людьми и что на них стоял город. Позже он был разрушен врагами. И с тех пор там происходили загадочные события.

На это Егор сказал:

– И в наше время местные жители, а также рыбаки и грибники неоднократно наблюдали блуждающие огни и исчезающие силуэты людей. Некоторые связывают это явление с духом погибших в болоте советских и немецких солдат. Другие люди рассказывают о большом военном полигоне под Дретунью. На нём больше проводились стрельби-

ща из артиллерийских орудий и танков по различным целям.

Егор замолчал. И после задумчиво произнёс:

– Не знаю, правда это или придуманное, но некоторые люди утверждают, что однажды на полигон на автобусе привезли солдат. И надо было так случиться, что случайно шальной снаряд угодил прямо в автобус. Практически все погибли. Люди считают, что их неуспокоенный дух и сильная энергетика бродят по этим пустынным местам.

Наконец, мы благополучно добрались до озера. Вокруг ни души. Лёгкий морозец. Начали ловить рыбу. Для меня такая обстановка на рыбалке, как бальзам на душу. Никто не тревожит и не отвлекает от единения с природой. Рыбалка вблизи городов совсем не та. Там много людей, много шума, много ненужных слов. Да и некоторые люди стремятся прорваться в твоё личное пространство.

С утра, как обычно, клёв был получше, к обеду ослабел. Через некоторое время Егор сказал, что хочет половить крупного чёрного окуня на маленьком озерце Линец, которое расположилось по соседству. Я остался один и решил воспользоваться возможностью продолжить знакомство с окружающей местностью.

Сошёл со льда на берег. Вокруг запорошенные снегом высокие ели и сосны. Вдалеке еле слышно скрипел о лёд ледобур Егора. Пройдя по лесной дорожке, я увидел на снегу так называемые наброды, то есть следы крыльев глухаря. Моё сердце застучало. Неужели я снова увижу того самого? Невероятно, но через несколько десятков метров на молодой сосёнке сидел красавец с тёмно-малиновой грудкой. Мы поприветствовали друг друга. Затем его голова повернулась на восток. Я невольно повторил это движение. Мой взгляд нащупал еле заметную дорожку, засыпанную снегом и уходящую в болото.

Медленно продвигаясь, я вскоре увидел на снегу следы людей. Они взялись ниоткуда и вели в никуда. Люди шли след в след, как бы стараясь создать впечатление, что прошёл один человек. Так ходят североамериканские индейцы. Белые люди не умеют, они обычно выворачивают пятки. Поэтому внимательно присмотревшись, я определил, что прошло не менее пяти человек. Отпечаток подошв мне был знаком. Я вспомнил откуда.

Как-то исследуя относительно глухие места в районе озера Осмота Городокского района, я наткнулся в лесу на вырытые чёрными копателями останки немецкого пулемётчика. Сами останки тела были вновь зарыты. Видимо копатели (копатель) имели ещё определённую совесть. К холмику были прислонены полуистлевшие ботинки и пулемётный диск. В ботинках хорошо сохранились только подошвы. И их рисунок я хорошо запомнил.

Значит, эти следы оставлены гитлеровцами. Позже, размышляя,

я пришёл к выводу, что эти места и, в частности, болото обладают аномалиями. Аномалии здесь могут усиливаться неуспокоенным духом и душами погибших солдат.

Через некоторое время я прочитаю в прекрасной книге «Память. Россонский район», что в марте 1944 года советский лыжный батальон 101-й Казахской особой стрелковой бригады вёл тяжёлые бои с гитлеровцами в районе озера Страдань за высоту 153,1. В боях за эту высоту погиб командир 101-й бригады полковник Иван Фёдорович Воробьёв. Лыжный батальон смог взять доминирующую высоту и отбил многочисленные контратаки немцев с большими для них потерями.

Двумя годами позже я снова оказался ранней весной на озере Страдань. Вместе с местными жителями мы надеялись половить рыбу. Но озеро нас не впустило. Была очень снежная зима. И я впервые в жизни увидел явление, когда ещё абсолютно крепкий лёд под тяжестью снега опустился под воду. Озеро хранило тайну. Глухаря я также не встретил.

Произошедшие события в окрестностях озера Страдань не давали мне покоя. Не дают покоя они и сейчас, когда я пишу эти строки. Но течение реки жизни и его обстоятельства не позволяли мне заняться собственным приближением к раскрытию и пониманию необычных явлений. Только спустя 15 лет я снова вернулся к этой теме. Для большей научной объективности я обратился к известному в белорусском Поозерье учёному-биологу и краеведу, профессору Анатолию Максимовичу Дорофееву. С ним мы обсудили проблему, составили гипотезу и наметили пути её исследования. С этой целью были осуществлены две экспедиции в Россонский и Полоцкий районы. Также для объективных выводов мы проработали известные материалы об этой местности и опросили определённое количество местных жителей.

Интересные сведения рассказала жительница деревни Алёща Анна Синькова. По её словам, местные женщины, собирая ягоды и грибы в Ситнянских лесах вблизи озера Лешно, часто не могли найти дорогу к дому и долго кружили по одному и тому же месту. И только спустя много времени они как бы вырывались из порочного круга. Хотя при этом они очень хорошо знали места. Также крестьяне говорили о закрученных деревьях с большой силой. Эти явления люди связывают с Лешим – лесным духом, или Етти. Кстати, на острове озера Лешно нами был обнаружен окаменевший слепок-отпечаток стопы ноги. Размер отпечатка: длина – 44 см, ширина в пальцах – 23 см, ширина в пятке – 13 см, ширина средней части стопы – 17,5 см.

Для возможного прояснения ситуации я совершил несколько поездок на бывший военный полигон под Дретунью. Теперь здесь просто открытая территория. Природа постепенно приходит в себя после всего пережитого. На полигоне много разных песчаных дорог, в которых легко запутаться и вообще много песка. Когда-то здесь были большие Сит-

нянские сосновые леса. Мать-земля берёт своё, и бескрайние песчаные холмы покрываются пока ещё редким мхом и молодым сосонником. Глухие безлюдные места. Там много прекрасных озёр. В тех местах заманчиво собирать грибы потому, что легко найти заповетные уголки, где до тебя, по крайней мере, в этом сезоне грибы никто не трогал. В разных частях бывшего полигона встречаются болванки и гильзы от снарядов. Когда-то здесь много стреляли из орудий по списанным, но ещё действующим танкам, а также по специальным контейнерам, в которые было сложено различное стрелковое оружие. После стрельб эксперты изучали особенности его поражения.

Известен курьёзный случай, когда проворные охотники из одного сельского района решили приобрести танк как транспортное средство на охоте. Представьте, они решили этот вопрос на ещё действующем полигоне и пригнали танк в свой сельскохозяйственный кооператив. Но, опробовав танк, пришли к выводу, что не тот. Они взяли тяжёлый танк, и его постоянно заносило на сложных лесных дорогах. Надо было выбирать средний или лёгкий танк. Сначала было тихо. Но позже слух якобы дошёл до Витебска. Высокие милицейские чины проявили известное беспокойство, и башню у танка сняли.

В результате долгих поисков удалось установить две оси координат, где с наибольшей силой проявлялись аномальные явления. Одна ось проходит через озеро Страдань–гора Кобылья (155,8)–озеро Лешно. Кстати, это уже другое озеро Лешно и располагается оно на бывшем полигоне. Вторая ось проходит через гору Ольховка (155,1)–озеро Лешно-Алёща. Точка пересечения осей расположена в непосредственной близости от слияния рек Страдань и Полота. Также месторасположение точки пересечения осей координат практически точно совпадает с легендой о древнем городе, описанной Яном Барцевским. Наряду с этим, случайно или нет, но на обеих осях располагаются сразу два одноимённых озера Лешно. При этом вблизи деревни Алёща находится деревня Лешно. На обеих осях нам с профессором удалось найти следы мест языческих поклонений с каменными артефактами. Прекрасное раздолье для креативных туристов. Но, может быть, самое главное заключается в том, что в этих отдалённых местах путешественник сможет найти «естественных» людей с открытой душой и добрым сердцем, не испорченных современной прагматичной и зачастую лживой цивилизацией.

Научно-популярное издание

СУХАРЕВ Андрей

БЕЛАРУСЬ СЕВЕРНАЯ

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Корректор

Л.В. Моложавая

Компьютерный дизайн

Т.Е. Сафранкова

Подписано в печать .2016. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 11,85. Уч.-изд. л. 13,77. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

Репозиторий ВГУ